

2015 №2

MSUPE

PSYCHOLOGY AND LAW

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Алюшева А.Р.

Стилевые особенности фиксации истории жизни в автобиографической памяти личности как результат внутрисемейной трансмиссии 1

Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В.

Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет 16

Токарева Г.М., Булыгина В.Г., Прытова Е.Б.

Социальные и патопсихологические характеристики психически больных с различной степенью общественной опасности 41

Бабина С.В., Дворянчиков Н.В.

Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением 53

Парахони А.А., Васютина А.А., Булыгина В.Г.

Особенности эмоционального интеллекта и внутрисемейных эмоциональных коммуникаций у лиц, совершивших сексуальные ООД 67

Плешакова Е.А., Иващук Н.В., Макурина А.П.

Психологические факторы риска социальной дезадаптации и защитные факторы у женщин, зависимых от алкоголя 80

Гагина О.В., Кузнецов В.О., Секераж Т.Н.

Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения 93

Мельникова Д.В., Дебольский М.Г.

Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых 105

Митракова Е.Н.

Психологическая компетентность руководителя полиции как основа профессионализма 117

Нуркова В.В.

Забывать нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний 126

Ошевский Д.С., Фролова М.С.

Динамика моральных суждений у юношей-военнослужащих в период прохождения действительной службы 138

Стилевые особенности фиксации истории жизни в автобиографической памяти личности как результат внутрисемейной трансмиссии

Алюшева А.Р., аспирант факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (annaalyusheva@gmail.com)

Статья посвящена изучению стиливых особенностей организации автобиографической памяти, потенциально значимых для понимания системы внутриличностных источников формирования склонности к девиантному поведению у молодежи. С позиций теории Л.С. Выготского проведено эмпирическое исследование 102 диад «родитель–юноша/девушка» с целью изучения механизмов культурной детерминации макроструктуры автобиографической памяти в аспекте освоения транслируемых жизненных сценариев. Проведена дифференциация разноуровневых социальных влияний на формирование системных характеристик автобиографической памяти, которые образуют индивидуальный стиль фиксации истории личного прошлого. Выявлены устойчивые семейно транслируемые показатели автобиографических воспоминаний, входящих в «семейный жизненный сценарий»; к их числу относится эмоциональный профиль воспоминаний о собственной жизни, уровень сценарности (фиксация социально одобряемых событий), представленность воспоминаний о других людях (социальная ориентированность). Низкие значения по этим показателям могут выступать факторами риска асоциального поведения.

Ключевые слова: автобиографическая память, автобиографические воспоминания, история жизни, культурный жизненный сценарий, семейный жизненный сценарий, эмоциональный профиль личного прошлого, социальное наследование, асоциальное поведение.

Для цитаты:

Алюшева А.Р. Стилевые особенности фиксации истории жизни в автобиографической памяти личности как результат внутрисемейной трансмиссии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Alyusheva.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100201

For citation:

Alyusheva A.R. Style features of recoding the personal life-story in autobiographical memory as a result of intra-familial transmission [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*

[Psychology and Law], 2015, no. 2. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Alyusheva.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)
doi: 10.17759/psylaw.2015100201

Очевидно, что не существует специфического гена преступности: с точки зрения биологии, нельзя наследовать противоправное поведение или какой-то особый «криминальный талант». Однако устойчиво наблюдается факт своеобразного «социального наследования» девиантности. Например, по результатам социологического исследования В.А. Лелекова и Е.В. Кошелевой, около 40% несовершеннолетних нарушителей воспитывались в семьях, где хотя бы один из родителей имел судимость [4]. Большинство исследователей едины во мнении о том, что существенное влияние на формирование паттернов асоциального поведения молодежи оказывает микросоциальное окружение – семья и референтные группы [12; 10]. Среди внутрисемейных факторов – предикторов подростковой и юношеской преступности выделяют такие, как алкоголизм, бедность, эмоциональная депривация, насильственные практики воспитания и пр. [11]. Установлено также, что криминальность молодежи связана с более общими характеристиками личности – мировоззрением, ценностями, представлением о своих жизненных перспективах [3; 5].

Следует выдвинуть предположение о том, что формирование склонности к девиантному (и в том числе к противоправному) поведению с приобретением соответствующих устойчивых личностных качеств определяется наряду с другими традиционно изучаемыми факторами и содержательно-структурными характеристиками базисной когнитивно-личностной системы автобиографической памяти (АП).

С одной стороны, АП представляет собой индивидуальную конфигурацию личностно отнесенных воспоминаний, которая обеспечивает человеку возможность мыслить и переживать себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути [6; 9]. Поэтому каждый человек является обладателем неповторимых воспоминаний прошлого. Ряд характеристик АП на уровне целостного представления о своей жизни, таких как количество и эмоциональная оценка воспоминаний, пропорция позитивных и негативных воспоминаний, показывают сильную взаимосвязь с устойчивой идентичностью [17; 19].

С другой стороны, АП является онтогенетически поздним психическим новообразованием, становление которого происходит в специфической семейной ситуации развития через овладение существующими в культуре идеальными аутоэмоциональными формами. Задачей развития АП в дошкольном возрасте является способность создавать автобиографическое воспоминание о конкретном эпизоде прошлого, чему соответствует культурная форма рассказа [14,18]. В подростковом возрасте на смену ей приходит задача построения целостной, «субъективно достоверной» жизненной истории, включающей в себя представление о прошедшей части жизненного пути, план на отдаленное будущее и самописание особенностей собственной личности [16]. В данном случае подлежащей интериоризации культурной идеальной формой становится культурный жизненный сценарий (КЖС). В исследованиях КЖС определяется как совокупность обобщенных представлений о чередующихся типичных жизненных событиях. Д. Бернтсен и Д. Рубин определяют КЖС как социально типичный образец представлений о

номенклатуре, возрасте наступления и эмоциональной валентности важных событий жизни человека [13]. По данным кросс-культурных исследований, КЖС обладают высокой универсальностью и включают в себя преимущественно социально желательные события. Выявлены лишь незначительные культурные вариации в КЖС [7; 13]. Согласно эмпирическим данным по анализу автобиографических воспоминаний, полученным в зарубежных и российских исследованиях, КЖС выполняют формирующую функцию при создании личностью целостной истории своего прошлого [13; 6; 8]. Таким образом, сценарии являются социальными образцами организации автобиографии, которая, в свою очередь, определяет индивидуальную АП в единстве прошлого, настоящего и будущего [9; 1; 2; 13; 18; 15]. Зафиксировано возрастание сценарности автобиографических воспоминаний от раннего подросткового к юношескому возрасту [17].

В настоящее время распространен взгляд на КЖС как на устойчивое семантическое знание, относительно независимое от конкретного содержания индивидуального жизненного опыта [17, 18]. Остается открытым вопрос о том, какие параметры структуры индивидуальной АП, являющиеся результатом присвоения КЖС, не испытывают на себе влияния со стороны семейной ситуации развития (идентично транслируются из различных слоев социума), а какие параметры преимущественно транслируются внутрисемейно. Обнаружение таких показателей могло бы конкретизировать механизмы семейного наследования стилевых особенностей АП подростков и юношей, в том числе обуславливающих формирование негативистских установок и отклоняющегося поведения.

В связи с этим, целью нашего эмпирического исследования стало выявление внутрисемейно транслируемых параметров целостного представления о личном прошлом, складывающегося в автобиографической памяти.

Гипотезы исследования

1. Сложившаяся у человека индивидуальная макроструктура АП является результатом процесса социализации за счет овладения интегрированной системой содержательных, эмоционально-смысловых и темпоральных параметров нормативных событий жизни, представленных в КЖС.

2. Межпоколенно устойчивые параметры макроструктуры АП отражают интериоризированную форму общекультурного компонента жизненного сценария.

3. Часть из межпоколенно устойчивых параметров АП обладает высокой внутрисемейной согласованностью, что указывает на основной вклад внутрисемейного взаимодействия в их формирование.

4. Индивидуальная макроструктура АП включает в себя параметры, не представленные в общекультурном сценарии, но высоко согласованные внутри семейной диады, что выявляет характеристики локальных семейных жизненных сценариев.

Выборка и процедура исследования

В основной серии исследования приняли участие 204 человека: 102 студента вузов и 102 родителя этих студентов. Испытуемые участвовали в исследовании на добровольной основе.

В качестве основной методики исследования мы использовали графическую методику «Линия жизни» (ЛЖ), направленную на выявление структурно-содержательных характеристик АП в форме целостной истории жизни [6]. Согласно инструкции, испытуемые отмечали на оси времени, расположенной на стандартном листе А4, значимые события своего прошлого: чем радостнее для них событие, тем выше оно располагается относительно оси времени, и наоборот, чем неприятнее событие, тем ниже оно должно быть расположено.

Использовались следующие параметры анализа методики ЛЖ:

- общее количество воспоминаний, представленных на ЛЖ;
- процент позитивных и негативных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
- присутствие на ЛЖ события «Мое рождение»¹;
- среднее значение графически выраженной эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний (в мм);
- среднее значение графически выраженной эмоциональной амплитуды негативных воспоминаний (в мм);
- среднее значение графически выраженной эмоциональной амплитуды общего количества воспоминаний (в мм);
- возраст первого воспоминания, представленного на ЛЖ;
- количество и процент сценарных воспоминаний, т.е. воспоминаний о событиях, совпадающих с содержанием КЖС;
- количество и процент типичных воспоминаний, т.е. высокочастотных воспоминаний – участников исследования конкретной возрастной группы;
- количество и процент уникальных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
- количество и процент «фотографических» воспоминаний²;

¹ Эмпирически показано, что около 30% участников исследования включают событие «Мое рождение» в конфигурацию наиболее значимых для них воспоминаний, несмотря на то, что оно, безусловно, носит статус не воспоминания, а автобиографического знания [6].

² «Фотографическое» воспоминания (flashbulb memories) – воспоминание о конкретном единичном эпизоде прошлого, воспроизводится в полимодальной форме; термин принадлежит Р. Брауну, Дж. Кулику.

- количество и процент обобщенных воспоминаний, т.е. феноменологически менее ярких, но семантически более значимых, например, о факте смены социальной роли;
- количество и процент воспоминаний о событиях жизни других людей.

Пример протокола методики ЛЖ представлен на рис. 1.

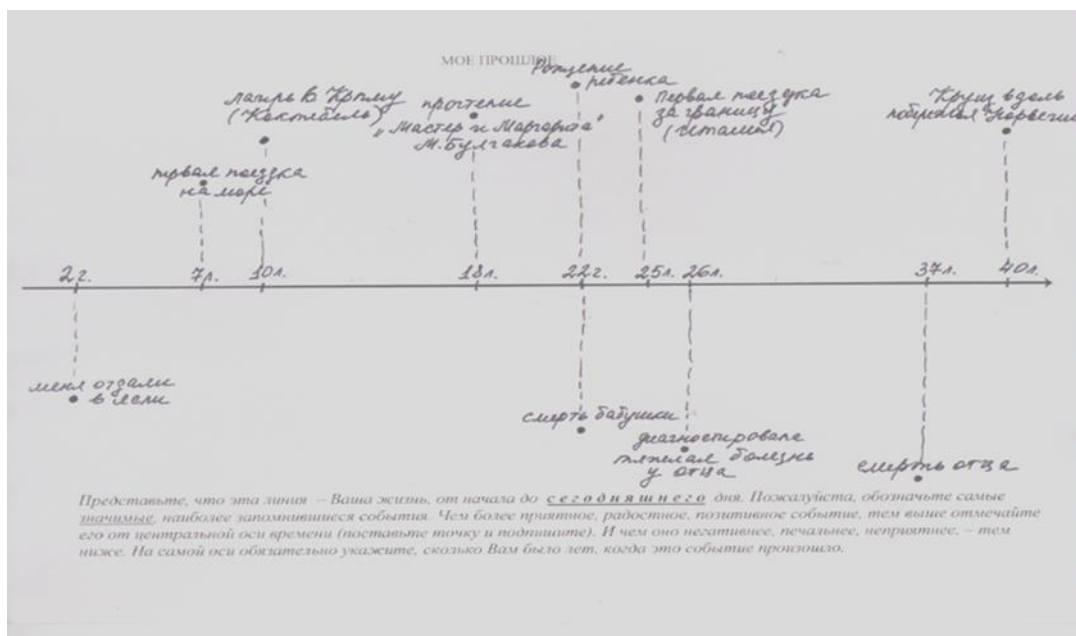

Рис. 1. Испытуемая Б.Л., 41 год. Протокол методики «Линия жизни»

Для выявления межпоколенных различий в значениях параметров макроструктуры АП данные анализировались по межгрупповому плану как несвязанные выборки, а для выявления внутрисемейных взаимосвязей – как связанные выборки. В случае нормального распределения значений переменной использовался Т-критерий Стьюдента, в случае распределения, отличного от нормального, – критерий Манна-Уитни. Подсчитывались также коэффициенты сходства в семейной диаде и однородность признака (совокупность считалась однородной при коэффициенте вариации менее 33%).

Результаты исследования

По итогам межпоколенного сравнения значений параметров АП, корреляционного анализа значений параметров АП в семейных диадах и подсчета коэффициентов диадного сходства получены результаты, которые позволяют выделить следующие подсистемы параметров АП, имеющие различные источники интериоризации.

1. *Параметры макроструктуры АП, совпадающие в общекультурном и семейном жизненном сценарии.*

В данную группу вошли параметры макроструктуры АП, которые продемонстрировали нормальное распределение, отсутствие межпоколенных различий и наличие высоко значимой положительной корреляции внутри семейных диад (табл. 1).

Таблица 1

Параметры макроструктуры АП, одновременно присутствующие в общекультурном и внутрисемейном жизненном сценарии

Параметры анализа методики ЛЖ	Отсутствие различий между поколениями	Внутрисемейная корреляция	Нормативное значение для КЖС
Количество воспоминаний	t=0.525, p=0.6	r=0.428, p=0.00	16 (ст.откл.= 7,6)
Количество обобщенных воспоминаний	t=1.349, p=0.18	r=0.327, p=0.02	14,4 (ст.откл.= 6,9)
Процент позитивных воспоминаний	U=5623, p=0.26	r _s =0.3, p=0.03	71,14 (ст.откл.= 11,6)
Процент негативных воспоминаний	U=4662.5, p=0.24	r _s =0.28, p=0.03	28,86 (ст.откл.= 11,6)
Средняя амплитуда эмоциональной оценки позитивных воспоминаний	t=1.438, p=0.153	r=0.583, p=0.00	45,74 (ст.откл.= 15,77)
Средняя амплитуда эмоциональной оценки негативных воспоминаний	t=1.22, p=0.225	r=0.411, p=0.00	35,24 (ст.откл.= 15,24)
Средняя амплитуда эмоциональной оценки всех воспоминаний	t=1.317, p=0.19	r=0.626, p=0.00	42,34 (ст.откл.= 13,2)

Более того, выявлены два параметра макроструктуры АП: 1) процент позитивных воспоминаний на ЛЖ и 2) средняя амплитуда эмоциональной оценки всех воспоминаний на ЛЖ, которые не только не обнаруживают межпоколенных различий на всей исследованной выборке, что свидетельствует об их происхождении из содержания общекультурного жизненного сценария, но и в семейной диаде воспроизводятся практически с точным совпадением количественного значения (коэффициент диадного сходства близок к 1).

Полученные данные означают, что трансляция указанных параметров макроструктуры АП (рис. 2), относящихся к компонентам общекультурного

жизненного сценария, опосредствуется общением в семье и эти параметры являются объектом *крайне устойчивой внутрисемейной трансмиссии*.

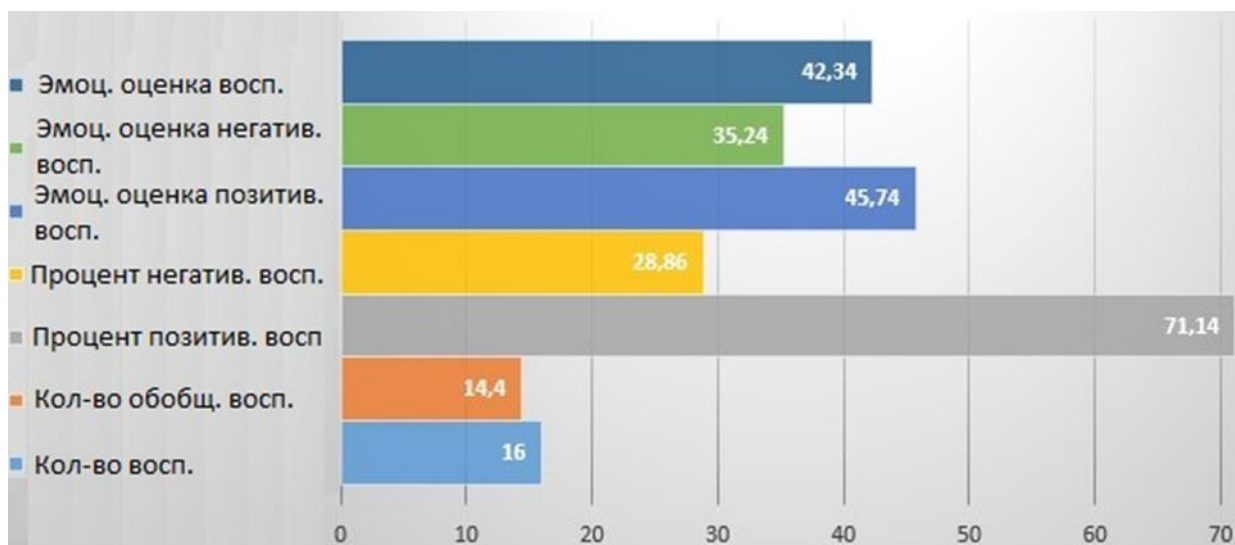

Рис. 2. Параметры АП, являющиеся результатом присвоения КЖС, опосредованные влиянием внутрисемейного взаимодействия

2. Параметры макроструктуры АП с внутрисемейным источником формирования.

В данную группу входят параметры АП, для которых выявлены высоко значимые корреляции внутри семейной диады при наличии межпоколенных различий в распределении показателей, что свидетельствует об их преимущественно «семейном наследовании» (табл. 2).

Таблица 2

Параметры структуры АП с внутрисемейным источником формирования

Параметры анализа методики ЛЖ	Наличие различий между поколениями	Внутрисемейная корреляция
Количество сценарных воспоминаний	U=3160, p<0,001	$r_s=0.332$, p=0.001
Процент уникальных воспоминаний	U=6236.5, p=0.006	$r_s=,318$, p=0.001
Процент «фотографических» воспоминаний	U=2267, p=0.009	$r_s=,561$, p<0,001
Процент воспоминаний о событиях жизни других людей, включенных в автобиографию	U=2554, p<0,001	$r_s=,397$; p=0.00

Процент типичных (т.е. высокочастотных для представителей их возрастной группы) воспоминаний	$U=2.992, p=0.003$	$r_s=,285, p=0.004$
Возраст, которым датируется первое воспоминание	$U=3502, p<0,001$	$r_s=,210, p=0.034$
Наличие события «Мое рождение»	$\chi^2=11.3335, df=1, p=0.0007$	$r_s=,356, p=0.00$

Более того, коэффициент диадного сходства по параметру «Процент типичных воспоминаний» близок к 1 и коэффициент его вариации – менее 33%, в связи с чем данную стилевую особенность организации индивидуального автобиографического опыта в социализированную историю жизни можно считать чрезвычайно устойчивым объектом внутрисемейной трансмиссии.

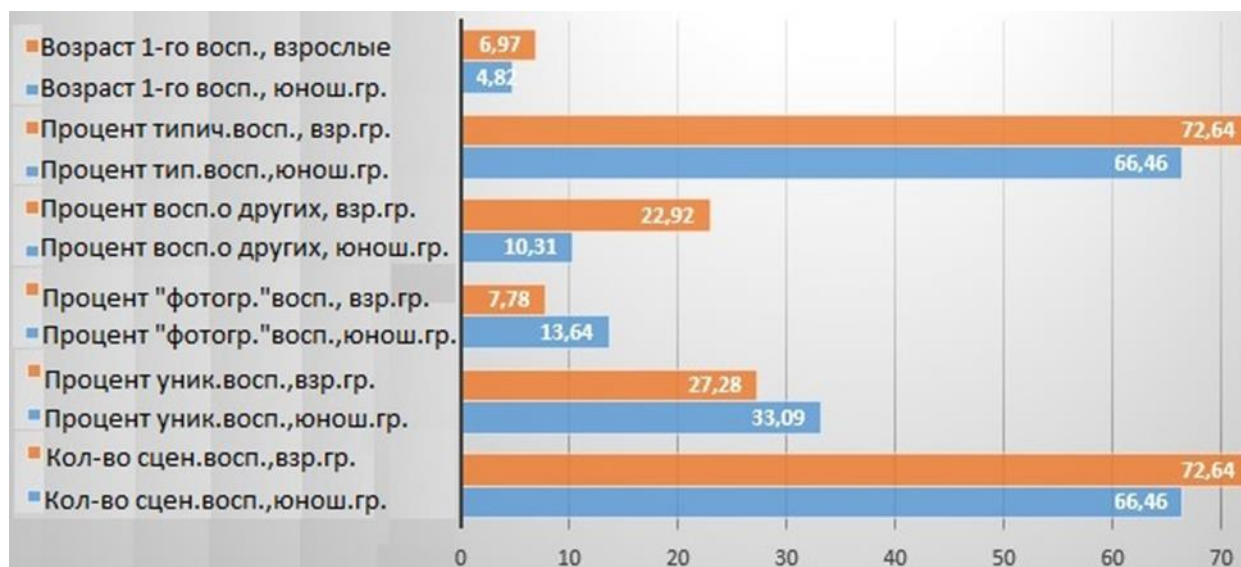

Рис. 3. Параметры структуры АП с внутрисемейным источником формирования

Обнаруженное нами в семейных диадах явное тождество макроструктур АП родителей и воспитанных ими детей (рис.3) при безусловном различии конкретных содержаний автобиографических воспоминаний участников данного исследования позволяет признать доказанной роль трансляции и интериоризации семейных жизненных сценариев как механизма формирования стилевых особенностей организации памяти о собственной жизни у молодого поколения.

Также в исследовании выявлен ряд межпоколенно устойчивых параметров макроструктуры АП, которые не подвержены внутрисемейному воздействию (низкие корреляции в диадах): общее количество воспоминаний на ЛЖ; процент позитивных и негативных воспоминаний; субъективная временная протяженность периода детской амнезии; эмоциональная оценка позитивных воспоминаний. Эти параметры в методике ЛЖ воспроизводятся независимо от атрибуции своему прошлому или прошлому родителя. Выявленные формальные параметры структуры АП, которые заданы конфигурацией количественных, временных и эмоциональных

показателей, не корректируются в зависимости от поколенной принадлежности и объекта атрибуции, т.е. отнесенности к истории собственной жизни или истории жизни другого человека. Полученную закономерность можно назвать *эффектом устойчивости формальных параметров структуры АП*.

Обсуждение результатов исследования

В результате проведенного эмпирического исследования были выявлены параметры индивидуальной АП, отражающие структуру КЖС с их нормативными значениями. Значения выявленных параметров коррелируют внутри семейной диады «юноша/девушка – его/ее родитель», т.е. их индивидуальная вариативность объясняется тем, что подросток заимствует семейно специфичный вариант КЖС. В контексте возможной связи с девиантным поведением особенно интересны следующие результаты: пропорция позитивных и негативных воспоминаний, а также общая эмоциональная оценка всех воспоминаний на ЛЖ – параметры с практически идентичными показателями у юноши/девушки и его/ее родителя.

Нормативный КЖС «предписывает» помнить хорошее и забывать плохое (около 70% позитивных воспоминаний, большая эмоциональная интенсивность воспоминаний о позитивных событиях по сравнению с негативными), что обеспечивает удовлетворенность прожитой частью жизни и оптимизм относительно будущего. Напротив, недовольство своим прошлым и, как мы предполагаем, пессимистический прогноз на свою жизнь в будущем, являются результатом присвоения семейно специфичной конфигурации указанных показателей. Негативная история личного прошлого, являясь фундаментом для построения образа себя, самосознания, Я-концепции, приводит к тому, что молодые люди не просто негативно оценивают и не принимают свое прошлое, но и имеют негативистские установки в отношении своего будущего, что может провоцировать различные формы асоциального поведения.

В выявленном нами в результате проведенного исследования ряде параметров макроструктуры индивидуальной АП, для которых внутрисемейная трансляция является основным источником формирования, в качестве потенциальных предикторов девиантного поведения можно указать на уровень сценарности (представленность в личной истории социально одобряемых событий нормативной жизни человека); уровень типичности; представленность воспоминаний о других людях (что указывает на социальную ориентированность, учет в своих поступках интересов окружающих людей). Низкие показатели по данным параметрам отражают недостаточную социализированность семьи в целом и, в связи с этим, могут расцениваться как важные факторы риска совершения асоциальных поступков.

Ряд стилевых особенностей описания личного прошлого, такие как типичность воспоминаний, пропорция позитивных воспоминаний и общая эмоциональность истории жизни, формируются за счет устойчивой внутрисемейной трансмиссии вплоть до полного совпадения у членов семьи показателей по данным параметрам макроструктуры АП. Можно предположить, что данные параметры заслуживают особого внимания при работе с молодежью, воспитывающейся в неблагополучных семьях.

Выводы

1. В изучении природы отклоняющегося поведения следует учитывать ведущую роль семейной социализации, что предполагает исследование межпоколенной внутрисемейной трансмиссии параметров макроструктурной организации автобиографического материала в историю собственной жизни.

2. Автобиографическая память является психологической системой, обуславливающей отношение личности к своей жизни в единстве прошлого, настоящего и будущего.

3. Эмоциональный профиль АП, представляющий собой параметр КЖС с фиксированным значением (около 70% позитивных воспоминаний, большая эмоциональная интенсивность воспоминаний о позитивных событиях), обнаружил выраженное влияние внутрисемейной ситуации развития. Отклонение от нормативных значений по комплексу соответствующих параметров АП может быть связано с негативистскими установками личности.

4. Соответствие индивидуальной АП общекультурному жизненному сценарию и степень ее социальной ориентированности являются преимущественно результатом внутрисемейной трансмиссии. Таким образом, оценка данных параметров может служить критерием для прогноза риска девиантного поведения.

Перспективы исследования

Выявленные параметры макроструктуры АП, сформированные в результате внутрисемейной трансмиссии – содержательная насыщенность истории прошлого, пропорция позитивных и негативных воспоминаний, эмоциональная оценка воспоминаний, – безусловно влияют на самосознание молодого человека, систему его жизненных планов и отношений. Как известно, молодежь с социально одобряемым поведением отличает большая значимость семьи, наряду с ценностями хорошего образования, здоровья, творчества и др. В связи с этим в перспективе мы предполагаем исследовать уровни развития АП и вклада семейного жизненного сценария в становление структуры АП у молодежи с девиантным поведением в сопоставлении с нормой.

Литература

1. *Алюшева А.Р.* Владение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.03.2015).
2. *Алюшева А.Р.* Общекультурная и внутрисемейная трансмиссия структуры автобиографической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. №4. С. 5–15.

3. *Каширский Д.В.* Субъективные ценности подростков с делинквентным поведением [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.03.2015).
4. *Лелеков В.А., Кошелева Е.В.* Влияние семьи на преступность несовершеннолетних // СОЦИС. 2006. №1. С.103–113.
5. *Марцинковская Т.Д., Чумичева И.В.* Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.04.2015).
6. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер.14. Психология. 2011. №1. С. 79–91.
7. *Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Сгущения в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2. С. 22–32.
8. *Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.04.2015).
9. *Нуркова В.В.* Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 4. С. 22–30.
10. *Ремеева А.Ф., Пальчиков И.А.* Особенности иррациональных установок девиантных подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (дата обращения: 05.04.2015).
11. *Самицулина Я.В.* Семейное неблагополучие как причина преступности несовершеннолетних // Юридический аналитический журнал. 2005. № 3–4 (15–16). С.36–41.
12. *Сафуанов Ф.С., Васкэ Е.В.* Определение мотивации преступного поведения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.03.2015).
13. *Berntsen D., Rubin D. C.* Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // Memory and Cognition. 2004. Vol. 32. P. 427–443.

14. *Fivush R.* Maternal Reminiscing Style and Children's Developing Understanding of Self and Emotion // *Clinical Social Work Journal*. 2007. Vol. 35. P. 37–46.
15. *Habermas T.* How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan // *Journal of Cognition and Development*. 2007. Vol. 8. P. 1–31.
16. *Habermas T., Hatiboğlu N.* Contextualizing the self: The emergence of a biographical understanding in adolescence. In B. Schiff (Ed.). *Re-reading Personal Narrative and Life Course. New Directions for Child and Adolescent Development*, 2014. P. 29–41.
17. *Janssen S. M. J., Rubin D. C., St. Jacques P. L.* The temporal distribution of autobiographical memory: Changes in reliving and vividness over the lifespan do not explain the reminiscence bump // *Memory and Cognition*. 2011. Vol. 39. P. 1–11. doi: 10.3758/s13421-010-0003-x
18. *Nelson K., Fivush R.* The Emergence of Autobiographical memory: A Social Cultural Developmental theory // *Psychological Review*. 2004. Vol. 111 (3). P. 486–511.
19. *Pasupathi M., Weeks T. L.* Integrating self and experience in narrative as a route to adolescent identity construction // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2010. Vol. 131. P. 31–43.

Style features of recoding the personal life-story in autobiographical memory as a result of intra-familial transmission

Alyusheva A.R., Post-graduate Student, Lomonosov Moscow State University (annaalyusheva@gmail.com)

We studied the stylistic features of autobiographical memory structure which can be significant for the understanding the sources of intrapersonal propensity for deviant behavior among young people. From the standpoint of the Vygotsky's theory we studied 102 "parent-teenager" dyads in order to examine the mechanisms of cultural determination of autobiographical memory macrostructure in context of reproducing the life scenarios. We differentiate the social influences of various levels on the formation of system characteristics of autobiographical memory, which constitute individual style of fixation personal stories of the past. We have found a stable family-reproduced indicators of autobiographical memories belonging to the "family life" scenario, these include the emotional profile of the memories of lives, the level of scenario (fixation of socially approved events); representation of memories of other people (social orientation). The low values of these indicators can be the risk factors for asocial behavior.

Keywords: autobiographical memory, past history, cultural life scenario, family life scenario, emotional profile of the personal past, social inheritance, asocial behavior.

References

1. *Alusheva A.R.* Ovladenie repertuarom kul'turnyh zhiznennyh scenarijev kak faktor razvitija makrostruktury avtobiograficheskoj pamjati. *Psihologicheskie issledovanija*, 2012, no. 25, pp. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (Accesed 12.03.2015). (In Russ.).
2. *Alusheva A.R.* Obshhekul'turnaja i vnutrisemejnaja transmissija struktury avtobiograficheskoj pamjati. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta*, 2014, vol.12. *Psihologija. Sociologija. Pedagogika*, no. 4, pp. 5-15.
3. *Kashirskij D.V.* Sub'ektivnye cennosti podrostkov s delinkventnym povedeniem. *Psihologicheskie issledovanija*, 2013, no. 32, pp. 8. Available at: <http://psystudy.ru> (Accesed 16.03.2015). (In Russ.).
4. *Lelekov V.A., Kosheleva E.V.* Vlijanie sem'i na prestupnost' nesovershennoletnih. *SOCIS*, 2006, no 1, pp.103-113.

-
5. *Marcinkovskaja T.D., Chumicheva I.V.* Problema socializacii podroستkov v sovremennom mul'tikul'turnom prostranstve. *Psihologicheskie issledovanija*, 2015, no. 39, pp. 10. Available at: <http://psystudy.ru> (Accesed 06.04.2015). (In Russ.).
 6. *Nourkova V.V.* Avtobiograficheskaja pamjat' s pozicij kul'turno-dejatel'nostnoj psihologii: rezul'taty i perspektivy issledovanija. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2011, vol.14. *Psihologija*, no. 1, pp. 79-91.
 7. *Nourkova V.V., Mitina O.V., Janchenko E.V.* Sgushhenija v sub'ektivnoj kartine proshlogo. *Psihologicheskij zhurnal*, 2005, no. 2, pp. 22-32.
 8. *Nourkova V.V., Dnestrovskaja M.V., Mihajlova K.S.* Kul'turnyj zhiznennyj scenarij kak dinamičeskaja semantičeskaja struktura (re)organizacii individual'nogo zhiznennogo opyta. *Psihologicheskie issledovanija*, 2012, vol. 5, no. 25. Available at: <http://psystudy.ru> (Accesed 06.04.2015). (In Russ.).
 9. *Nourkova V. V.* Samoopredel'ajushhie narrativy v razvitii lichnosti. *Psihologičeskaja nauka i obrazovanie*, 2014, no 4, pp. 22–30.
 10. *Remeeva A.F., Pal'chikov I.A.* Osobennosti irracional'nyh ustanovok deviantnyh podroستkov. *Psihologija i pravo*, 2013, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (Accesed 05.04.2015). (In Russ.).
 11. *Samiulina Ja.V.* Semejnoe neblagopoluchie kak prichina prestupnosti nesovershennoletnih. *Juridicheskij analitičeskij zhurnal*, 2005, no. 3-4 (15-16), pp.36-41.
 12. *Safuanov F.S., Vaskje E.V.* Opredelenie motivacii prestupnogo povedenija nesovershennoletnih v ugolovnom sudoproizvodstve. *Psihologicheskie issledovanija*, 2009, no. 5(7). Available at: <http://psystudy.ru> (Accesed 12.03.2015). (In Russ.).
 13. *Berntsen D., Rubin D. C.* Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory and Cognition*, 2004, vol. 32, pp. 427-443.
 14. *Fivush R.* Maternal Reminiscing Style and Children's Developing Understanding of Self and Emotion. *Clinical Social Work Journal*, 2007, vol. 35, pp. 37-46.
 15. *Habermas T.* How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan. *Journal of Cognition and Development*, 2007, vol. 8, pp. 1-31.
 16. *Habermas T., Hatibođlu N.* Contextualizing the self: The emergence of a biographical understanding in adolescence. In B. Schiff (Ed.), *Re-reading*

Personal Narrative and Life Course. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 2014, pp. 29-41.

20. *Janssen S. M. J., Rubin D. C., St. Jacques P. L.* The temporal distribution of autobiographical memory: Changes in reliving and vividness over the lifespan do not explain the reminiscence bump. *Memory and Cognition*, 2011, vol. 39, pp. 1-11. doi: 10.3758/s13421-010-0003-x
17. *Nelson K., Fivush R.* The Emergence of Autobiographical memory: A Social Cultural Developmental theory. *Psychological Review*, 2004, vol. 111 (3), pp. 486-511.
18. *Pasupathi M., Weeks T. L.* Integrating self and experience in narrative as a route to adolescent identity construction. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 2010, vol. 131, pp. 31-43.

Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет

Смирнова Н.С., студент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского Городского Психолого-Педагогического Университета (n.smirnova.upk@gmail.com)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Статья посвящена изучению манипулятивных психологических стратегий воздействия, реализуемых нетрадиционными религиозными организациями (НРО) посредством сети Интернет. Актуальность данной тематики обусловлена совершенствованием методов и тактик вербовки приверженцев НРО. В статье рассмотрены составляющие понятия «стратегия манипулятивного психологического воздействия», а также механизмы реализации оных. Произведен содержательный анализ текстов, представленных НРО на собственных Интернет-ресурсах; выполнен сопоставительный анализ полученных результатов. Нами предполагается, что в структуре текстов статей, предоставленных на Интернет-ресурсах НРО, содержатся особые по своему психологическому содержанию установки, усвоение которых способствует формированию виктимных качеств индивидуума. Также предполагается, что набор наиболее часто используемых установок универсален для каждой из НРО. Полученные нами данные позволяют уточнить представления об особенностях манипулятивных психологических стратегий воздействия НРО, реализуемых посредством сети Интернет, а также открывают поле для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: психологическое манипулирование, стратегии манипулятивного психологического воздействия, коммуникативные установки, нетрадиционная религиозная организация, деятельность нетрадиционных религиозных организаций в сети Интернет.

Для цитаты:

Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL:

http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Smirnova_Dvoryanchikov.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100202

For citation:

Smirnova N.S., Dvoryanchikov N.V. Manipulative influence strategy used by totalitarian sect members on the Internet [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Smirnova_Dvoryanchikov.phtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100202

Введение

В настоящее время активно исследуется тематика манипулятивной деятельности тоталитарных сект, деструктивных культов и прочих религиозных организаций. Приводятся все новые аргументы в пользу социальной опасности данного явления, изучается психологический компонент активности подобных организаций. Постепенно формируется представление о характере манипулятивного психологического воздействия, его составляющих, а также о психологических механизмах реализации и возможных последствиях такого воздействия для личности приверженца той или иной НРО.

Под НРО нами понимается некое объединение людей, имеющих схожее мировоззрение, созданное для совместного исповедания тех или иных религиозных убеждений и взглядов, а также возможного распространения системы верований. [7,с.112].

С целью вовлечения потенциальных приверженцев НРО разрабатываются новые и совершенствуются уже существующие стратегии воздействия, шлифуется тактическая сторона подобной деятельности.

Стратегия воздействия представляет собой некий генеральный план действий, определяющий приоритеты решаемых задач, характер и порядок применяемых в отношении значимых целей методов и техник. Стратегия воздействия – это всегда интегративная характеристика, включающая в себя реализацию многочисленных процессов того или иного рода воздействия на индивида. Так, можно говорить о некой глобальной стратегии воздействия, являющейся суммой особых субстратегий – стратегий в отношении той или иной сферы жизни человека.

Очевидно, что для достижения максимального эффекта, стратегии и тактики воздействия вынуждены соответствовать ритму жизни среднестатистического обитателя мегаполиса, они должны обладать определенным уровнем гибкости и широким диапазоном осуществляемого воздействия, быть современными и, в то же время, действенными. Кроме того, манипулятивная деятельность НРО обязана учитывать основные тенденции общественных настроений: на данный момент, например, крайне популярна тематика духовного развития и роста – что представляется отличной возможностью маскировки деятельности по вовлечению. И, конечно, НРО прибегают к активной пропаганде посредством сети Интернет.

Важно понимать, что НРО, как правило, имеет четкий план в отношении той или иной категории вовлекаемых сторонников. В зависимости от оценки исходного состояния потенциального адепта и его личностных качеств, НРО реализует тем или иным способом составляющие стратегий воздействия, направленные на достижение неофитом, уготованного для него заранее, местоположения в иерархии НРО.

При анализе механизмов реализации стратегий манипулятивного психологического воздействия выяснилось, что оно направлено на трансформацию определенных значимых структур личности («мишеней») и реализуется посредством применения специфических методов постепенного установления контроля над сознанием человека («техник»). [7,с.124]. Вместе с этим, вся совокупность подобных взаимосвязей представляет собой компонент единой стратегии коммуникативного воздействия.

Ю.К.Пирогова указывает на комплексный характер коммуникативного воздействия: под коммуникативным воздействием понимается спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения к чему-либо (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) объекта (индивидуума) в нужном для субъекта (НРО) направлении. [6,с.209].

Вслед за М.Ю. Федосюком отметим характерную особенность: тексты, которые используют в своей деятельности секты, перенасыщенны апелляцией к чувственному миру человека, эмоциональному восприятию информации; в то время как логические доводы выступают в качестве вспомогательного средства. Автор текста, считает Л.Е. Веснина, исходит из того, что первоначальной реакцией на внедрение установки будет отказ, возникающий из-за несовпадения когнитивных пресуппозиций; - а значит, логические доводы могут не найти должного отклика и следует использовать эмоциональные аргументы, «заглушающие их».

Реализация стратегии воздействия через Интернет-ресурс разворачивается постепенно, посредством вкрапления определенных лингвистических структур - коммуникативных ходов - в нейтральный по содержанию материал статьи. Сразу оговоримся, что коммуникативный ход (или установку) мы будем рассматривать как прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики. [4,с.117].

Таким образом, читатель, получая вместе с нейтральной, не вызывающей внутреннего сопротивления информацией, особые по своему психологическому содержанию установки, направленные на поражение той или иной сферы психической деятельности, пассивно воспринимает их и, вследствие этого, происходит деформация указанных сфер и, в перспективе, нарушение социального функционирования индивида.

Наша работа является логическим продолжением изучения аспектов манипулятивной деятельности НРО в сети Интернет [7], – а именно, исследования манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых вышеозначенным способом.

Цель исследования - изучение психотехнических эффектов манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет. *Основная задача* - содержательный анализ текстов статей и

сопоставление полученных данных. В качестве *гипотезы* выступает предположение о том, что структура текстов статей, предоставляемых в открытом доступе во Всемирной сети, содержит особым образом маскированные лингвистические элементы манипулятивного воздействия, образующие собой единую, универсальную для той или иной НРО стратегию воздействия. Также, мы предположили, что для стратегий манипулятивного психологического воздействия в НРО характерна нацеленность на формирование виктимных качеств, социально-дезадаптирующих индивида.

Для осуществления содержательного анализа текстов, нами были выделены разновидности лингвистических установок (коммуникативных ходов). Они служат критериями оценки статей.

Итак, по психологическому содержанию можно выделить следующие установки (табл.1):

Таблица 1.

Принятые обозначения критериев оценки статей

Коммуникативные установки	Принятое сокращение
Служащие формированию представления об освоении доктрины секты и изменению личности в соответствии с этой доктриной, как гарантированного способа обретения позитивной личностной перспективы.	ФП1
Формирующие установку на самоизменение в соответствии с доктриной секты.	СА2
Направленные на формирование мотивации к пребыванию в секте.	МП3
Формирующие сверхценное отношение к доктрине секты.	СО4
Устраняющие критическое осмысление доктрины секты.	КО5
Формирующие представление о заучивании литературы секты и формул самовнушения как способе позитивного	ФС6

самоизменения.	
Формирующие установку к самовнушению с помощью методик секты.	УС7
Служащие конверсии какого-либо нормативного понятия и наполнению этого понятия новым содержанием, соответствующим корпоративным нормам и правилам поведения адептов той или иной НРО.	КП8
Формирующие новую смысловую единицу активного словаря адепта НРО.	СЕ9
Формирующие установку к дискредитации собственной личности и личного опыта, несоответствующего доктрине секты.	ДЛ10
Формирующие установку к изменению системы ценностных ориентаций в соответствии с доктриной секты и дискредитации устоявшихся.	ИЦ11
Формирующие представление о конкретном методе самовоздействия.	МС12
Формирующие установку на вовлечение в секту лиц, обратившихся к адепту с просьбой о помощи или содействии в чем-либо.	УВ13
Формирующие представление об особой миссии адепта.	ПМ14
Формирующие эмоциональную неадекватность поведения.	ЭН15
Направленные на формирование субъективной эмоциональной оценки состояния окружающих, как дискомфортного и неблагоприятного, и требующего от адепта	ЭО16

активного вмешательства для улучшения их перспективы (путем вовлечения в секту).	
Формирующие установку к деятельности по передаче денежных и материальных средств в распоряжение корпорации.	ПС17
Формирующие мотивацию к соблюдению корпоративных норм и правил поведения adeptов, подчинение старшим по иерархии.	МН18
Формирующие установку к распространению доктрины секты.	УР19
Формирующие мотивацию к установлению доверительных отношений в ситуации обращения за помощью.	МД20
Служащие самоуничтожению и самодискредитации личности. Навязывающие заведомо негативную самооценку.	СС21
Формирующие нефокусированное и необоснованное чувство вины перед лидером секты.	ЧВ22
Формирующие психологическую зависимость от лидера секты.	ПЗ23
Формирующие установку к отказу от нормального поло-ролевого функционирования.	ОФ24
Формирующие самозапрет на агрессивное речевое поведение.	АП25
Формирующие самозапрет на переживание агрессивных чувств.	АЧ26

Формирующие установку на позитивное эмоциональное состояние при любых личных контактах, что обеспечивает социально-благоприятный имидж членов секты и самой корпорации.	ЭС27
---	------

В соответствии с приведенными критериями нами был проведен содержательный анализ статей, взятых непосредственно с сайтов таких НРО как: Брахма Кумарис, Школа Объединенного Знания (Зор Алеф), Новое поколение, Союз Сотворцев Святой Руси, Церковь «Царство Божие». В соответствии со списком-перечнем [8] данные НРО официально признаны тоталитарными сектами. В общей сложности нами было рассмотрено 25 статей (по 5 с каждого из сайтов) объемом от 3 до 12 страниц.

Содержательный анализ статей.

Брахма Кумарис. (brahmakumaris.ru)

Проанализированные статьи:

1. «Оружие против гнева» (http://brahmakumaris.ru/articles/item/129-anager_girish_patel).
2. «Духовность и образование» (http://brahmakumaris.ru/articles/item/128-spirituality_education).
3. «Важно управлять внутренним напряжением» (http://brahmakumaris.ru/articles/item/130-girish_patel_delovoi_petersburg).
4. «Брахма Кумарис не является религиозной организацией» (http://brahmakumaris.ru/articles/item/25-bk_non-religious_organization).
5. «Подводная часть айсберга» (<http://brahmakumaris.ru/articles/item/29-aisberg>).

Таблица 2.

Оценка частоты встречаемости коммуникативных ходов в статьях, представленных на ресурсе «Брахма Кумарис» (brahmakumaris.ru).

Направленность установок*	Частота встречаемости	%**
ФП1	3	1,52
СА2	16	8,08

МП3	9	4,54
СО4	18	9,33
КО5	12	6,22
ФС6	4	2,02
УС7	2	1,01
КП8	14	7,07
СЕ9		
ДЛ10		
ИЦ11	3	1,52
МС12	5	2,53
УВ13		
ПМ14		
ЭН15	1	0,51
ЭО16		
ПС17	1	0,51
МН18	3	1,52
УР19	1	0,51
МД20	10	5,05

СС21	25	12,63
ЧВ22	20	10,1
ПЗ23	5	2,53
ОФ24		
АП25	18	9,33
АЧ26	17	8,59
ЭС27	6	3,03

Примечание:

*Принятые обозначения критериев оценки статей см. в табл.1.

**Округленное процентное содержание по отношению к остальным критериям.

Приведенные выше данные (табл. 2) позволяют проследить основную направленность установок, содержащихся в текстах статей данной НРО. Так, наиболее часто используется установка, служащая самоуничтожению и самодискредитации личности, навязывающая заведомо негативную самооценку (12,63%). Далее, по частоте использования, следует установка, направленная на формирование нефокусированного, необоснованного чувства вины перед лидером НРО (10,1%). Кроме того, значимую часть занимают установки, направленные на поддержание благоприятного имиджа секты и ее приверженцев (запрет на реализацию речевого агрессивного поведения (9,33%), переживание агрессивных чувств (8,59%)), а также, установки, формирующие, на фоне снижения критичности к доктрине (6,22%), сверхценное отношение к ней (9,33%) и желание изменить себя в соответствии с оной (8,08%). Вместе с этим, тексты изобилуют конверсированными понятиями (7,07%), наполненными отличным от общепринятого содержанием. Также, формируется сверхценное представление о необходимости преподавателя в жизни каждого человека, стремящегося к духовному росту (2,53%): фигура наставника мистифицируется, объявляется о его сверхъестественных способностях влиять на результативность обучения уже одним взглядом и присутствием.

Отдельно стоит сказать о том, что в текстах статей используются понятные русскому человеку метафоры и сравнения, для объяснения того или иного явления используются образы героев из русской классической литературы (например,

гоголевского Акакия Акакиевича), что, в том числе, способствует возникновению эмоционального отклика на предлагаемый текстовый материал.

Школа Объединенного Знания(<http://sheu.ru>).

Проанализированные статьи:

1. «Что такое практика» (<http://sheu.ru/lib/materials/practice>).
2. «Формирование терпения и принятия» (<http://sheu.ru/lib/materials/practice/stelaofintef>).
3. «Передача Нефера» (<http://sheu.ru/lib/materials/practice/nefertransfer>).
4. «Исповедь омытого сердца» (<http://sheu.ru/lib/materials/practice/bodhichitta>).
5. «7 мотиваций принятия» (<http://sheu.ru/lib/materials/practice/sevenmotiv>).

Таблица 3.

Оценка частоты встречаемости коммуникативных ходов в статьях, предоставленных на ресурсе «Школа Объединенного Знания»(<http://sheu.ru>).

Направленность установок*	Частота встречаемости	%**
ФП1	7	3,54
СА2	12	11,11
МП3		
СО4	5	4,63
КО5	5	4,63
ФС6		
УС7		
КП8	1	0,93

СЕ9	5	2,53
ДЛ10	3	2,77
ИЦ11	2	1,86
МС12	12	11,11
УВ13		
ПМ14	5	2,53
ЭН15	8	7,41
ЭО16		
ПС17		
МН18		
УР19	3	2,77
МД20	2	1,86
СС21	6	5,55
ЧВ22	8	7,41
ПЗ23	5	2,53
ОФ24		
АП25	8	7,41
АЧ26	8	7,41

ЭС27	8	7,41
------	---	------

Примечание:

**Принятые обозначения критериев оценки статей см. в табл.1.*

***Округленное процентное содержание по отношению к остальным критериям.*

Видно, что в текстах проанализированных статей (табл. 3) НРО «Школа Объединенного Знания» наиболее часто используются такие установки как: формирующие мотивацию к самоизменению в соответствии с доктриной (11,11%), формирующие представление о конкретных методах воздействия (11,11%), а также - направленные на поддержание благоприятного имиджа секты (запрет на реализацию речевого агрессивного поведения (7,41%) и агрессивных переживаний (7,41%), формирующегося в результате внедрения установки на позитивное эмоциональное состояние при любых личных контактах (7,41%). Кроме того, взращивается необоснованное, нефокусированное чувство вины перед лидером НРО (7,41%), а также формируется установка на заведомо негативную самооценку (5,55%).

Кроме того, отдельно стоит отметить, высокую частотность встречаемости установок, формирующих эмоционально неадекватное поведение (7,41%) - закрепляется тенденция оценивать эмоционально неблагоприятные состояния как потенциально способствующие духовной эволюции. Например, «терпение должно быть свободным процессом, и даже радостным», или так называемое «искусство медитативного отношения к боли», заключающееся в позитивном восприятии этого состояния. Также, наряду с авторскими практиками, предлагаются техники, заимствованные из психотерапевтической практики различных традиций (например, достижение состояния релаксации путем самовнушения).

Новое поколение (<http://www.ng.lv>).

Проанализированные статьи:

1. «Основы веры» (http://www.ng.lv/rus/cerkov/osnovi_veri/).
2. «Новое творение» (http://www.ng.lv/rus/materiali/proekti_aleksea_ledaeva/seminari_po_tema)
3. «Молитва покаяния»
4. «Духовный климат» (http://www.ng.lv/rus/materiali/proekti_aleksea_ledaeva/seminari_po_tema).
5. «Голос из храма» (http://www.ng.lv/rus/materiali/proekti_aleksea_ledaeva/skola_proslavlenia__2014/?doc=37968).

Таблица 4.

Оценка частоты встречаемости коммуникативных ходов в статьях, предоставленных на ресурсе «Новое поколение» (<http://www.ng.lv>).

Направленность установок*	Частота встречаемости	%**
ФП1	9	3,03
СА2	36	12,12
МП3	10	3,37
СО4	47	15,83
КО5	41	13,8
ФС6		
УС7	2	0,67
КП8	3	1,01
СЕ9	4	1,35
ДЛ10	7	2,36
ИЦ11	4	1,35
МС12	2	0,67
УВ13		
ПМ14	3	1,01
ЭН15		

Э016	19	6,4
ПС17		
МН18	21	7,07
УР19	22	7,41
МД20		
СС21	12	4,04
ЧВ22	31	10,44
ПЗ23	22	7,41
ОФ24		
АП25	1	0,34
АЧ26	1	0,34
ЭС27		

Примечание:

*Принятые обозначения критериев оценки статей см. в табл.1.

**Округленное процентное содержание по отношению к остальным критериям.

Приведенные данные (табл. 4) свидетельствуют о наиболее частом использовании установок, направленных на формирование сверхценного отношения к доктрине секты (15,83%), вместе с устранением критичности в отношении одной (13,8%). Также, многочисленны установки, направленные на мотивацию самоизменения в соответствии с идеологией (12,12%). Кроме того, стоит отметить наличие установок, формирующих нефокусированное и необоснованное чувство вины перед лидером секты (10,44%), а также, психологическую зависимость от него (7,41%). Кроме того, присутствует достаточное количество установок, направленных на распространение учения несмотря ни на что (так как «лучше быть

пророком от имени Его, чем быть безумцем среди людей» - 7,41%) и вовлечение в НРО окружающих людей (6,4%).

Стиль подачи материала - директивный, агрессивный. Используются такие яркие сравнения как «проклятый мир», «унылая реальность этого мира», «Царь, Господь, сильный в брани», используются прямые призывы к отстаиванию своих взглядов и ценностей до последнего - заявляется – «Это война! Нас топтали, гнали и убивали!». Некоторые установки способствуют возникновению выученной беспомощности индивида. Так, в текстах крайне часто встречаются утверждения о том, что без Бога (на деле – НРО) человек ничего не может, о том, что только Бог определяет его положение в обществе и только он может оценивать его.

Также, в текстах содержатся многочисленные отрывки из Евангелия и притчи, призванные иллюстрировать слова автора. Кроме того, стоит отметить наличие установок, влияющих на соблюдение общепринятых норм секты (7,07%).

Союз Сотворцов Святой Руси. (<http://www.svyataya-rus.com>)

Проанализированные статьи:

1. «На пороге эпохальных событий» (<http://www.svyataya-rus.com/aboutbm/41.html>).
2. «Народ-спаситель» (<http://www.svyataya-rus.com/aboutbm/16.html>).
3. «Мир высоких вибраций» (<http://www.svyataya-rus.com/aboutbm/37.html>).
4. «Кто есть кто» (<http://www.svyataya-rus.com/aboutbm/40.html>).
5. «Единый Промысел людей и Бога» (<http://www.svyataya-rus.com/aboutbm/42.html>).

Таблица 5.

Оценка частоты встречаемости коммуникативных ходов в статьях, предоставленных на ресурсе «Союз Сотворцов Святой Руси» (<http://www.svyataya-rus.com>).

Направленность установок*	Частота встречаемости	%**
ФП1	4	1,54
СА2	18	6,92
МПЗ	8	3,07

СО4	22	8,47
КО5	34	13,07
ФС6	2	0,77
УС7		
КП8	26	10
СЕ9		
ДЛ10	7	2,69
ИЦ11		
МС12	1	0,39
УВ13		
ПМ14	35	13,46
ЭН15		
ЭО16	20	7,69
ПС17		
МН18	26	10
УР19	1	0,39
МД20		
СС21	8	3,07

ЧВ22	8	3,07
ПЗ23	33	12,69
ОФ24		
АП25	3	1,16
АЧ26	2	0,77
ЭС27	2	0,77

Примечание:

**Принятые обозначения критериев оценки статей см. в табл.1.*

***Округленное процентное содержание по отношению к остальным критериям.*

В проанализированных текстах (табл. 5) отмечается наиболее частое использование установок, направленных на формирование представления об особой миссии адепта (13,46%): все приверженцы называются Воинами Света, ответственными за эволюцию человечества и устройство нового мира шестой гиперборейской расы.

Также, в текстах данной НРО наиболее часто, по сравнению с остальными, используются установки, направленные на установление психологической зависимости от лидера (12,69%).

Стоит сказать о своеобразии стиля текстового материала: некоторые слова прописываются заглавными буквами, что придает тексту особую весомость и заставляет искать скрытые смыслы в «передаваемом» пророку материале – т.е. способствует концентрации и лучшему запоминанию информации и, кроме того, формированию к ней особого, сверхценного отношения (8,47%) и, вместе с тем, устранению критического осмысления таковой (13,07%).

Наряду с использованием уже означенных, применяются также установки, формирующие мотивацию к соблюдению корпоративных норм секты (10%), подчинение старшим по иерархии адептам, кроме того, - направленные на формирование мотивации к распространению доктрины (7,69%), а также самоизменению в соответствии с ней (6,92%). Также тексты содержат множество конверсированных понятий (10%) (например, «брать ответственность» - значит вовлекать людей, распространять идеологию и др.).

Церковь "Царство Божие" (<http://helpcenter24.ru>).

Проанализированные статьи:

1. «Постулаты» (<http://helpcenter24.ru/quem-somos/em-que-acreditamos/>).
2. «Правильное направление» (http://helpcenter24.ru/episkop-masedo/pravilnoe-napravlenie).
3. «Инициатор» (<http://helpcenter24.ru/episkop-zhulio/vy-iniciator-nachinayushhij-ili-zavershayushhij/>).
4. «Самая главная забота» (<http://helpcenter24.ru/pastor-staties/reforma-samaya-glavnaya-zabota/>).
5. «Реформа - глаголы» (<http://helpcenter24.ru/pastor-staties/reforma-glagoly/>).

Таблица 6.

Оценка частоты встречаемости коммуникативных ходов в статьях, предоставленных на ресурсе «Церковь «Царство Божие»» (<http://helpcenter24.ru>).

Направленность установок*	Частота встречаемости	%**
ФП1	5	7,35
СА2	7	10,29
МП3	3	4,41
СО4	5	7,35
КО5	5	7,35
ФС6		
УС7		
КП8	2	2,2

СЕ9		
ДЛ10		
ИЦ11	1	1,47
МС12		
УВ13		
ПМ14	1	1,47
ЭН15		
ЭО16	7	10,29
ПС17	1	1,47
МН18	4	5,88
УР19	10	14,7
МД20		
СС21	4	5,88
ЧВ22	4	5,88
ПЗ23		
ОФ24	1	1,47
АП25	2	2,2
АЧ26	2	2,2

ЭС27	2	2,2
------	---	-----

Примечание:

*Принятые обозначения критериев оценки статей см. в табл.1.

**Округленное процентное содержание по отношению к остальным критериям.

В приведенных статьях (табл. 6) наиболее часто используются установки, призванные формировать мотивацию к распространению доктрины (14,7%) - говорится, что «все мы – инициаторы», а инициаторы «более всего хотят то, что хочет Бог - освободить, прощать, спасать». Естественно, эти понятия означают нести «истину в массы». Также, используются установки, направленные на формирование субъективно эмоциональной оценки состояния окружающих, как дискомфортного и неблагоприятного, требующего активного вмешательства адепта (т.е. вовлечения–10,29%). Также, установки, формирующие представление об освоении доктрины секты и изменении собственной личности в соответствии с этой доктриной, как гарантированного способа обретения позитивной личностной перспективы (7,53%), а также, формирующие мотивацию к самоизменению (10,29%). И, кроме того, установки, направленные на формирование сверхценного отношения к доктрине (7,35%) вкпе со снижением критичности в отношении оной (7,35%).

Примечательно, что изначально, позиция секты прямо не постулируется, а говорится о том, что этот сайт - ресурс центра психологической помощи - предоставлен телефон доверия и услуга «Друг 24 часа в сутки».

На основании всего вышеописанного нами были сделаны следующие выводы.

Данные, полученные путем сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что манипулятивное воздействие, преимущественно осуществляется посредством сходного, по своему психологическому содержанию, набора коммуникативных установок, – что говорит о существовании некой универсальной стратегии манипулятивного психологического воздействия, реализуемой НРО посредством сети Интернет.

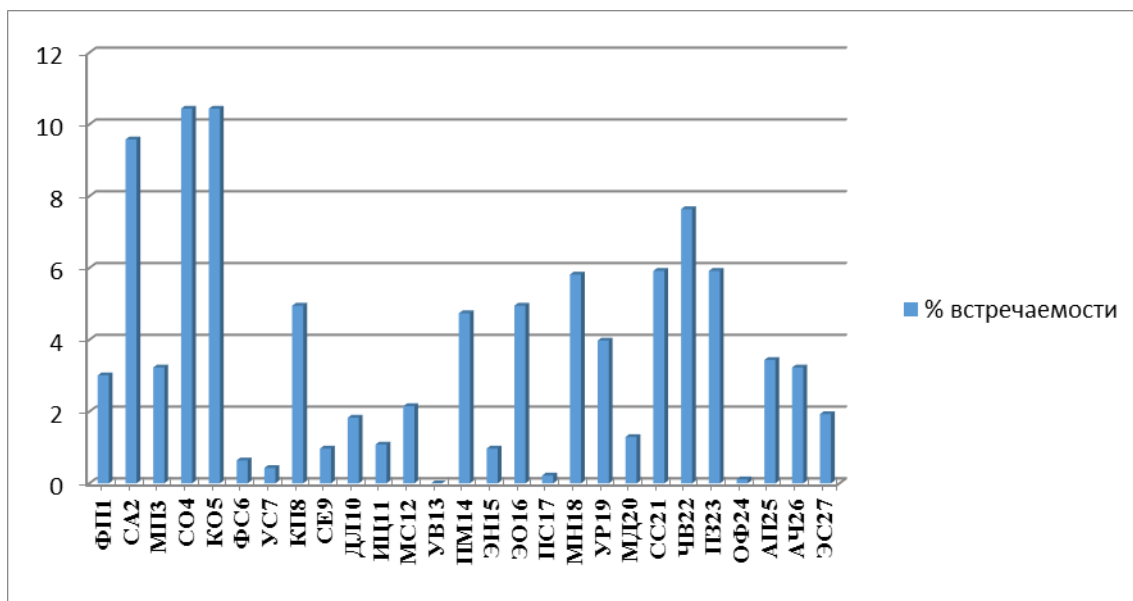

Рис.1. Общее процентное соотношение частоты встречаемости коммуникативных ходов по всем НРО.

Как видно (рис.1), наиболее часто применяются установки, имеющие своей целью формирование сверхценного отношения к идеологии (10,44%), направленные на снижение критического осмысления предлагаемого материала (10,44%), также – установки, формирующие мотивацию к самоизменению в соответствии с доктриной секты (9,58%), способствующие поддержанию благоприятного имиджа НРО (8,61%). Кроме того, установки, формирующие необоснованное чувство вины (7,64%), заведомо негативную самооценку (5,92%), возвращающие психологическую зависимость от лидера НРО (5,92%), формирующие мотивацию к соблюдению корпоративным норм и правил поведения адептов, подчинение старшим по иерархии (5,82%), а также, служащие конверсии какого-либо нормативного понятия и наполнению этого понятия новым содержанием, соответствующим корпоративным нормам и правилам поведения адептов НРО (4,95%). И, конечно, установки, направленные на вовлечение новых приверженцев в НРО (4,95%), а также – формирующие представление об особой миссии адепта НРО (4,74%).

Итак, нами был произведен содержательный анализ статей некоторых сайтов НРО. Полученные данные дают основание говорить о том, что коммуникативные установки, присутствующие в текстах статей и являющиеся составляющей универсальных психологических стратегий воздействия НРО, направлены, в том числе, на формирование виктимных качеств, социально-дезадаптирующих индивида.

Полученный в результате содержательного анализа статей материал заставляет задуматься о «безобидности» текстов, реализуемых НРО в Интернет-пространстве. В проанализированном относительно небольшом количестве статей нам удалось обнаружить достаточное количество коммуникативных установок, что может говорить о том, что сайты НРО, наравне с другими, более консервативными

способами вербовки, могут быть вполне эффективны для осуществления манипулятивного психологического воздействия.

Также, проделанная работа открывает огромное поле для дальнейшей научной деятельности.

Литература

1. *Веснина Л. Е.* Коммуникативная стратегия запугивания в текстах религиозной организации «Свидетели Иеговы» // Политическая лингвистика. - 2012, N 2. – С.66-70
2. *Дворкин А. Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования (изд. Перераб.). - М.: Издательство: «Христианская библиотека», 2006. –554 с.
3. *Зимбардо Ф., Ляйпне М.* Социальное влияние — СПб.: Питер, 2001. — 448 с.
4. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 284 с.
5. *Орел Н.* Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность: профилактика и преодоление зависимости // Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия — / Сост. К. В. Сельченко. — Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 624 с.
6. *Пирогова Ю.К.* Проблемы прикладной лингвистики. М.: Прогресс, 2001. – 227 с.
7. *Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В.* Использование психологических манипуляций в сфере деятельности религиозных организаций в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. №2. С.111–132. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69877.shtml> (дата обращения: 15.04.2015).
8. Список-перечень «Наиболее известные тоталитарные, деструктивные секты и группы действующие на территории Российской Федерации обладающие множеством признаков таковых» от 11.10.2004 //URL: <http://centerpolit.ru/content.php?id=72>, [20.04.2015].
9. *Тихонравов Ю.В.* Влияние религии на деликвентность как междисциплинарная проблема: дисс. канд. философ, наук. М., 1998. -189 с.
10. *Федосюк М.Ю.* Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов,1997. – Вып. 1 – С. 66-87.

11. *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия; СПб: Прайм-Еврознак, 2001. – 400 с.
12. *Чалдини Р.* Психология влияния. 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

Manipulative influence strategy used by totalitarian sect members on the Internet

Smirnova N.S., Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (n.smirnova.upk@gmail.com)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Dean of the Department of Legal Psychology, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

The paper studies the effects of manipulative psychological strategies implemented by non-traditional religious organizations (NRO) on the Internet. NRO members improve the methods and tactics of recruiting so this topic is relevant. The paper describes the components and implementation methods of the concept of "manipulative psychological influence strategy". Content analysis of the texts posted on the NRO Internet resources and a comparative analysis of the results are produced. We believe that the structure of the texts posted on the NRO online resources contains specific psychological settings that encourages the individual to form a victimization installation. In addition, each NRO has a universal set of the most commonly used settings. Our data give a more accurate picture of the manipulative psychological influence strategies used by NRO on the Internet, as well as offer opportunities for further research in this area.

Keywords: psychological manipulation, manipulative psychological influence strategy, communication settings, non-traditional religious organization, activities of non-traditional religious organizations on the Internet.

References

1. *Vesnina L. E.* Kommunikativnaja strategija zapugivanija v tekstah religioznoj organizacii «Svideteli Iegovy» // Politicheskaja lingvistika. - 2012, N 2. – S.66-70
2. *Dvorkin A. L.* Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematičeskogo issledovanija (izd. Pererab.). - M.: Izdatel'stvo: «Hristianskaja biblioteka», 2006. –554 s.
3. *Zimbardo F., Ljajppe M.* Social'noe vlijanie — SPb.: Piter, 2001. — 448 s.
4. *Issers O.S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi. — M.: Izd-vo LKI, 2008. — 284 s.
5. *Orel N.* Psihologičeskie mehanizmy vlijanija totalitarnyh grupp na lichnost': profilaktika i preodolenie zavisimosti // Kontrol' soznanija i metody

- podavlenija lichnosti: Hrestomatija — / Sost. K. V. Sel'chenok. — Mn.: Harvest, M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2001. — 624 s.
6. *Pirogova Ju.K.* Problemy prikladnoj lingvistiki. M.: Progress, 2001. – 227 s.
 7. *Smirnova N.S., Dvorjanchikov N.V.* Ispol'zovanie psihologicheskikh manipulacij v sfere dejatel'nosti religioznyh organizacij v Internetе [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2014. №2. S.111–132. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69877.shtml> (data obrashhenija: 15.04.2015).
 8. Spisok-perechen' «Naibolee izvestnye totalitarnye, destruktivnye sekty i gruppy dejstvujushhie na territorii Rossijskoj Federacii obladajushhie mnozhestvom priznakov takovyh» ot 11.10.2004 //URL: <http://centerpolit.ru/content.php?id=72>, [20.04.2015].
 9. *Tihonravov Ju.V.* Vlijanie religii na delikventnosg' kak mezhdisciplinarnaja problema: diss. .kand. filosof, nauk. M., 1998. -189 s.
 10. *Fedosjuk M.Ju.* Issledovanie sredstv rechevogo vozdejstvija i teorija zhanrov rechi // Zhanry rechi: sb. nauch. st. – Saratov,1997. – Vyp. 1 – S. 66-87.
 11. *Hassen S.* Osvobozhdenie ot psihologicheskogo nasilija; SPb: Prajm-Evroznak, 2001. – 400 s.
 12. *Chaldini R.* Psihologija vlijanija. 4-e izd., pererab. i dop. – SPb.: Piter, 2001. – 288 s.

Социальные и патопсихологические характеристики психически больных с различной степенью общественной опасности

Токарева Г. М., медицинский психолог филиала Психиатрической клинической больницы №4 им. П.Б.Ганнушкина «ПНД№4» (galatgala@gmail.com)

Прытова Е. Б., кандидат мед. наук, заместитель гл.врача ГБУЗ ПКБ №4 ДЗМ — зав.филиалом «ПНД№4»

Булыгина В. Г., кандидат психологических наук, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии» МЗ РФ (ver210@yandex.ru)

Изложены результаты сравнительного анализа клинических, социальных и патопсихологических показателей, которые характерны для пациентов, находящихся на разных типах ПЛ. Выявлено значимые различия в условиях воспитания, социальной дезадаптации, криминальной истории у больных с различной степенью общественной опасности. Среди психологических переменных выделенные группы больных отличала выраженность нарушений динамического аспекта мыслительной деятельности с преобладанием лабильности мыслительных процессов, нарушений критики, степень адекватности восприятия качества жизни.

Авторами сделано заключение, что несмотря на стационарное течение заболевания и отсутствие грубых нарушений мыслительной деятельности, процент повторности правонарушений, минимальный период времени между криминальными рецидивами, преобладание негативно-личностных механизмов совершения ООД выдвигает на первый план профилактические и реабилитационные задачи социального и психологического регистра.

Ключевые слова: общественно опасные деяния, судебно-психиатрическая профилактика, принудительное лечение.

Для цитаты:

Токарева Г.М., Прытова Е.Б., Булыгина В.Г. Социальные и патопсихологические характеристики психически больных с различной степенью общественной опасности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Tokareva_et_al.phtml (дата обращения:

дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100203

For citation:

Tokareva G.M., Pritova E.B., Buligina V.G. Social and pathopsychological treats of mentally ill with different level of social dangerousness [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015, no. 2. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Tokareva_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100203

Введение.

Совершенствование профилактических мер в отношении больных, совершивших ООД, по-прежнему остается основным направлением исследований в рамках судебно-психиатрической профилактики [2,4,6, 9, 10].

Профилактические мероприятия для лиц, представляющих общественную опасность, дифференцируются на первичные, регламентируемые по большей части Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», а также соответствующими подзаконными актами, и вторичные, осуществляемые в соответствии с уголовным законодательством (ст. 21, ч.1 ст. 81, ст.ст. 97-102 УК РФ). Уголовным кодексом в настоящее время предусмотрены следующие принудительные меры медицинского характера, которые могут быть применены судом в рамках уголовного процесса в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния (в порядке возрастания их строгости): 1 - амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра; 2 - принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа; 3 - принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа; 4 - принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Стационарное ПЛ является ведущим этапом профилактики совершения повторных правонарушений психически больными, оно наиболее организационно структурировано. Однако достигнутый лечебно-реабилитационный эффект после прекращения стационарного ПЛ обычно снижается. И при наличии нарушений социальной и трудовой адаптации, выраженность которых тесно коррелирует между собой, сохраняется общественная опасность психически больных [11]. Это проявляется в совершении ими повторных ООД, количество которых по разным регионам РФ и в разные годы колеблется от 20 до 40%. На высокую криминогенность больных, особенно в первые месяцы после выписки из больницы, указывают многие как отечественные, так и зарубежные авторы [1, 12, 13]. В связи с этим возрастает важность продления эффекта принудительного лечения с помощью последующего внебольничного наблюдения этих пациентов.

Введение АПНЛ, отражающее тенденцию к дифференциации принудительных мер медицинского характера было также направлено на внедрение форм ПММХ без изоляции пациента от привычной среды проживания и создание условий для более широкого применения социотерапевтических методов воздействия, направленных на улучшение качества жизни и социального функционирования больных [3, 5, 7, 9]. В последнее десятилетие отмечено изменение структуры ПММХ с ростом удельного

веса АПНЛ. За шестилетний период доля больных, в отношении которых исполнялась эта мера, увеличилась с 21,2 до 31,1% с пропорциональным уменьшением удельного веса принудительного лечения (ПЛ) в психиатрическом стационаре [10].

Следует напомнить, что данный вид ПЛ может применяться как первичная принудительная медицинская мера, а также назначаться после ПЛ в стационаре перед полным прекращением применения ПММХ.

Помимо задач вторичной профилактики не менее важной и требующей высокой профессиональной квалификации от специалистов является первичная профилактика. Выявление потенциально опасных пациентов с дальнейшим предупреждением первичных и последующих ООД психически больных, проводится в ПНД и почти полностью ложится на его плечи [9]. Для осуществления этих задач в диспансерах больные с социально опасными тенденциями выделены в отдельную группу активного диспансерного наблюдения (АДН). Формирование группы АДН осуществляется специальной врачебной комиссией, на которую направляются пациенты с определенными формализованными признаками (имевшие судимости еще до возникновения психического заболевания, находившиеся в прошлом на принудительном лечении, лица с пограничными психическими расстройствами, признавшие ранее невменяемыми и др). В эту же группу наблюдения включают больных без криминального анамнеза, которые могут представлять потенциальную общественную опасность [8].

Несмотря на юридическую и организационную разработанность системы судебно-психиатрической профилактики сохраняется потребность в совершенствовании социотерапевтических подходов, разрабатываемых с учетом новых организационных форм оказания психиатрической помощи (полипрофессиональный бригадный подход), а также их адаптации к контингенту опасных пациентов. Помимо этого, понимание того, что психопатологические состояния не предопределяют полностью совершение ООД, и раскрытие содержания понятия общественной опасности психически больных является комплексной проблемой, определяет необходимость дальнейшего комплекса анализа клинко-психопатологических, социально-психологических и патопсихологических для повышения точности прогноза и эффективности профилактических мероприятий.

В связи с вышесказанным было проведено исследование, **целью** которого являлось выделение комплекса переменных, характеризующих психически больных с различной степенью общественной опасности.

Материал и методы исследования. Было обследовано 114 психически больных мужского пола в возрасте от 20 до 67 лет, совершивших общественно опасные деяния, в отношении которых различные виды ПММХ:

Первая группа состояла из пациентов, находящихся на ПЛ специализированного типа с интенсивным наблюдением в ФКУ «Орловская ПСБСТИН» (31 человек). Вторая группа – лица, проходящие ПЛ специализированного типа в МПБ №5 (53 человека). Третья группа – лица, состоящие на АДН и находящиеся на АПНЛ у врача психиатра в ПНД№4 (30 человек).

Во всех группах исследования большинство пациентов имеют диагноз шизофрения или шизотипическое расстройство (F20-F21): 61,3% представителей первой группы, 59,6% второй группы и 60,7% третьей группы. Диагноз расстройство личности, обусловленное повреждением или дисфункцией головного мозга (F06-F07), имеют 38,7% человек из первой группы, 34,6% из второй группы и 32,1% из третьей группы. Среди обследованных 3,9% представителей второй группы и 7,2% представителей третьей группы имеют диагноз умственная отсталость легкой или средней степени тяжести (F70-F71). Диагноз синдром зависимости (F19) имеют представители только второй группы - 1,9%.

Клинико-психопатологические, социальнo-демографические, криминологические переменные фиксировались в карте обследования пациента. Помимо экспериментального патопсихологического исследования использовались данные из медицинской карты амбулаторного больного формы 25/у-04 и медицинской карты стационарного больного формы 003/у. Статистическая обработка материала проводилась с использованием пакета прикладных программ Statistica 17.0. Для оценки достоверности различий в выборках применялись критерии Манна-Уитни и Уилкоксона, для определения значимых различий в частоте встречаемости явления анализировались таблицы сопряженности.

Анализ результатов исследования.

Дескриптивный анализ переменных в выделенных группах выявил следующее.

Большинство пациентов, относящихся к первой и второй группам, имеют средне-специальное образование, тогда как высшее образование характерно преимущественно для пациентов из третьей группы (30,8%) (рис.1).

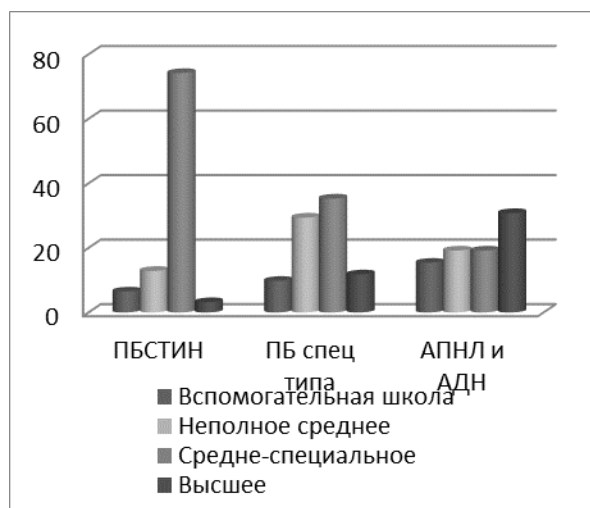

Рис. 1. Данные об образовательном уровне пациентов в обследованных группах.

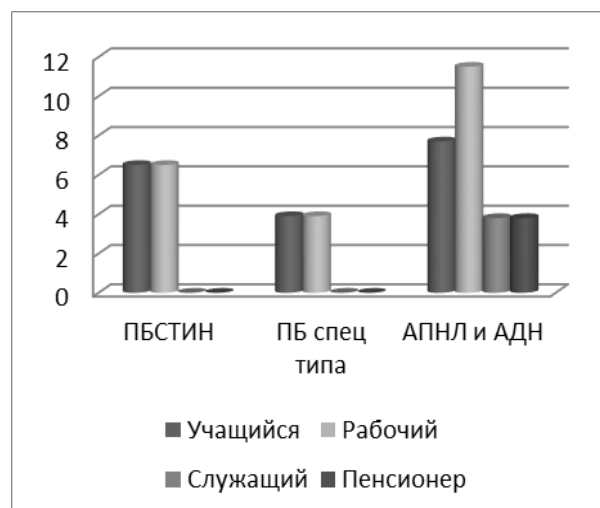

Рис.2. Данные о трудовом статусе пациентов в обследованных группах

Более высокий трудовой статус отличает только лиц, находящихся на АДН И АПНЛ (рис.2).

В группе пациентов, находящихся на лечении с стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением минимально представлены лица, имеющие третью группу инвалидности по психическому заболеванию.

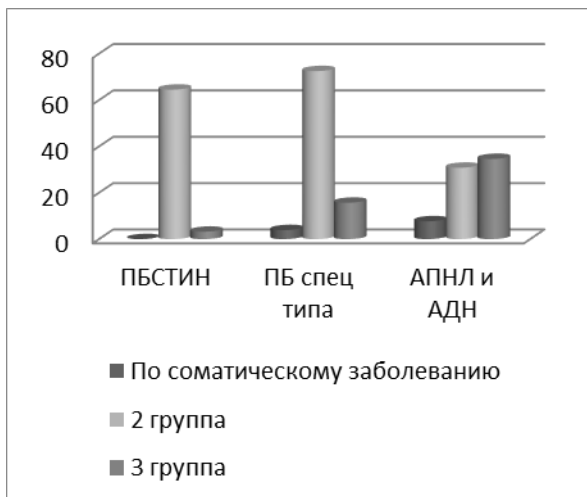

Рис. 3. Данные об инвалидности в обследованных группах

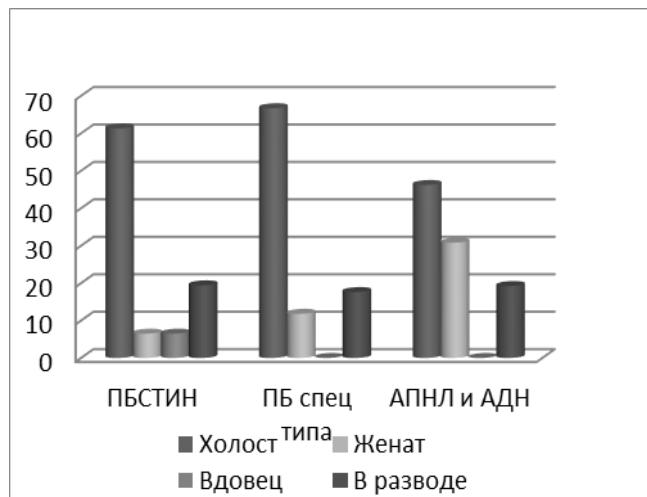

Рис.4. Данные о семейном статусе пациентов в обследованных группах

Большинство представителей всех групп отличает низкий maritalный статус. Не состоят в браке соответственно 61,3%, 66,7% и 46,2% обследованных (рис.4). Доля женатых увеличивается от первой до второй групп и максимальна среди больных, относящихся к третьей группе (6,5%, 11,8% и 30,8% соответственно). Количество пациентов, находящихся в разводе, примерно одинаковое во всех группах.

Злоупотребление алкоголем характерно для всех обследованных. В группе пациентов, которым назначено ПЛ специализированного типа доля лиц с хроническим алкоголизмом достигает 23,5%. Обращает внимание, что меньше всего таких пациентов в первой группе (ПБСТИН), а в третьей – их 30,7%.

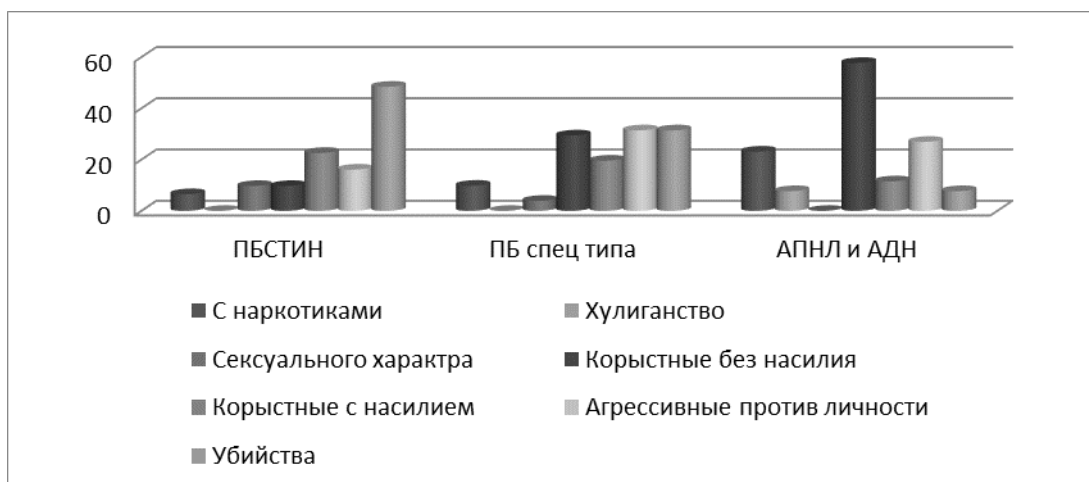

Рис. 5. Данные о характере совершенных ООД в обследованных группах

Закономерно большую часть пациентов первой группы отличает совершение тяжких правонарушений, направленных против личности и имущественных ООД с применением насилия (48,4% и 22,6% соответственно). Среди лиц, курируемых во внебольничных условиях больше процент корыстных без применения насилия правонарушений (57,7%) (рис.5).

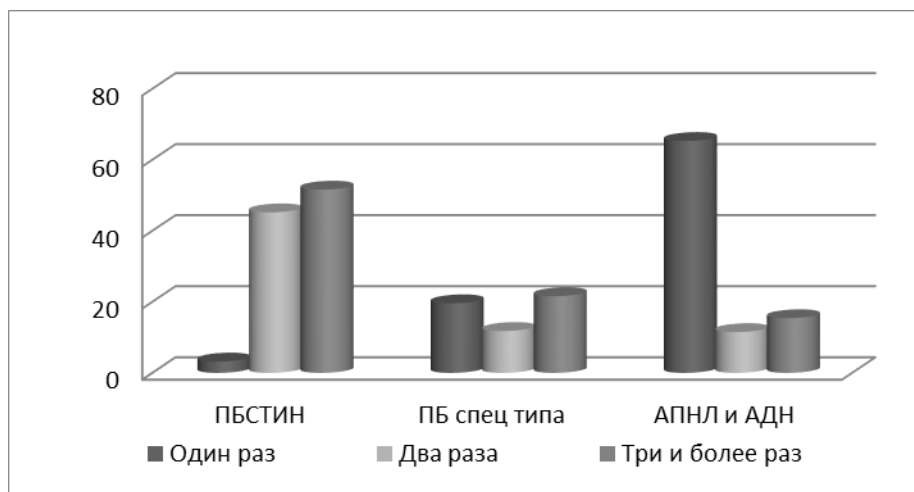

Рис.6. Данные о количестве привлечение к уголовной ответственности пациентов в обследованных группах

Ожидаемым оказался высокий процент повторных (45,2%), и неоднократных привлечений к уголовной ответственности (51,6%) пациентов, находящихся на ПЛ в ПБСТИН (рис.6). В этой же группе пациентов преобладают негативно-личностные механизмы совершения ООД (77,4%). По продуктивно-психотическим механизмам было совершено ООД 51% пациентами второй и 53,8% – третьей группы. В 58,1% случаев пациенты первой группы совершили ООД в состоянии алкогольного опьянения, в несколько меньшем проценте наблюдений данный факт был выявлен во второй группе (54,9%) и группе больных из групп АДН и АПНЛ (46,2%).

Следующим этапом анализа было выявление тех переменных, которые значимо отличают пациентов обследованных групп ($p \leq 0,05$). Пациентов, проходящих принудительное лечение в ПБСТИН, статистически значимо отличало отсутствие патологии раннего развития, алкоголизация и употребление наркотиков с периода юности. Неоднократные госпитализации в связи с ухудшением кинического состояния значимо чаще встречались в группе лиц, направленных на ПЛ специализированного типа. Неоднократные направления в психиатрический стационар в связи с неадекватным поведением с гетероагрессией значимо отличало пациентов первой группы, и не было характерно для третьей группы. В первой группы значимо чаще отмечалось стационарное течение заболевания, быстропрогредиентное – во второй.

Среди социально-психологических параметров статистически значимый вклад в разделение вносили следующие переменные. Наиболее неблагоприятная по микросоциальным условиям воспитания была первая группа. Пациентов, находящихся на ПЛ специализированного типа значимо отличало воспитание в полной семье, однако, как гармоничны, так и бессистемные условия воспитания в этой группе отмечались в равной степени. Враждебные условия воспитания значимо

чаще встречаются в группе больных, проходящих ПЛ в ПБ специализированного типа.

Относительно успешная академическая успеваемость и школьная адаптация и в последующем более высокий образовательный и профессиональный статус значимо отличала пациентов, находящихся на АДН и АПНЛ. Для этой же группы больных был характерен благоприятный maritalный статус и способность поддерживать длительные партнерские отношения.

Эмоционально-неустойчивые черты, чаще встречались среди пациентов второй группы и наиболее редко – в третьей.

По показателям рецидивности, характера совершенных ООД были подтверждены данные дескриптивного анализа. Пациентов, находящихся на ПЛ в ПБСТИН, отличает неоднократное привлечение к уголовной ответственности и большая тяжесть совершенных ООД, преобладание негативно-личностных механизмов их совершения, при этом показатели неоднократности назначения ПЛ были минимальными в этой группе. В случае криминального анамнеза характерным был минимальный срок (менее года) с момента отмены предыдущего ПЛ и совершения повторного правонарушения.

В выделенных группах обследованных были выявлены значимые различия по ряду патопсихологических факторов. А именно, по объему сведений и знаний, который значимо выше у пациентов, курируемых во внебольничных условиях. Меньшие нарушения динамического аспекта мыслительной деятельности (колебания внимания, темп работоспособности) отличают лиц, проходящим ПЛ в ПБСТИН, максимальные нарушения с преобладанием лабильности мыслительных процессов – у больных, находящихся на АДН И АПНЛ. В этой же группе пациентов значимо чаще отмечалась сохранность критики и адекватное позитивное восприятие качества

Первую группу значимо отличали субъективизм в ассоциативной и мыслительной сфере, а также нарушение критичности в широком смысле.

Заключение

Таким образом, проведение сравнительного анализа полученных данных позволило выявить статистически значимые различия в клинических, социальных и патопсихологических показателях, которые характерны для пациентов, находящихся на разных типах ПЛ.

Пациентов, проходящих принудительное лечение в ПБСТИН, статистически значимо отличало отсутствие патологии раннего развития, при алкоголизация и употреблении наркотиков с периода юности. Эту группу больных отличали наиболее неблагоприятные микросоциальные условия, враждебные условия воспитания. Неоднократные направления в психиатрический стационар в анамнезе были связаны с неадекватным поведением с гетероагрессией. Значимо чаще течение заболевания было стационарным. Отличительным было неоднократное привлечение к уголовной ответственности и большая тяжесть совершенных ООД, преобладание негативно-личностных механизмов их совершения, при этом показатели неоднократности назначения ПЛ были минимальными в обобщенной

выборке. В случае криминального анамнеза характерным был минимальный срок (менее года) с момента отмены предыдущего ПЛ и совершения повторного правонарушения. Среди патопсихологических особенностей специфичны были минимальные нарушения динамического аспекта мыслительной деятельности, субъективизм познавательных процессов, нарушение критичности в широком смысле.

Для пациентов, направленных на ПЛ специализированного типа значимо отличали более благоприятные условия воспитания. Неоднократные госпитализации были обусловлены ухудшением кинического состояния течения заболевания значимо чаще было быстро прогрессивным. Среди патохарактерологических преморбидных особенностей значимо чаще встречались эмоционально-неустойчивые черты. Патопсихологические особенности характеризовались нозоспецифическими нарушениями познавательных процессов, нарушением критики к собственному заболеванию.

Пациентов, находящихся на АДН и АПНЛ, характеризовали относительно успешная академическая успеваемость и школьная адаптация и в последующем более высокий образовательный и профессиональный статус значимо отличала, благоприятный maritalный статус и способность поддерживать длительные партнерские отношения. Среди патопсихологических особенностей статистически значимо чаще отмечались нарушения динамического аспекта мыслительной деятельности с преобладанием лабильности мыслительных процессов, сохранность критики и адекватное позитивное восприятие качества жизни.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости совершенствования профилактических мероприятий в отношении лиц с высокой степенью общественной опасности. Несмотря на стационарное течение заболевания и отсутствие грубых нарушений динамического и операционального аспекта мыслительной деятельности, процент повторности правонарушений, минимальный период времени между криминальными рецидивами, преобладание негативно-личностных механизмов совершения ООД выдвигает на первый план профилактические и реабилитационные задачи социального и психологического регистра. Появление общественной опасности у таких пациентов не бывает связано с обострением или трансформацией заболевания. Оно обусловлено постепенно формирующимися, но стойкими изменениями личности, определенными ситуационными и микросоциальными факторами, влиянием окружающей среды, контактами с антисоциальным окружением (Мальцева М.М, Котов В.П., 1995-2013). Однотипность повторных ООД у больных с негативными расстройствами и изменениями личности, тенденция к систематическому совершению правонарушений и к выработке связанного с этим поведенческого стереотипа выдвигают в качестве основной проблемы в профилактике повторных ООД смещение фокуса предупредительных и лечебных мероприятий в отношении лиц с преобладанием дефицитарных расстройств и изменений личности, а не психотических явлений.

Литература

1. *Абрамов С.В.* Клинико-социальная характеристика невменяемых, направленных на амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра : автореф. дис. . канд. мед наук / С. В. Абрамов — М., 2003, С.15.
2. *Винникова И.Н.* Меры медицинской профилактики общественно опасных действий больных шизофренией (терапевтические, реабилитационные и фармакоэкономические аспекты принудительного лечения): автореф.дис. доктора мед.наук / И.Н.Винникова – М.,2009.
3. *Дмитриева Т.Б.* Проблемы и перспективы судебно-психиатрической службы в Российской Федерации // Российский психиатрический журнал.- М.- 2006.- №2.- С. 4-9.
4. *Дмитриев А.С., Морозова М.В., Савина О.Ф.* Актуальные социально-психологические аспекты осуществления принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа // Российский психиатрический журнал : Научно-практический журнал. - 2007. - №2. - С. 4-9.
5. *Казаковцев Б.А., Букреев Н.В., Булыгина В.Г., Малкин Д.А.* Проблемы профилактики повторных общественно опасных действий психически больных// Судебная психиатрия. М., 2011, С. 100-110.
6. *Казаковцев Б.А., Стяжкин В.Д., Котов В.П., Мальцева М.М., Малкин Д.А., Букреев Н.В., Винникова И.Н., Голланд В.Б.* Профилактика повторных общественно опасных действий психически больных, представляющих особую опасность для общества. – М.: Методические рекомендации. ФГБУ «ГНЦССП им.В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 24 с.
7. *Котов В.П., Голланд В.Б., Мальцева М.М., Яхимович Л.А.* Критерии и обоснование дифференцированного применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния: Методические рекомендации. – М.: ФГБУ «ГНЦССП им.В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011.- С. 7-9.
8. *Котов В.П., Мальцева М.М., Голланд В.Б.* Организационные проблемы профилактики общественно опасных действий психически больных// Современные тенденции организации психиатрической помощи (Материалы Российской конференции). – М., 2004. – С. 419-420.
9. *Котов В.П., Мальцева М.М.* Некоторые дискуссионные аспекты проблемы общественной опасности психически больных// Психиатрия и общество. - М., 2001. - С. 255-269.

10. *Макушкина О.А., Полубинская С.В.* Проблемы назначения и исполнения амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра лиц с тяжелыми психическими расстройствами// Российский психиатрический журнал. – 2013. – № 5. – С. 14-19.
11. *Усов Г.М.* Общественная опасность лиц, страдающих психическими расстройствами (клинико-патогенетический и реабилитационный аспекты): автореф. дис. доктора мед наук / Г. М. Усов- Томск-Омск., 2008, С.38-39.
12. *Шостакович Б. В.* Криминогенность при психических расстройствах и проблемы предупреждения опасных действий// Рос. психиатр, журн. 2006. – № 2. – С. 15-18.
13. *Monahan J.* Risk assesement of violence among the mentally disordered: Generating useful knowledge / J. Monahan // Int. J. Law Psychiat. — 1988. — Vol. 11.-P. 249—257.

Social and pathopsychological treats of mentally ill with different level of social dangerousness

Tokareva G.M., clinical psychology, branch psychiatric hospital №4, named after P.B.Gannushkin «PND №4» (galatgala@gmail.com)

Pritova E.B., PHD in psychiatry, deputy chief doctor of GBUZ №4 DZM, chief doctor of «PND №4»

Bulygina V.G., PhD in Clinical psychology, the head of the Laboratory of psychological problems forensic psychiatry prevention FGBU «FMIS Psychiatry and Narcology» MHC RF (ver210@yandex.ru)

Results of the comparative analysis of clinical, social and pathopsychological indicators that characterized patients from forensic hospitals with different level of security are presented. There were revealed significant differences in terms of education, social maladjustment, and criminal history among patients with various degree of public danger. Among the psychological variables the selected groups of patients were distinguished by the severity of violations of the dynamic aspect of mental activity with a predominance of the liability of the mental processes, low level of insight and the adequacy of the perception of quality of life. The authors concluded that despite stationary course of the disease and the absence of gross intellectual impairment, the percentage of reoffending, the short period between criminal acts, the predominance of their negative personality mechanisms is highlighting the necessity of social and psychological preventive interventions.

Keywords: socially dangerous acts, forensic psychiatry prevention, coercive treatment.

References

1. *Abramov S.V.* Kliniko-social'naja harakteristika nevmenjaemyh, napravlennyh na ambulatornoe prinuditel'noe nabljudenie i lechenie u psihiatra : avtoref. dis. . kand. med nauk / S. V. Abramov — M., 2003, S.15.
2. *Vinnikova I.N.* Mery medicinskoj profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij bol'nyh shizofreniej (terapevticheskie, reabilitacionnye i farmakoeconomicheskie aspekty prinuditel'nogo lechenija): avtoref.dis. doktora med.nauk / I.N.Vinnikova – M.,2009.
3. *Dmitrieva T.B.* Problemy i perspektivy sudebno-psihiatricheskoj sluzhby v Rossijskoj Federacii // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal.-M.- 2006.- №2.- S. 4-9.

4. *Dmitriev A.S., Morozova M.V., Savina O.F.* Aktual'nye social'no-psihologicheskie aspekty osushhestvlenija prinuditel'nogo lechenija v psixiatricheskom stacionare obshhego tipa // Rossijskij psixiatricheskij zhurnal : Nauchno-prakticheskij zhurnal. - 2007. - №2. - S. 4-9.
5. *Kazakovcev B.A., Bukreev N.V., Bulygina V.G., Malkin D.A.* Problemy profilaktiki povtornyh obshhestvenno opasnyh dejstvij psichicheski bol'nyh// Sudebnaja psixiatrija. M., 2011, S. 100-110.
6. *Kazakovcev B.A., Stjazhkin V.D., Kotov V.P., Mal'ceva M.M., Malkin D.A., Bukreev N.V., Vinnikova I.N., Golland V.B.* Profilaktika povtornyh obshhestvenno opasnyh dejstvij psichicheski bol'nyh, predstavljajushhih osobuju opasnost' dlja obshhestva. – M.: Metodicheskie rekomendacii. FGBU «GNCSSP im.V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitija Rossii, 24 s.
7. *Kotov V.P., Golland V.B., Malceva M.M., Jahimovich L.A.* Kriterii i obosnovanie differencirovannogo primenenija prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera v otnoshenii lic s tjazhelymi psichicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih obshhestvenno opasnye dejanija: Metodicheskie rekomendacii. – M.: FGBU «GNCSSP im.V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitija Rossii, 2011.- S. 7-9.
8. *Kotov V.P., Mal'ceva M.M., Golland V.B.* Organizacionnye problemy profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij psichicheski bol'nyh// Sovremennye tendencii organizacii psixiatricheskoj pomoshhi (Materialy Rossijskoj konferencii). – M., 2004. – S. 419-420.
9. *Kotov V.P., Malceva M.M.* Nekotorye diskussionnye aspekty problemy obshhestvennoj opasnosti psichicheski bol'nyh// Psixiatrija i obshhestvo. - M., 2001. - S. 255-269.
10. *Makushkina O.A., Polubinskaja S.V.* Problemy naznachenija i ispolnenija ambulatornogo prinuditel'nogo nabljudenija i lechenija u psixiatra lic s tjazhelymi psichicheskimi rasstrojstvami// Rossijskij psixiatricheskij zhurnal. – 2013. – № 5. – S. 14-19.
11. *Usov G.M.* Obshhestvennaja opasnost' lic, stradajushhih psichicheskimi rasstrojstvami (kliniko-patogeneticheskij i reabilitacionnyj aspekty): avtoref. dis. doktora med nauk / G. M. Usov- Tomsk-Omsk, 2008, S.38-39.
12. *Shostakovich B. V.* Kriminogennost' pri psichicheskikh rasstrojstvah i problemy preduprezhdenija opasnyh dejstvij// Ros. psixiatr, zhurn. 2006. – № 2. – S. 15-18.
13. *Monahan J.* Risk assesement of violence among the mentally disordered: Generating useful knowledge / J. Monahan // Int. J. Law Psychiat. — 1988. — Vol. 11.-P. 249—257.

Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением

Бабина С.В., студентка 4-го курса кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (svt.babina@gmail.com)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Статья посвящена изучению проблемы возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением. Проведен обзор отечественной и зарубежной литературы по вопросам лечения сексуальных расстройств, выделены основные направления терапии, обозначены положительные и отрицательные стороны разных видов коррекционного воздействия. Заболевания, представленные в классе «Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте», разделе «Расстройства сексуального предпочтения» рассматривались с точки зрения особенностей их течения, этиологии. Проведен анализ эффективности применения трех терапевтических подходов к лечению сексуальных расстройств (психофармакологическое лечение, когнитивно-бихевиоральная терапия, психотерапия) для каждого конкретного нарушения сексуального предпочтения. Обозначены наиболее результативные методы терапевтического воздействия. Приведенный анализ позволяет составить максимально-эффективные и наиболее оптимальные схемы психокоррекции и лечения лиц с аномалиями сексуального предпочтения.

Ключевые слова: парафилия, психофармакологическое лечение, когнитивно-бихевиоральная терапия, психотерапия, фетишизм, фетишистский трансвестизм, эксгибиционизм, вуайеризм, педофилия, садомазохизм.

Для цитаты:

Бабина С.В., Дворянчиков Н.В. Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Babina_Dvoryanchikov.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100204

For citation:

Babina S.V., Dvoryanchikov N.V. Possible use of psychological corrective measures for people with abnormal sexual preferences [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Babina_Dvoryanchikov.phtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100204

Введение

Актуальность работы обусловлена необходимостью осуществления лечебных мероприятий в отношении людей с диагностированным, согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), расстройством сексуального предпочтения, в том числе в местах лишения свободы, психиатрических клиниках и т.п. В России на данный момент лечение сексуальных преступников исчерпывается терапией только основного психического расстройства [2].

Представленные в данной работе терапевтические схемы могут быть применимы специалистами к описанным здесь расстройствам полового предпочтения и к расстройствам в сексуальной сфере со схожими этиологией и патогенезом.

Целью исследования явилось установление эффективных стратегий психокоррекционной работы и лечения аномалий сексуального предпочтения. *Основной задачей* анализа возможности применения трех терапевтических методов лечения сексуальных расстройств (психофармакологическое лечение, когнитивно-бихевиоральная терапия, психотерапия) было определение наиболее оптимальной программы коррекции отклоняющегося полового поведения при каждом конкретном заболевании для быстрого и результативного воздействия.

В сексопатологии выделяют три основных подхода в лечении сексуальных девиаций.

Целью психофармакологического лечения является нормализация состояния пациента, которая проявляется в понижении уровня сексуальной возбудимости, уменьшении частоты фантазирования с помощью использования медикаментозных средств [1].

Когнитивно-бихевиоральная терапия позволяет снизить уровень аномального сексуального возбуждения, приводит к возникновению условной реакции возбуждения на социально-приемлемый стимул [1].

Основной целью *психотерапии* является достижение субъективного благополучия пациента [1]. В результате лечения у пациента снижается уровень агрессивности, формируется замещающее поведение, уменьшается фиксация на сексуальной сфере.

Диагностика наличия парафилии проводится с опорой на критерии, представленные в МКБ-10. Данная классификация является наиболее популярной среди сексологов и психиатров. В связи с этим в данной статье будут представлены возможные схемы лечения для аномалий сексуального предпочтения, обозначенных в МКБ-10 в разделе «Расстройства сексуального предпочтения».

F65.0 Фетишизм. Стимулом для сексуального возбуждения и удовлетворения выступает какой-либо одушевленный или неодушевленный предмет. При этом необходимость в присутствии сексуального партнера у больного отпадает, так как между сексуальным возбуждением и отдельными частями человеческого тела или какими-либо предметами существует прочная связь.

В большинстве случаев возникновение фетишизма объясняется с помощью условно-рефлекторной теории: формируется прочная связь между сексуальным возбуждением человека и определенным раздражителем. Особые формы фетишизма возникают в случаях, когда в его формировании участвуют различные органы чувств.

Лечение. При психофармакологическом лечении наиболее целесообразно применение антидепрессантов. У лиц с фетишизмом часто наблюдаются проявления тревожности и депрессии [11, 14]. Помимо этого, антидепрессанты, даже при отсутствии у пациента расстройств настроения, уменьшают чувствительность к негативным аффективным состояниям.

Когнитивно-бихевиоральный подход к лечению фетишизма, в первую очередь, подразумевает использование метода реструктуризации когнитивных искажений, который помогает пациентам осознать ошибки в своем собственном восприятии сексуальных сигналов.

Результативным будет применение аверсивной терапии и метода пресыщения. Возбуждение при девиантном сексуальном стимуле связывается с неприятными физиологическими ощущениями или чувством пресыщения.

Для коррекции фетишизма возможно проведения психотерапии, которая, однако, будет эффективна только при эго-дистонном течении болезни. Групповая психотерапия поможет больному больше узнать о своем заболевании, приобрести навыки борьбы с ним, а сексуально-эротический тренинг поможет нормализовать взаимоотношения между партнерами [6].

F65.1 Фетишистский трансвестизм. Сексуальное возбуждение у индивидуума возникает при переодевании в одежду человека противоположного пола. От других транссексуальных расстройств фетишистский трансвестизм отличает сильное половое возбуждение при ношении чужой одежды и возникающее после наступления оргазма желание снять ее [4].

Причины возникновения трансвестизма на сегодняшний день недостаточно изучены [9]. Исследователи данного вопроса сходятся во мнении, что наибольшую роль в формировании данной девиации играют социальные факторы, например, ошибки воспитания, наличие комплексов или психологических травм и т.п.

Лечение. Данных о психофармакологическом лечении фетишистского трансвестизма мало, но можно предположить, что использование антидепрессантов для нормализации аффективного состояния и серотонинергической функции больного будет целесообразным.

В остальном терапия данного расстройства подразумевает использование методов когнитивно-бихевиорального подхода. Изменение содержания фантазий с

помощью тренинга фантазий или поведенческого тренинга поможет приблизить пациента к принятию нормальных сексуальных стимулов.

Течение психотерапии может оказаться весьма успешным при использовании терапевтических аналогий и метафор, которые помогут скорректировать половую идентичность пациента. При этом индукция трансовых состояний вызовет критическое отношение к собственному отклоняющемуся сексуальному поведению.

Для людей, состоящих в брачных отношениях, важно нормализовать половое взаимодействие в паре, поэтому целесообразно проведение сексуально-эротического тренинга.

F65.2 Эксгибиционизм. Под эксгибиционизмом понимается склонность человека демонстрировать собственные половые органы в общественных местах незнакомым людям, что нередко сопровождается сексуальным возбуждением.

В основе данного заболевания часто лежит органическое поражение мозга или психическая патология (эпилепсия, психопатия, шизофрения, слабоумие и т.д.). Так же причиной для формирования заболевания могут стать стереотипы сексуального поведения, закрепленные с детства (наблюдение за эксгибиционистским актом или участие в нем).

Лечение. Эффективным методом в случае данного расстройства будет медикаментозное воздействие: блокировка мужских половых гормонов, вследствие чего снизится мастурбаторная активность, фантазирование [3]. Однако так как в основе заболевания часто лежит органическое поражение головного мозга, риск рецидива остается велик.

В связи с этим целесообразно применить долгую когнитивно-бихевиоральную терапию в «доброжелательном контексте». Позитивное влияние окажут поведенческие методики. После их использования предпочтительно применение систематической десенсибилизации.

Другим действенным методом может стать тренинг фантазий, заключающийся в изменении содержания фантазий.

В психотерапии применяются следующие формы: групповая, поведенческая, эстетопсихотерапия, целью которых является формирование способностей к социально-приемлемому межличностному взаимодействию [5]. Эмоционально-волевой тренинг, проводимый в группе, помогает лицам с эксгибиционизмом сформировать у себя недевиантные установки, нормализовать направленность полового влечения [6].

F65.3 Педофилия. Педофилия представляет собой расстройство сексуального предпочтения, проявляющееся в тяге к сексуальным действиям с детьми чаще препубертатного или раннего пубертатного возраста. Тело с признаками незрелости выступает в качестве стимула, что напоминает собой патогенез фетишизма.

А.А. Ткаченко, наряду со многими отечественными учеными, видит причину возникновения педофилии в органическом поражении мозга (чаще пренатальном), что приводит к нарушениям психосексуального развития: раннему созреванию [11].

Многие авторы сходятся во мнении, что процесс формирования педофильного поведения берет начало в период раннего детства и решающее влияние на него оказывают особенности внутрисемейных взаимоотношений.

Лечение. Психофармакологическое лечение подразумевает применение антиандрогенов. Ципротерон ацетат является препаратом, используемым при лечении «сильных» парафилий. Это гормональное средство блокирует мужские половые гормоны, вследствие чего снижается половое влечение. При наличии сексуального садизма к лечению добавляются ингибиторы обратного захвата серотонина для снижения уровня агрессивности, половой импульсивности.

Применение леупролида ацетата подразумевает долгосрочное лечение (от года), однако, согласно исследованиям, уже через несколько месяцев отмечается снижение уровня тестостерона, снижение сексуальной активности и исчезновение девиантных фантазий [10].

Основным методом лечения педофилии в когнитивно-бихевиоральном подходе является обнаружение автоматических мыслей, проверка неадаптивной мысли в «реальном» времени, контроль мыслей, «остановка» мыслей.

Недостаток личностной уверенности у педофилов развивается из-за негативного прошлого опыта взаимодействия с людьми противоположного пола, в связи с чем влечение к детям становится единственным возможным способом общения и сексуального взаимодействия, безопасным для самооценки индивида. Тренинг личностной уверенности направлен на решение данной проблемы.

В психотерапии используются терапевтические аналогии и метафоры, приводящие к коррекции половой идентичности, и рефрейминг поведения, целью которого является формирование поведения, замещающего парафильное [12]. Так же часто практикуется применение НЛП методов, в частности, метода индукции трансовых состояний.

F65.4 Вуайеризм. Половое возбуждение возникает при реализации потребности в наблюдении за людьми, занимающимися сексом или иными интимными манипуляциями (переодевание и т.п.) У больного при этом пропадает интерес к иным формам сексуальной активности.

Особенности формирования вуайеризма схожи с условиями возникновения фетишизма. В детском или юношеском возрасте при раннем психосексуальном развитии возникает условно-рефлекторная связь между сексуальным возбуждением и наблюдением полового акта или обнаженных половых органов.

Лечение. В лечении вуайеризма основным методом является психофармакологический. Антиандрогены блокируют мужские половые гормоны. Ингибиторы обратного захвата серотонина улучшают аффективное состояние больного, уменьшают сексуальную активность и возбудимость.

Несмотря на целесообразность применения медикаментозного лечения, когнитивно-бихевиоральная терапия также может способствовать улучшению состояния пациента. Также как и в случае с фетишизмом тренинг фантазий может в перспективе изменить поведение индивида, его установки.

Психотерапию применяют после завершения терапии самого расстройства для нормализации направленности полового влечения и приобретения навыков взаимодействия с другими людьми, в том числе, противоположного пола.

F65.6 Садомазохизм. При садомазохизме половое удовлетворение достигается путем причинения душевного или физического страдания партнеру или самому себе.

Проявление садомазохистских наклонностей начинается в детстве с мастурбаторных фантазий, связанных с подчинением или покорностью.

Лечение. При данном отклонении фармакологическое лечение является обоснованным, так как садомазохистские влечения довольно устойчивы. Применяют как антиандрогенные препараты, так и антидепрессанты.

Антиандрогены снижают уровень агрессии и частоту возникновения в фантазиях эротических сцен, вызывающих у пациента возбуждение [8]. Преимущество антидепрессантов в уменьшении ими чувства тревоги и раздражения, возникающих у пациента в процессе терапевтического воздействия.

Аверсивная терапия и метод пресыщения предусматривают к чувству сексуального возбуждения от девиантного стимула прикрепления неприятных ощущений. Часто один из этих методов совмещают с применением техники переобусловливания для того, чтобы максимизировать эффективность воздействия [8, 13].

Стоит сказать о нецелесообразности проведения групповых форм психотерапии, так как не исключено перенимание одним человеком способов поведения другого [7]. Парафильное поведение замещают с помощью рефрейминга поведения [12]. При индукции трансовых состояний у пациента возникает критическое отношение к своему сексуальному поведению.

В МКБ-10 выделяются также «множественные расстройства сексуального предпочтения» и «другие расстройства сексуального предпочтения». Для не рассмотренных девиаций программу лечения предположительно можно составлять по аналогии с предложенными, исходя из этиологии и особенностей протекания болезни.

По итогам анализа составлена сравнительная таблица с указанием наиболее успешной схемы лечения для заболеваний с различной этиологией и симптоматикой.

Аномальное сексуальное предпочтение	Особенности этиологии и патогенеза	Методы лечения		Результат лечения
<p>Фетишизм</p> <p>Возникает прочная условно-рефлекторная связь между сексуальным возбуждением и определенным раздражителем.</p>		<p>Психофармакологическое лечение (при острых формах заболевания или эго-синтонном течении)</p>	<p>Антидепрессанты (ингибиторы обратного захвата серотонина)</p>	<p>Уменьшение сексуальной активности и возбуждения. Уменьшение чувствительности к негативным аффективным состояниям.</p>
		<p>Когнитивно-бихевиоральная терапия</p>	<p>Реструктуризация когнитивных искажений</p> <p>Аверсивная терапия</p> <p>Пресыщение</p> <p>Тренинг фантазий</p> <p>Переобусловливание</p>	<p>Осознание ошибок собственного восприятия сексуальных сигналов.</p> <p>Условное связывание сексуальных фантазий с негативными ощущениями и переживаниями.</p> <p>Возникает условная связь между девиантным стимулом и неприятным чувством пресыщения.</p> <p>Изменение содержания фантазии, изменение поведения, установок.</p> <p>Подкрепление нормальных сексуальных стимулов к чувству возбуждения.</p>
		<p>Психотерапия и психокоррекция (при эго-дистонном течении болезни)</p>	<p>Групповая психотерапия</p> <p>Сексуально-эротический тренинг</p>	<p>Приобретение навыков борьбы с заболеванием и межличностного взаимодействия.</p> <p>Нормализация половой жизни в паре.</p>
<p>Экстибиционизм</p> <p>Патология головного мозга или психики. Раннее психосексуальное развитие.</p>		<p>Психофармакологическое лечение (применяется редко, при сексуальной агрессивности)</p>	<p>Антиандрогены (ципротерон ацетат)</p>	<p>Блокада мужских половых гормонов. Быстрый результат в виде снижения девиантной сексуальной активности. Отсутствие рецидивов.</p>
		<p>Когнитивно-бихевиоральная терапия</p>	<p>Тренинг фантазий</p> <p>Техника прогрессивной мышечной релаксации</p> <p>Систематическая десенсибилизация (при эго-дистонном течении болезни)</p>	<p>Изменение содержания фантазий, изменение поведения, установок.</p> <p>Купирование отрицательных эмоций.</p> <p>Уменьшение стресса и тревоги при воздействии нормального сексуального стимула.</p>
		<p>Психотерапия и психокоррекция</p>	<p>Эмоционально-волевой тренинг</p> <p>Групповая психотерапия</p>	<p>Формирование недевиантных установок, самовоспитание – нормализация направленности полового влечения.</p> <p>Приобретение навыков борьбы с заболеванием и межличностного</p>

				взаимодействия.
Педофилия	Органическое поражение мозга. Влияние психосоциальных факторов. Раннее психосексуальное развитие.	Психофармакологическое лечение	<p>Антиандрогены (ципротерон ацетат)</p> <p>Антидепрессанты (ингибиторы обратного захвата серотонина) (при сексуальном садизме)</p> <p>Агонисты (леупролид ацетат) (долгосрочное лечение)</p>	<p>Блокада мужских половых гормонов. Снижение полового влечения, частоты фантазирования, мастурбации.</p> <p>Уменьшение сексуальной активности и возбуждения. Уменьшение чувствительности к негативным аффективным состояниям.</p> <p>Уменьшение уровня тестостерона. Снижение сексуальной агрессивности, эрекции, эякуляции, мастурбации, половой импульсивности, частоты фантазирования.</p>
		Когнитивно-бихевиоральная терапия	<p>Обнаружение автоматических мыслей, проверка неадаптивной мысли в «реальном» времени, контроль мыслей, «остановка» девиантных мыслей</p> <p>Реструктуризация когнитивных искажений</p> <p>Тренинг личностной уверенности</p>	<p>Исчезновение девиантных мыслей и фантазий. Формирование новых недевиантных установок. Контроль девиантных мыслей.</p> <p>Осознание ошибок собственного восприятия сексуальных сигналов.</p> <p>Повышение уверенности и самооценки индивида.</p>
		Психотерапия и психокоррекция	<p>Терапевтические аналогии и метафоры</p> <p>Рефрейминг</p> <p>Индукция трансовых состояний</p>	<p>Коррекция половой идентичности.</p> <p>Формирование замещающего поведения.</p> <p>Исчезновение аффективных нарушений, возникновение критического отношения к собственному сексуальному предпочтению.</p>
Садомазохизм	Влияние психосоциальных факторов. Раннее психосексуальное развитие.	Психофармакологическое лечение (рекомендуется применение на ранних этапах когнитивно-бихевиоральной терапии)	<p>Антиандрогены (ципротерон ацетат)</p> <p>Антидепрессанты (ингибиторы обратного захвата серотонина)</p>	<p>Блокада мужских половых гормонов. Снижение полового влечения, частоты фантазирования, мастурбации.</p> <p>Уменьшение сексуальной активности и возбуждения. Уменьшение чувствительности к негативным аффективным состояниям.</p>

			Агонисты (леупролид ацетат) (долгосрочное лечение)	Уменьшение уровня тестостерона. Снижение сексуальной агрессивности, эрекции, эякуляции, мастурбации, половой импульсивности, частоты фантазирования.
		Когнитивно-бихевиоральная терапия	Аверсивная терапия	Условное связывание сексуальных фантазий с негативными ощущениями и переживаниями
			Пресыщение	Возникает условная связь между девиантным стимулом и неприятным чувством пресыщения
			Систематическая десинсибилизация	Уменьшение стресса и тревоги при нормальном сексуальном стимуле
			Переобусловливание (совместно с аверсивной терапией или методом пресыщения)	Подкрепление нормальных сексуальных стимулов к чувству возбуждения.
			Поведенческий тренинг	Усвоение социально-приемлимых моделей сексуального поведения.
		Психотерапия и психокоррекция	Реструктуризация когнитивных искажений	Осознание ошибок собственного восприятия сексуальных сигналов
			Рефрейминг	Формирование поведения, замещающего парафильное.
			Индукция трансовых состояний	Исчезновение аффективных нарушений, возникновение критического отношения к собственному сексуальному предпочтению.
Вуайеризм	Возникает прочная условно-рефлекторная связь между сексуальным возбуждением и определенным раздражителем.	Психофармакологическое лечение (основной метод лечения)	Антиандрогены (ципротерон ацетат)	Блокада мужских половых гормонов. Снижение полового влечения, частоты фантазирования, мастурбации.
			Антидепрессанты (ингибиторы обратного захвата серотонина)	Уменьшение сексуальной активности и возбуждения. Уменьшение чувствительности к негативным аффективным состояниям.
		Когнитивно-бихевиоральная терапия	Аверсивная терапия	Условное связывание сексуальных фантазий с негативными ощущениями и переживаниями.
			Пресыщение	Возникает условная связь между девиантным стимулом и неприятным чувством пресыщения.
			Тренинг фантазий	Изменение содержания фантазий, изменение поведения, установок.
			Переобусловливание	Усвоение социально-приемлемых моделей сексуального поведения.

		Психотерапия и психокоррекция	Эмоционально-волевой тренинг Групповая психотерапия Сексуально-эротический тренинг	Формирование не deviantных установок, нормализация направленности полового влечения. Приобретение навыков борьбы с заболеванием и межличностного взаимодействия. Нормализация половой жизни в паре.
Фетишистский трансвестизм	Влияние психосоциальных факторов.	Психофармакологическое лечение	Антидепрессанты (ингибиторы обратного захвата серотонина)	Уменьшение сексуальной активности и возбуждения. Уменьшение чувствительности к негативным аффективным состояниям.
		Когнитивно-бихевиоральная терапия	Реструктуризация когнитивных искажений	Осознание ошибок собственного восприятия сексуальных сигналов.
			Аверсивная терапия	Условное связывание сексуальных фантазий с негативными ощущениями и переживаниями.
			Пресыщение	Возникает условная связь между deviantным стимулом и неприятным чувством пресыщения.
			Тренинг фантазий	Изменение содержания фантазий, изменение поведения, установок.
			Переобусловливание	Подкрепление нормальных сексуальных стимулов к чувству возбуждения.
			Поведенческий тренинг	Усвоение социально-приемлемых моделей сексуального поведения.
		Психотерапия и психокоррекция	Терапевтические аналогии и метафоры	Коррекция половой идентичности.
			Индукция трансовых состояний	Исчезновение аффективных нарушений, возникновение критического отношения к собственному сексуальному предпочтению.
			Сексуально-эротический тренинг	Нормализация половой жизни в паре.

Исходя из результатов анализа возможности применения терапевтических стратегий для лечения аномального сексуального предпочтения, можно сделать следующие выводы: 1). лечение может ограничиваться когнитивно-бихевиоральной терапией или психотерапией только при «легких» парафилиях и эго-дистонном течении заболевания; 2). «агрессивные» парафилии требуют использования методов лечения всех трех подходов; 3). для лечения «агрессивных» парафилий обязательно долгосрочное применение агонистов (леупролида ацетат); 4). применение психотерапии в большинстве случаев целесообразно на последних этапах лечения; 5). когнитивно-бихевиоральная терапия наиболее эффективна при заболеваниях, формирование которых обусловлено возникновением условно-рефлекторной связи; 6). после психофармакологического лечения расстройств, вызванных органическим поражением головного мозга, остается высокая вероятность рецидива; 7). расстройства, при которых для сексуального удовлетворения контакт с другим человеком не является необходимым, подразумевают применение тренингов, направленных на формирование навыков межличностного взаимодействия; 8). для максимизации эффективности когнитивно-бихевиоральной терапии метод аверсивной терапии и пресыщения рекомендуется сочетать с методом переобусловливания; 9). психотерапевтическое воздействие является наиболее оптимальным для профилактики рецидивов; 10). выбор стратегии терапевтического вмешательства зависит от этиологии заболевания; 11). эффективность лечения определяется комплексностью подхода.

Литература

1. Бабина С.В., Дворянчиков Н.В. Возможности психологической коррекции сексуальных аномалий в стационаре // Психология и право. 2014. №2 С. 1 - 17.
2. Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю. Проблема расстройств сексуального предпочтения по материалам зарубежных исследований // . Юридическая психология. 2011. № 4. С 35 -42.
3. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 399 с.
4. Имелинский К. Сексология и сексопатология / Пер. с польск. А.В. Бруенка / Под ред. проф. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1986. 424 с.
5. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний.— М.: Медицина, 1991. 336 с.
6. Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология. М.: Per Se, 2002. 879 с.
7. Кулинкович Т.О. Психотерапевтический взгляд на феномен садомазохизма // . Психотерапия и клиническая психология. 2008. № 2. С. 7 - 13.

8. Мастерс У. Основы сексологии. М.: Мир, 1988. 702 с.
9. Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В. Проблема диагностики расстройств половой идентичности у лиц с транссексуализмом // . Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С.1 -15.
10. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология: Руководство для врачей. – М.: Бином, 2015. 648 с.
11. Ткаченко А.А., Сексуальные извращения – парафилии. М.: Триада-Х, 1999. 461 с.
12. Grinder J., Bandler R. The structure of magic Vol. 2: a book about communication and change. // . Palo Alto, CA, Science and Behaviour Books, 1967, 226 p.
13. Losel F., Schmucker M. The effectiveness of treatment for sexual offenders: A comprehensive meta-analysis // Journal of Experimental Criminology. 2005. Vol. 1. № 1. P 117 -146. Doi 10.1007/s11292-004-6466-7.
14. Kafka M.P. Therapy for Sexual Impulsivity: The Paraphilias and Paraphilia-Related Disorders // Psychiatric Times. 1996. № 6. P 1 -13.

Possible use of psychological corrective measures for people with abnormal sexual preferences

Babina S.V., Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (svt.babina@gmail.com)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Dean of the Department of Legal Psychology, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

The paper studies the possibility of psychological corrective measures aimed at persons with abnormal sexual preferences. We reviewed domestic and foreign scientific publications described the treatment of sexual disorders and the basic directions of the therapy, and indicated its positive and negative aspects. We have studied progress notes and etiology of "personality disorders and behavior in adulthood" disease class, "disorders of sexual preference" disease subsection and analyzed the efficiency of the psychopharmacological treatment, cognitive-behavioral therapy, and psychotherapy for each violation of sexual preference. The most productive methods of therapeutic intervention are identified. This analysis allows making the most appropriate scheme of psychological correction and treatment for persons with abnormalities of sexual preference.

Keywords: paraphilia, psychopharmacological treatment, cognitive-behavioral therapy, psychotherapy, fetishism, fetishistic transvestism, exhibitionism, voyeurism, pedophilia, sadomasochism.

References

1. Babina S.V., Dvoryanchikov N.V. Vozможности psihologicheskoy korrekcii seksual'nyh anomalij v stacionare // Psihologija i pravo. 2014. №2 S. 1–17.
2. Dvoryanchikov N.V., Demidova L.Ju. Problema rasstrojstv seksual'nogo predpochtenija po materialam zarubezhnyh issledovanij // Juridicheskaja psihologija. 2011. № 4. S 35–42.
3. Derjagin G.B. Kriminal'naja seksologija: ucheb.posobie dlja stud.vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti «Jurisprudencija». – M.: JuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2011. 399 s.
4. Imelinskij K. Seksologija i seksopatologija / Per. s pol'sk. A.V. Bruenka / Pod red. prof. G.S. Vasil'chenko. M.: Medicina, 1986. 424 s.

-
5. *Kratohvil S.* Psihoterapija semejno-seksual'nyh disgarmonij. M.: Medicina, 1991. 336 s.
 6. *Krishtal V.V., Grigorjan S.R.* Seksologija. M.: PerSe, 2002. 879 s.
 7. *Kulinkovich T.O.* Psihoterapevticheskiy vzgljad na fenomen sadomazohizma // Psihoterapija i klinicheskaja psihologija. 2008. № 2. S. 7–13.
 8. *Masters U.* Osnovy seksologii. M.: Mir, 1988. 702 s.
 9. *Novikova Z.D., Dvorjanchikov N.V.* Problema diagnostiki rasstrojstv polovoj identichnosti u lic s transeksualizmom // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2012. № 2. S.1–15.
 10. *Tkachenko A.A., Vvedenskij G.E., Dvorjanchikov N.V.* Sudebnaja seksologija: Rukovodstvo dlja vrachej. M.: Binom, 2015. 648 s.
 11. *Tkachenko A.A.* Seksual'nye izvrashhenija – parafilii. M.: Triada-H, 1999. 461 s.
 12. *Grinder J., Bandler R.* The structure of magic 2: a book about communication and change // Science and behaviour Books. 1967. 321 p.
 13. *Losel F., Schmucker M.* The effectiveness of treatment for sexual offenders: A comprehensive meta-analysis// Journal of Experimental Criminology. 2005.Vol.1. № 1. P 117–146. doi: 10.1007/s11292-004-6466-7.
 14. *Kafka M.P.* Therapy for Sexual Impulsivity: The Paraphilias and Paraphilia-Related Disorders// Psychiatric Times. 1996. № 6.P 1–13.

Особенности эмоционального интеллекта и внутрисемейных эмоциональных коммуникаций у лиц, совершивших сексуальные ООД

Парахони А. А., студент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (italiennemax@yandex.ru)

Васютина А.А., студент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (alena.luiza@gmail.com)

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ver210@yandex.ru)

Статья посвящена изучению особенностей эмоционального интеллекта и внутрисемейной эмоциональной коммуникации у лиц, совершивших сексуальные ООД. Исследование проводилось на выборке из 82 испытуемых мужского пола. Экспериментальные группы составили 27 человек, находящихся на принудительном лечении в Орловской ПБСТИН, 25 психически больных лиц, не имеющих криминального анамнеза, находящиеся на лечении в дневном отделении ПНИ №30. Контрольная группа нормы включала 30 мужчин, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности, психически здоровых. **Методический комплекс** включает: 1) методики, представляющие блок исследования эмоционального интеллекта (Булыгина В.Г., Макурин А.А., 2009; Булыгина В.Г., 2014); 2) методики, представляющие блок исследования семейной сферы (Булыгина В.Г., Парахони А.А., 2014). **Гипотезы исследования:** 1) показатели эмоционального интеллекта значительно ниже у лиц с расстройствами сексуальных предпочтений, в сравнении с группой нормы; 2) существуют специфические различия в процессе идентификации эмоции у психически больных лиц, имеющих криминальный анамнез и без него; 3) лиц с расстройствами сексуальных предпочтений, совершивших ООД сексуального характера, отличает наличие негативных установок в отношении проявления эмоций в родительской семье. По результатам исследования выявлены специфические нарушения эмоционального интеллекта у лиц, страдающих психическими расстройствами различной нозологии, совершавших и не совершавших ООД. Выявлены особенности функционирования родительских семей

последних.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоции, внутрисемейная эмоциональная коммуникация, родительская семья, психическое расстройство.

Для цитаты:

Парахони А.А., Васютина А.А., Булыгина В.Г. Особенности эмоционального интеллекта и внутрисемейных эмоциональных коммуникаций у лиц, совершивших сексуальные ООД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Parahoni_et_al.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100205

For citation:

Parahoni A.A., Vasyutina A.A., Buligina V.G Special aspects of emotional intelligence and interfamily emotional communication for persons who have committed socially dangerous sexual acts [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Parahoni.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100205

Введение

По официальным данным, представленным Генеральной Прокуратурой РФ, только за февраль 2015 г. в России было зарегистрировано 516 изнасилований (в том числе попыток изнасилования) [7]. По данным Национального исследовательского университета, за 2013 г. осуждено более 2500 тыс. человек за различные преступления сексуального характера [7]. При этом совокупная доля ООД, совершенных лицами с психическими заболеваниями, по отношению к общему количеству правонарушителей в обществе возросла за последние десятилетия от 1 до 20% по отдельным видам преступлений. Особенно это касается тяжких преступлений против личности [5].

В литературе представлено много исследований механизмов совершения преступлений сексуального характера, факторов формирования и развития агрессивного и аномального сексуального поведения. Многие авторы занимались вопросами судебной и сексологической экспертизы сексуальных преступников [3; 12]. При этом в рамках изучения сексуальных преступлений значительное место занимают исследования лиц с расстройствами сексуальных предпочтений, которые представляют значительный класс сексуальных преступников и вызывают большой научный интерес в связи со специфичностью механизмов совершаемых ими преступлений. В ряде работ, посвященных исследованию психологических особенностей у лиц, совершивших сексуальные ООД, было выявлено наличие черт, присущих личности, которые влияют на формирование различных отклонений межличностных взаимоотношений. Существуют различные концепции, определяющие вероятные причины, обуславливающие совершение ООД данного круга. В части из них делается акцент на аффективно-волевой сфере, связанной с наличием аффективной неустойчивости, нарушениями функции контроля эмоциональных реакций и состояний, когнитивных нарушений, влияющих на

процесс идентификации и интерпретации своих эмоциональных состояний и эмоциональных реакций жертв [10; 8].

По данным некоторых исследований, нарушения эмоционального интеллекта лиц, страдающих парафилией, связаны со специфичными особенностями функционирования родительских семей последних. [1]. В работах, посвященных исследованию структуры аномального сексуального поведения, значительная роль отводится нарушениям половой идентичности, которая формируется в семье в детском возрасте [4]. Указывается, что особенности половой идентичности у лиц с аномальным сексуальным поведением являются детерминантами нарушений компонентов эмоционального интеллекта (эмоциональное отношение к жертве, способность к распознаванию эмоций, обедненность эмоционального репертуара).

Целью настоящего исследования является выделение особенностей эмоционального интеллекта у лиц, совершивших сексуальные ООД, а также исследование влияния внутрисемейных эмоциональных коммуникаций на формирование нарушений эмоционального интеллекта у данной категории лиц.

Методы

Исследование проводилось на выборке из 82 испытуемых мужского пола. Первую экспериментальную группу составили 27 человек, совершивших ООД сексуального характера, находящихся на ПЛ в Орловской ПБСТИН (средний возраст испытуемых – 38 лет), страдающих шизофренией (17 человек), органическими расстройствами (10 человек) и сопутствующим диагнозом «парафилия». Вторую экспериментальную группу составили 25 человек (средний возраст испытуемых 42 года) без криминального анамнеза, страдающих психическими расстройствами различной нозологии, из них: 14 – с диагнозом шизофрения, 7 – с диагнозом ОНР, 3 – с эпилепсией, 1 – с умственной отсталостью, находящихся на лечении в дневном отделении ПНИ №30. Контрольную группу составили 30 человек, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности, психически здоровых.

Методический комплекс включает следующие методики.

Методики, представляющие блок исследования эмоционального интеллекта (Булыгина В.Г., Макурин А.А., 2009; Булыгина В.Г., 2014):

1. Методика «Тезаурус эмоций», направленная на оценку широты эмоционального словаря. Методика представлена бланком, предназначенным для записи известных испытуемому эмоций.

2. Методика «Классификатор эмоций», направленная на исследование способности к дифференциации собственных эмоций. При проведении методики обследуемому предлагается назвать субъективно наиболее приятные и неприятные эмоции.

3. Методика «Поведенческие корреляты эмоций», направленная на исследование поведенческих ответов в соответствии с переживаемыми эмоциями. В качестве эмоций-стимулов в методике представлены восемь базовых эмоций по Изарду.

4. Методика «Кодирование эмоций», направленная на исследование особенностей восприятия эмоций. Стимульный материал представляет собой бланк с перечисленными эмоциями, которые испытуемому предлагается проассоциировать с предметом/явлением природы, ощущением.

5. Методика «Распознавание эмоций», направленная на исследование способности идентификации эмоций по мимическому выражению лиц, дифференцированных по гендерным и возрастным характеристикам. Стимульный материал представлен 48 портретами лиц, различных по полу и возрасту, обозначающих конкретную эмоцию: радость–удовольствие, интерес–возбуждение, удивление–испуг, горе–страдание, гнев–ярость, страх–ужас, отвращение–омерзений, стыд–унижение. Категории портретов по половозрастным характеристикам: 1) мальчик и девочка до 10 лет; 2) юноша и девушка в возрасте 25 лет; 3) мужчина и женщина в возрасте 53 лет.

6. Методика «Оценка эмоционального репертуара», направленная на исследование активного репертуара эмоций и их проявления в контексте конкретной ситуации. Представляет собой список краткого описания различных ситуаций, в соответствии с которыми испытуемому предлагается выбрать эмоцию, которую он обычно испытывает в такой ситуации.

Методики, представляющие блок исследования семейной сферы (Булыгина В.Г., Парахони А.А., 2014):

1. Методика «Оценка внутрисемейного функционирования», направленная на исследование родительских отношений, семейных коммуникаций, внутрисемейной эмоциональной сферы, стиля воспитания в родительской семье испытуемого. Опросник состоит из 8 шкал и 19 утверждений, касающихся семейной сферы родительской семьи испытуемого. Опросник включает следующие шкалы: 1) уровень протекции; 2) степень удовлетворения потребностей; 3) авторитарный стиль воспитания; 4) авторитетный стиль воспитания 5) разрешающий стиль воспитания; 6) семейные коммуникации; 7) запрет на выражение эмоций.

2. Методика «Эмоциональные коммуникации в родительской семье», направленная на исследование внутрисемейных эмоциональных коммуникаций родительской семьи испытуемого. Опросник состоит из 7 шкал и 28 утверждений. Шкалы опросника: 1) элиминация эмоций; 2) родительская критика; 3) индуцирование тревоги; 4) фиксация на негативных переживаниях; 5) внешнее благополучие; 6) индуцирование недоверия к людям; 7) семейный перфекционизм.

Результаты исследования эмоционального интеллекта

По результатам исследования выявлено, что объем эмоционального словаря испытуемых экспериментальных групп значимо меньше в сравнении с группой нормы. При этом данный показатель ниже у испытуемых, не совершавших ООД. Для испытуемых, не имеющих криминального анамнеза, специфичным является снижение способности к идентификации эмоций по мимическому выражению лица (в сравнении с группой нормы). Так, лучше распознавались эмоции «интерес», «удивление», «горе» и «гнев». При этом показатели идентификации эмоции «радость» несколько выше по сравнению с контрольной группой.

Между показателями положительных и отрицательных эмоций в группе психически больных лиц, не совершавших ООД выявлена значимая связь (0,667 по методике ТЭ, $p=0,05$). Испытуемые демонстрировали высокий уровень идентификации эмоций (по сравнению с уровнем идентификации других эмоций в данной группой испытуемых) по мимическому выражению лица при идентификации эмоций: «радость», «страх», «гнев»; при распознавании эмоций «отвращение» и «стыд» испытуемые демонстрировали низкий уровень идентификации. Выявлено, что показатели способности к идентификации эмоций по мимическому выражению лица сопряжены с гендерными и возрастными характеристиками объекта эмоциональной экспрессии. Так, по портретам ребенка женского пола хуже всего распознавалась эмоция «печаль»; по портретам ребенка мужского пола – «гордость»; по портретам девушки – «гордость»; по портретам юноши – «любовь»; по портретам пожилой женщины – «стыд»; по портретам пожилого мужчины – «гордость», «страх» и «стыд».

Наблюдаются различия между испытуемыми разных нозологических групп по показателям способности к идентификации эмоций. Так, испытуемыми с диагнозом «шизофрения» успешнее распознавались эмоции «радость», «удивление», «гнев» и «страх»; низкий уровень идентификации выявлен по эмоциям «интерес» и «горе». Испытуемые с диагнозом «ОПР» успешнее распознавали эмоции «радость», «гнев» и «страх»; хуже – «интерес», «удивление» и «горе». Испытуемые, страдающие эпилепсией, успешнее распознавали эмоции «радость» и «гнев»; хуже – «удивление», «горе» и «страх».

Значимые различия выявлены между группой испытуемых, совершавших ООД и контрольной группой нормы. Выявлено, что для испытуемых данной группы, специфичным является снижение способности к идентификации эмоций «ненависть», «страх». Наблюдается зависимость успешности распознавания эмоций от половозрастных характеристик объекта эмоциональной экспрессии. Так, испытуемые демонстрировали низкий уровень идентификации эмоций по портретам ребенка женского пола; самые высокие показатели получены при распознавании эмоций по портретам юноши (показатели приближены к таковым в группе нормы) (рис. 1). В частности, по портретам юноши лучше всего распознавались эмоции «гнев», «печаль», «страх».

Для данной группы испытуемых специфично отсутствие копингов в поведенческом ответе на переживаемые негативные эмоции (например, реакция «подавления» на эмоцию «страх-ужас»). Специфично, что испытуемые обеих экспериментальных групп (в отличие от группы нормы) испытывают значительные трудности при описании собственных действий в ответ на переживаемую эмоцию (в ряде случаев ответ отсутствует).

Выявлены значимые различия между группами испытуемых, совершавших и не совершавших ООД. При идентификации эмоции «интерес» испытуемые, не имеющие криминального анамнеза, указывают на наличие сопутствующих эмоциональных проявлений, в то время как испытуемые, совершившие сексуальные ООД, отмечают данные проявления в 50% случаев. Психически больные, совершившие сексуальные ООД, в ряде случаев указывают на сопутствующие эмоции активные и агрессивные действия, чего не встречается у психически больных, не совершавших ООД. В группе последних наблюдаются затруднения в

процессе восприятия, узнавания эмоций и дифференциации эмоций. Так, в большинстве случаев испытуемые идентифицировали предъявляемую эмоцию как «удивление» вне зависимости от половозрастных характеристик объекта эмоциональной экспрессии и демонстрируемой эмоции.

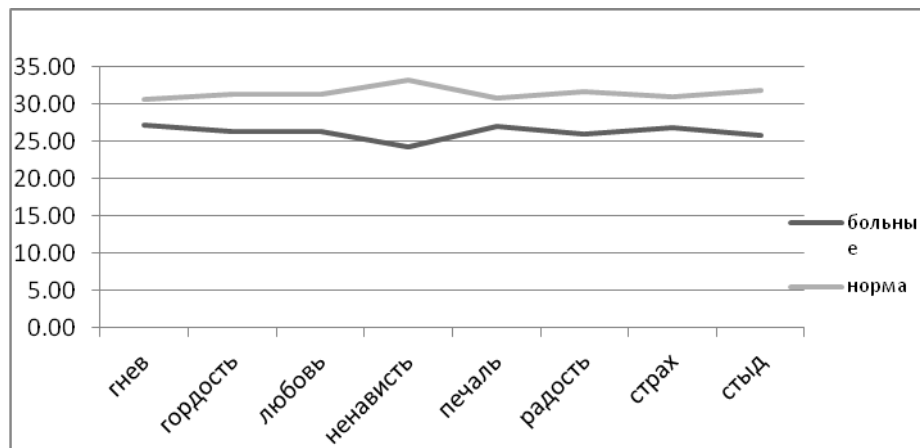

Рис. 1. Показатели уровня идентификации эмоций по портретам молодого человека

Результаты исследования семейной сферы

По результатам исследования особенностей функционирования родительских семей испытуемых, совершивших сексуальные ООД, выявлено следующее. Для родительских семей исследуемых лиц специфичны разрешающий и авторитарный стили воспитания (рис. 2). В сфере внутрисемейных эмоциональных коммуникаций для родительских семей испытуемых характерны: высокий уровень элиминации эмоций, семейный перфекционизм, фиксация на негативных переживаниях.

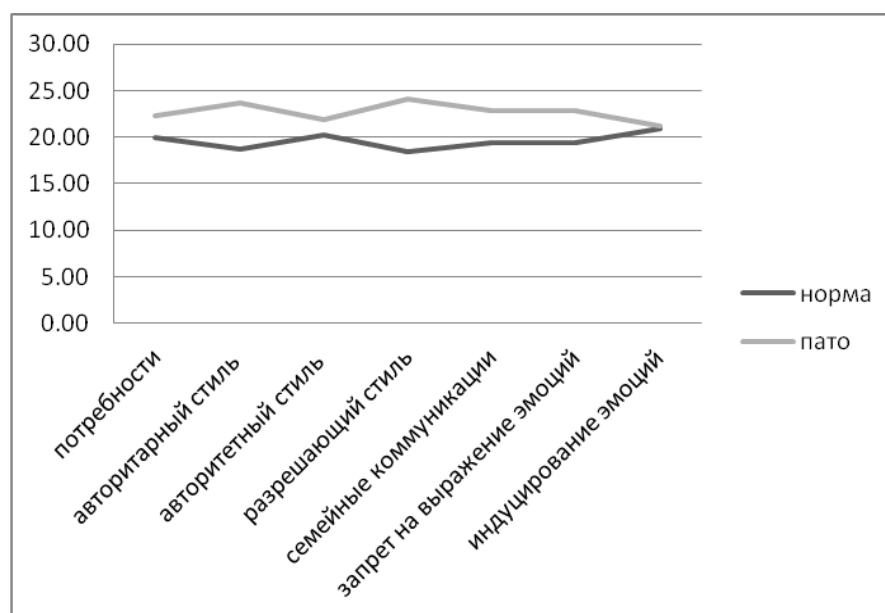

Рис. 2. Значимые различия между группой испытуемых, имеющих криминальный анамнез и контрольной группой нормы по особенностям функционирования родительских семей

Выявлено, что испытуемые, чьи родительские семьи характеризуются: 1) более низкими показателями удовлетворения потребностей, семейных коммуникаций; 2) более высокими показателями родительской критики (рис.3), значимо лучше распознают эмоцию «гнев» по мимическому выражению лица ребенка женского пола и девушки; эмоцию «страх» по портрету девушки; эмоцию «любовь» по портрету ребенка мужского пола. Также, выявлено, что испытуемые, отличающиеся указанными характеристиками родительских семей, чаще указывают эмоцию «отвращение–омерзение» в качестве реакции на ситуацию-стимул, относящуюся к категории «социально значимых».

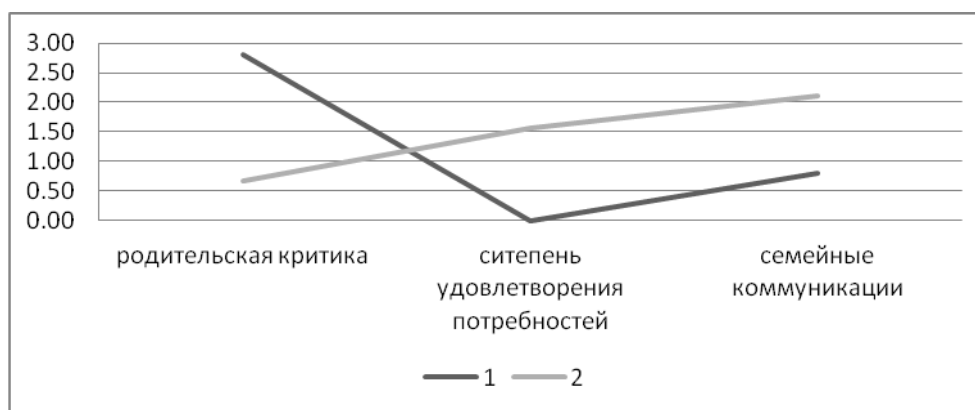

Рис. 3. Значимые различия (по Т-критерию) между кластерами, выделенными кластеризацией методом К средних по характеристикам функционирования родительских семей испытуемых экспериментальной группы

Выводы

1. Особенности эмоционального интеллекта лиц, страдающих психическим расстройством, совершивших ООД сексуального характера, характеризуются дефицитарностью способности к идентификации эмоций по мимическим выражениям лиц, дифференцированных по возрастному и гендерному признакам.

1.1. Выраженные трудности в идентификации у лиц с парафильным поведением отмечаются при распознавании эмоций «стыд», «ненависть», «гнев».

1.2. Максимально выраженные трудности в идентификации эмоций у лиц с парафилиями отмечаются при распознавании эмоций по мимическому выражению лица ребенка женского пола. При этом минимально выраженные трудности в идентификации отмечаются при распознавании эмоций по мимическому выражению лица мужчины, максимально приближенного по возрастному признаку к респондентам.

1.3. Специфичным для психически больных лиц, не имеющих криминального анамнеза, является неспособность правильно идентифицировать эмоции «интерес», «горе», «отвращение» и «стыд».

1.4. Максимально выраженные трудности в идентификации эмоций у лиц, не имеющих криминального анамнеза, отмечаются при распознавании эмоций по мимическому выражению лица мужчины пожилого возраста.

1.5 При переживании эмоций отрицательного спектра («страх–ужас», «отвращение–омерзение») в поведенческом ответе лиц, страдающих психическими расстройствами (совершавших и не совершавших ООД), не используются копинги (избегание, подавление).

2. В зависимости от принадлежности к нозологической группе у психически больных специфическим образом нарушена способность к идентификации эмоций различного спектра.

2.1. Больные шизофренией вне зависимости от наличия криминального анамнеза лучше идентифицируют эмоции «радость», «удивление», «гнев» и «страх»; хуже – «интерес» и «горе».

2.2. Больные ОПР, совершившие сексуальные ООД, успешнее всего идентифицируют эмоцию «страх»; не совершавшие ООД – успешнее идентифицируют эмоции «радость», «гнев» и «страх», хуже всего – «интерес», «удивление» и «горе».

3. Специфическими характеристиками функционирования родительских семей у лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших ООД сексуального характера, являются авторитарный или разрешающий стили воспитания.

4. Особенности внутрисемейных эмоциональных коммуникаций родительских семей у лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших ООД сексуального характера, являются высокий уровень элиминации эмоций, фиксация на негативных переживаниях, семейный перфекционизм по отношению к ребенку.

5. Специфика нарушений эмоционального интеллекта у лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших ООД сексуального характера, сопряжена со степенью выраженности дисфункциональности их родительских семей, проявляющейся в уровне родительской критики, степени удовлетворения потребностей, развитости коммуникативных функций.

Заключение

Полученные данные представляются нам важными в свете разработки коррекционных программ для лиц с расстройствами сексуальных предпочтений, проходящих принудительное лечение в связи с совершением сексуальных преступлений; программ профилактики и прогноза рецидивов сексуальных преступлений, а также диагностики расстройств сексуальных предпочтений в экспертной практике. Данные, иллюстрирующие негативное влияние выявленных особенностей семейного функционирования на формирование эмоционального интеллекта, при дальнейшем, более глубоком изучении этого феномена могут быть применимы также в сфере профилактики эмоциональных нарушений в детском возрасте, в качестве составления программ тренингов, психокоррекционных мероприятий.

В качестве актуальных направлений дальнейших исследований в данной сфере представляется рассмотрение широкого круга клинико-социальных патогенных факторов нарушений эмоционального интеллекта у лиц с

расстройствами сексуальных предпочтений, совершивших ООД сексуального характера, в частности, патогенного вклада органических расстройств, шизофрении различных типов; исследование влияния различных вариантов функционирования родительских семей. Также представляется интересным исследование динамического аспекта нарушений эмоционального интеллекта в контексте прохождения принудительного лечения исследуемой категорией лиц; разработка новых методических средств диагностики нарушений эмоционального интеллекта.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Предпосылки развития эмоционального интеллекта // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 57–65.
2. *Березанцев А.Ю., Кузнецов Д.А.* Клинико-социальные и нейробиологические аспекты оценки общественной опасности больных с шизофренией и органическими психическими расстройствами // Неврология, нейропсихология, психосоматика. 2012. №4. С. 62–66.
3. *Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю.* Когнитивная и аффективная составляющие межличностного взаимодействия у лиц с аномальным сексуальным поведением // Психологическая наука и образование. 2014. №1. С. 323–324.
4. *Дворянчиков Н.В., Ильенко А.А., Ениколопов С.Н.* Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением // Сексология и сексопатология. 2003. № 4. С. 17–23.
5. *Дмитриева Т.Б., Антонян Ю.М., Горинов В.В., Шостакович Б.В.* Психопатологические и криминологические аспекты агрессивного поведения лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 1999. № 4. С. 4–9.
6. *Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М: МГУ, 1991. 256с.
7. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры [Электронный ресурс] // сайт ГП РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/>. (дата обращения: 20.04.2015)
8. *Радченко Н.А.* Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних: дис.... канд. мед. наук / Н.А. Радченко. – Москва, 2003. – 270 с
9. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 215 с.

10. *Старович З.* Судебная сексология: пер. с польск. М.: Юридическая литература, 1991. 336 с
11. *Ткаченко А.А.* Границы сексуальной нормы и современные классификации нарушений психосексуальных ориентаций // Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А.А. Ткаченко. М., 1997. 426 с.
12. *Холмогорова А.Б., Воликова С.В.* Семейные источники негативных когнитивных схем при эмоциональных расстройствах (на примере тревожных, депрессивных и соматоформных расстройств) // Московский психотерапевтический журнал. 2001. №4. С. 49–60.
13. *Kohler C., Travis H., Turner B.S. et al.* Facial Emotion Recognition in Schizophrenia: Intensity effect and error pattern // Am J. Psychiatry. 2003. № 160. P. 1768–1774.

Special aspects of emotional intelligence and interfamily emotional communication for persons who have committed socially dangerous sexual acts

Parahoni A.A., Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (italiennemax@yandex.ru)

Vasyutina A.A., Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (alena.luiza@gmail.com)

Bulygina V.G., PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Head of Psychological problems of forensic-psychiatric prevention laboratory, Serbsky Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health (ver210@yandex.ru)

The article examines the characteristics of emotional intelligence and interfamily emotional communication for persons who have committed socially dangerous sexual acts. The sample included 82 male subjects. The experimental group consisted of 27 people undergoing compulsory treatment in Orel specialized psychiatric hospital and 25 mentally ill persons without criminal history undergoing treatment in the psychoneurological hospital, department of day care. The control group included 30 men, never held criminally liable, mentally healthy. Methodical complex includes two units: 1) study of emotional intelligence (Bulygin, Makurin, 2009; Bulygin, 2014); 2) study of family sphere (Bulygin, Parahoni, 2014).

We hypothesized that: 1) patients with disorders of sexual preference has lower indicators of emotional intelligence in comparison with normal; 2) there are specific differences in the process of identifying the emotions between mentally ill persons with criminal history and without it; 3) individuals with disorders of sexual preference who have committed socially dangerous sexual acts have negative attitudes to the displaying of emotion in the parent family. The study identified specific violations of emotional intelligence in people with mental disorders of different nosology, committed and not committed socially dangerous sexual acts. The latter have special peculiarities of parent families.

Keywords: emotional intelligence, emotions, interfamily emotional communication, parent family, mental disorder.

References

1. *Andreeva I.N.* Predposylki razvitija jemocional'nogo intellekta // *Voprosy psihologii.* 2007. № 5. S. 57–65.
2. *Berezancev A.Ju., Kuznecov D.A.* Kliniko-social'nye i nejrobiologicheskie aspekty ocenki obshhestvennoj opasnosti bol'nyh s shizofreniej i organicheskimi psihicheskimi rasstrojstvami // *Nevrologija, nejropsihologija, psihosomatika.* 2012. №4. S. 62–66.
3. *Dvorjanchikov N.V., Demidova L.Ju.* Kognitivnaja i affektivnaja sostavljajushhie mezhlichnostnogo vzaimodejstvija u lic s anomal'nym seksual'nym povedeniem // *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie.* 2014. №1. S. 323–324.
4. *Dvorjanchikov N.V., Ilenko A.A., Enikolopov S.N.* Osobennosti jemocional'nogo vosprijatija u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem // *Seksologija i seksopatologija.* 2003. № 4. S. 17–23.
5. *Dmitrieva T.B., Antonjan Ju.M., Gorinov V.V., Shostakovich B.V.* Psihopatologicheskie i kriminologicheskie aspekty agressivnogo povedenija lic s psihicheskimi rasstrojstvami // *Rossijskij psichiatricheskij zhurnal.* 1999. № 4. S. 4–9.
6. *Kritskaja V.P., Meleshko T.K., Poljakov Ju.F.* Patologija psihicheskoy dejatel'nosti pri shizofrenii: motivacija, obshhenie, poznanie. M: MGU, 1991. 256s.
7. Osnovnye statisticheskie dannye o dejatel'nosti organov prokuratury [Elektronnyj resurs] // sajt GP RF. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/>. (data obrashhenija: 20.04.2015)
8. *Radchenko N.A.* Kliniko-social'naja harakteristika i sudebno-psichiatricheskaja ocenka lic, sovershivshih protivopravnye seksual'nye dejstvija v otnoshenii nesovershennoletnih: dis.... kand. med. nauk / N.A. Radchenko. – Moskva, 2003. – 270 s
9. *Simonov P.V.* Jemocional'nyj mozg. M.: Nauka, 1981. 215 s.
10. *Starovich Z.* Sudebnaja seksologija: per. s pol'sk. M.: Juridicheskaja literatura, 1991. 336 s
11. *Tkachenko A.A.* Granicy seksual'noj normy i sovremennye klassifikacii narushenij psihoseksual'nyh orientacij // *Anomal'noe seksual'noe povedenie /* Pod red. A.A. Tkachenko. M., 1997. 426 s.
12. *Holmogorova A.B., Volikova S.V.* Semejnye istochniki negativnyh kognitivnyh shem pri jemocional'nyh rasstrojstvah (na primere trevozhnyh, depressivnyh i

somatoformnyh rasstrojstv) // Moskovskij psihoterapevticheskiy zhurnal. 2001. №4. S. 49–60.

13. *Kohler C., Travis H., Turner B.S. et al.* Facial Emotion Recognition in Schizophrenia: Intensity effect and error pattern // Am J. Psychiatry. 2003. № 160. P. 1768–1774.

Психологические факторы риска социальной дезадаптации и защитные факторы у женщин, зависимых от алкоголя

Плешакова Е.А., студент факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (jeni93@bk.ru)

Иващук Н.В., студент факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (nina-iv-93@yandex.ru)

Макурина А.П., научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (anya-plyakina@yandex.ru)

В статье проводится анализ психологических особенностей лиц женского пола, зависимых от алкоголя, включая особенности субъективного психологического симптоматического статуса, психологического благополучия, мотивации социальной желательности и самооценки. Проверялась гипотеза о том, что: 1) у женщин, зависимых от алкоголя, менее выражена мотивация социальной желательности и более выражены субъективно воспринимаемые симптомы, чем у женщин из группы нормы; 2) женщины, зависимые от алкоголя имеют более низкие показатели благополучия, самооценки и уровня притязаний, чем женщины из группы условной нормы. Экспериментальная группа состояла из 46 женщин (средний возраст 45 лет), зависимых от алкоголя. Группу сравнения составили 33 женщины с нормосообразным поведением, не зависимые от алкоголя (средний возраст составил 33 года). Было выявлено, что статистически значимый вклад в отнесение женщин в группу зависимых от алкоголя, вносят: низкий уровень самоуважения, высокий уровень тревожности, низкие показатели реальной самооценки относительно успеха в делах, силы воли и психического здоровья, низкий уровень идеальной самооценки относительно счастья и ума, достижимой самооценки относительно счастья и внешней привлекательности, средний уровень базового компонента благополучия – личностного роста.

Ключевые слова: женский алкоголизм, субъективные оценки, благополучие, самооценка, социальная желательность.

Для цитаты:

Плешакова Е.А., Иващук Н.В., Макурина А.П. Психологические факторы риска социальной дезадаптации и защитные факторы у женщин, зависимых от алкоголя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Pleshakova_et_al.phtml (дата обращения: ...)

дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100206

For citation:

Pleshakova E.A., Ivashuk N.V., Makurina A.P. Psychological risk factors of social maladjustment and protective factors in alcohol-dependent women [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Pleshakova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100206

Вследствие экономического развития общества и изменения гендерных ролей неуклонно растет число женщин, страдающих алкогольной зависимостью [3]. Несомненно, количество мужчин, злоупотребляющих спиртными напитками, существенно превышает количество женщин, страдающих алкоголизмом, однако в последнее время наблюдается тенденция роста доли женщин, страдающих алкоголизмом (в среднем на 2% в год).

Положительная динамика распространения женского алкоголизма, помимо общего негативного влияния на здоровье общества, подрывает генофонд нашей страны [1].

Проблема зависимости выходит за рамки медицинских наук и связана с широким кругом психологических факторов. В качестве одной из основных особенностей женской алкогольной зависимости выделяется большое влияние аффективных нарушений на формирование данного заболевания [2]. Изучение переменных субъективного плана и психологических факторов риска дезадаптации является важной научно-практической задачей, решение которой будет способствовать повышению эффективности психопрофилактических мероприятий в отношении такой категории пациентов.

Целью исследования было изучение психологических факторов риска социальной дезадаптации и защитных факторов у женщин, зависимых от алкоголя.

Решались следующие задачи.

1. Выделение особенностей субъективного психологического симптоматического статуса, психологического благополучия, социальной желательности и самооценки у женщин, зависимых от алкоголя;
2. Определение особенностей взаимосвязи субъективных оценок между переменными, отражающими психологический симптоматический статус, социальную желательность, психологическое благополучие и самооценку;
3. Выделение психологических переменных, являющихся факторами риска социальной дезадаптации и защитными факторами у женщин, зависимых от алкоголя.

Проверялись следующие гипотезы исследования: 1) у женщин, зависимых от алкоголя, менее выражена мотивация социальной желательности и более выражены субъективно воспринимаемые симптомы, чем у женщин из группы нормы; 2)

женщины, зависимые от алкоголя имеют более низкие показатели благополучия, самооценки и уровня притязаний, чем женщины из группы условной нормы.

Исследование проводилось в 28 отделении Наркологической клинической больницы №17 Департамента здравоохранения г. Москвы. Экспериментальная группа состояла из 46 женщин, зависимых от алкоголя, со средним возрастом 45 лет. Группу сравнения составили 33 женщины с нормосообразным поведением, не зависимые от алкоголя, чей средний возраст составил 33 года. Процедура исследования носила индивидуальный характер.

Методический комплекс состоял из следующих диагностических инструментов.

1. Опросник социальной желательности (BIDR, 1988, в адаптации Е.Н. Осина, 2007). Целью данной методики является исследование влияния социальной желательности ответов при психологическом дистрессе.

2. SCL-90 (Опросник выраженности психопатологической симптоматики). Данная методика является инструментом для определения актуального психологического симптоматического статуса. В ней выделяются следующие шкалы: «соматизация», «обсессивность-компульсивность», «межличностная тревожность», «депрессивность», «тревожность», «враждебность», «фобии», «паранойальность», «психотизм» и «дополнительные вопросы» [3].

3. PWB (Psychological Well-Being) (Carol D. Ryff, Corey Lee M. Keyes, 1989, в адаптации Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П., 2005), направленный на выявление особенностей психологического благополучия. В опроснике выделяются следующие шкалы: «позитивные отношения с другими», «автономность», «компетентность», «личностный рост», «цели в жизни», «самопринятие».

4. Методика «Самооценка» (модифицированный вариант Дембо-Рубинштейн), направленная на измерение уровня реальной, идеальной и достижимой самооценки по шкалам: «ум», «физическое здоровье», «психическое здоровье», «счастье», «красота», «успех в делах», «успех у мужчин», «сильная воля», «самоуважение», «уважение других».

5. Проверочный лист отношения к лечению и пребыванию в стационаре (Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н., 2011). Данная методика предназначена для определения субъективных оценок психически больных, находящихся на стационарном лечении и их установок в отношении лечения. Включает следующие блоки: отношение к лечению, отношение к пребыванию в стационаре, отношения с врачом и персоналом, отношения доверия между врачом и пациентом, отношения с другими пациентами, атрибуция изменений клинического состояния.

Также был проведен анализ защитных факторов (Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А., Макушикина О.А., и др., 2014) и факторов риска социальной дезадаптации и криминализации (HCR-20, Webster, 1997).

Результаты исследования.

Была обнаружена равная зависимость от социальной желательности в ответах женщин с алкогольной зависимостью и женщин, составляющих группу

условной нормы (рис. 1). Исследуемые обеих групп в равной степени используют механизмы защитного отрицания, самообман и стремятся произвести впечатление.

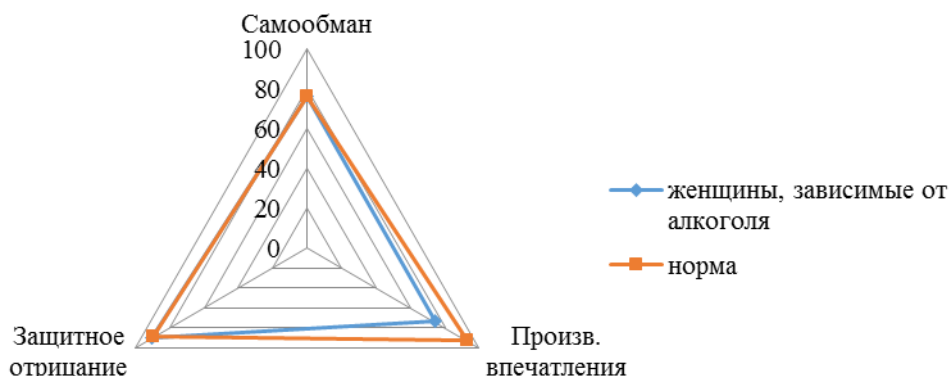

Рис. 1. Сравнение средних результатов методики BDR

Женщины, зависимые от алкоголя, чаще, чем женщины исследуемой группы условной нормы, отмечают наличие мыслей, импульсов и действий, переживающихся как непрерывные, непреодолимые, чуждые собственному Я, испытывают чувство личностной неадекватности и неполноценности при сравнении себя с другими людьми. Они отмечают дискомфорт, возникающий в процессе межличностного взаимодействия, негативные ожидания в процессе коммуникации с другими людьми. В большей мере, чем женщины из группы условной нормы, испытывают симптомы дисфории и аффекта, признаки отсутствия интереса к жизни, недостатка мотивации и потери жизненной энергии, чувство безнадежности, мысли о суициде и другие когнитивные и соматические корреляты депрессии. Женщины, зависимые от алкоголя в гораздо большей мере, испытывают нервозность, напряжение, дрожь, приступы паники, ощущение насилия, а также чувство опасности, некоторые соматические корреляты тревожности, стойкие и неадекватные ситуации реакции страха, дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции. Чаще, чем лица из группы условной нормы отмечают у себя мысли, чувства или действия, которые являются проявлениями негативного аффективного состояния злости. Для них более характерен страх потери независимости, враждебность, подозрительность, избегающий стиль жизни.

Дескриптивный анализ данных по методике психологического благополучия выявил что женщины, зависимые от алкоголя, обладают меньшим контролем над окружением, низкими самопринятием и позитивным отношением к другим. Однако женщины с алкоголизмом также обладают некоторой независимостью и способностью к самоопределению, способны противостоять социальному давлению, оценивать себя, исходя из личных стандартов, имеют чувство направленности и цели в жизни.

Женщины из группы условной нормы имеют более высокую реальную (рис. 2), идеальную (рис. 3) и достижимую (рис. 4) самооценку, чем женщины с алкогольной зависимостью.

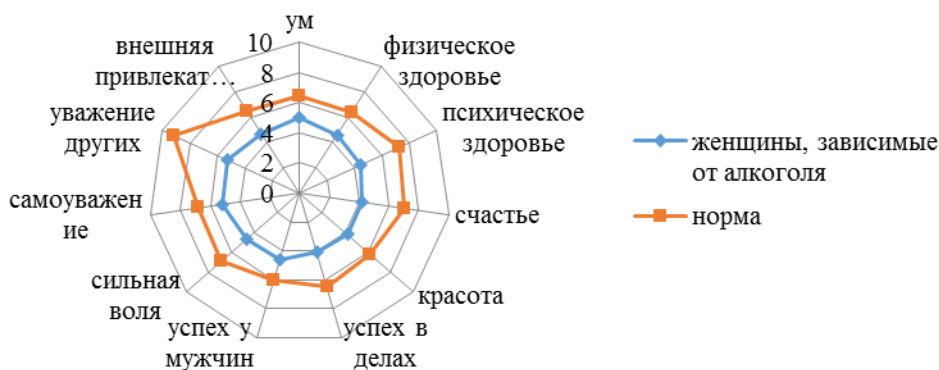

Рис.2. Сравнение средних значений реальной самооценки

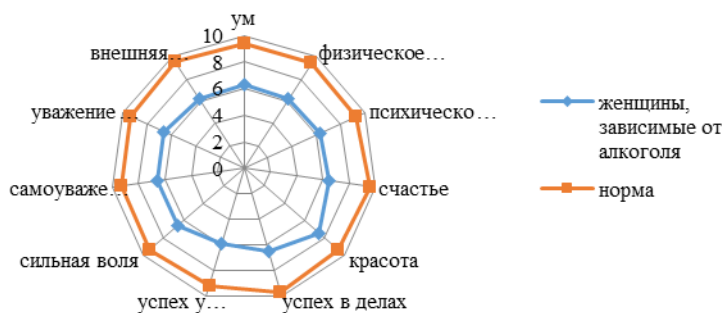

Рис. 3. Сравнение средних значений идеальной самооценки

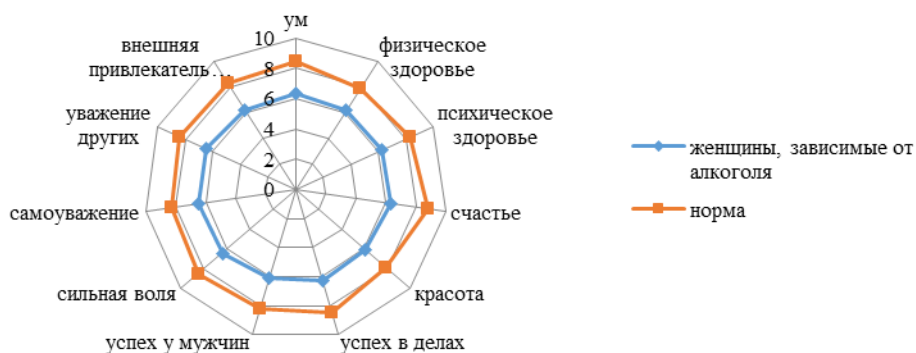

Рис. 4. Сравнение средних значений достижимой самооценки

В обеих исследованных группах положительные корреляции прежде всего наблюдаются между субъективными оценками имеющейся симптоматики. В группе женщин, зависимых от алкоголя, отмечается следующая тенденция: чем больше

выражены субъективно отмечаемые симптомы, тем ниже показатели реальной самооценки относительно психического здоровья, счастья и успеха в делах. Кроме того, исследуемые, отмечающие у себя мысли, чувства или действия, являющиеся проявлениями негативного аффективного состояния злости, имеют пониженный уровень контроля над окружением (рис. 5).

В группе условной нормы обнаружена связь между субъективными оценками симптоматики и социальной желательностью. Чем более выражена симптоматика, тем сильнее человек стремится произвести впечатление на окружающих и меньше использует механизм защитного отрицания (рис. 6).

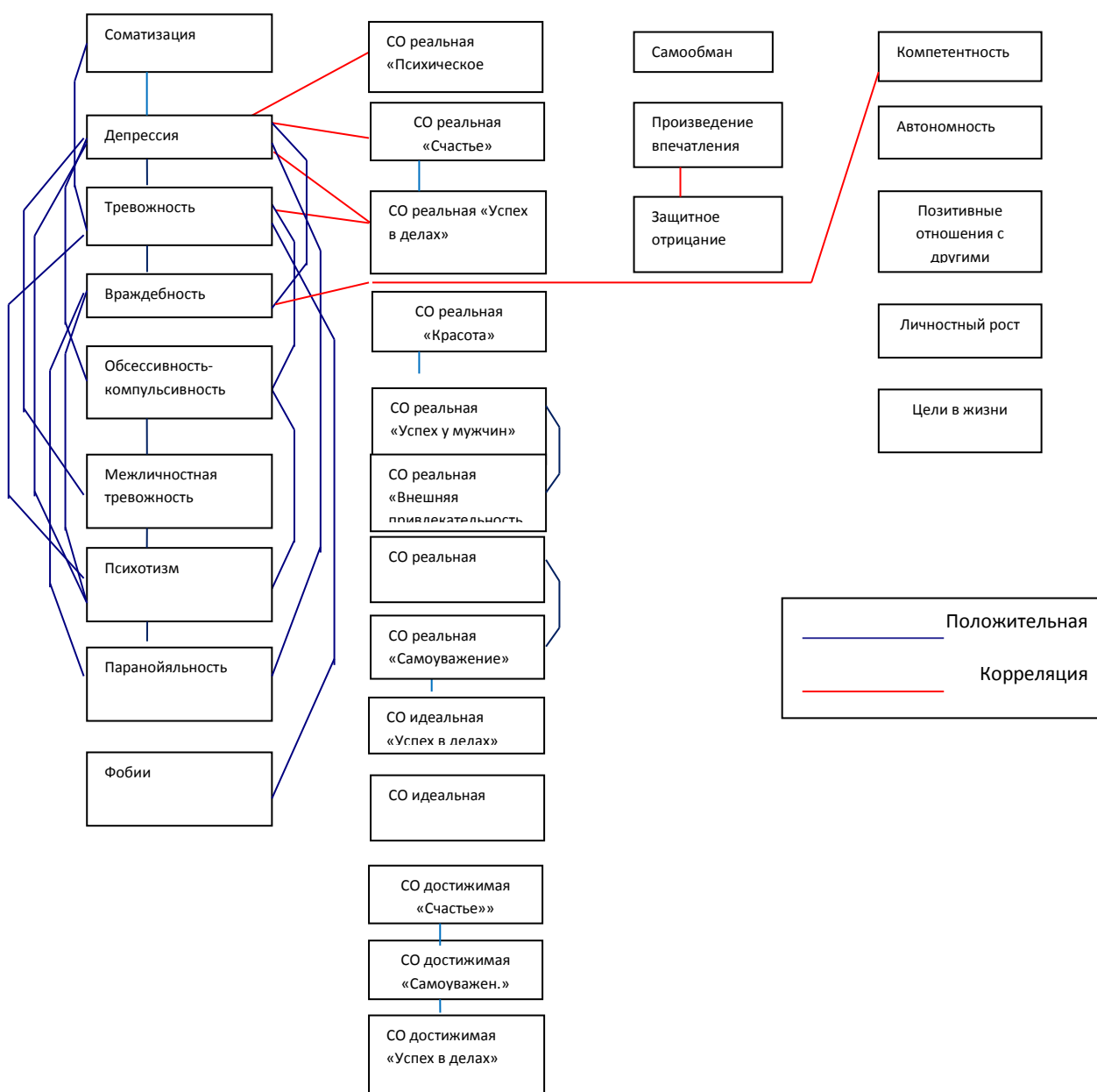

Рис. 5. Схема корреляционных связей между изучаемыми переменными в группе женщин с алкогольной зависимостью

В группе женщин, зависимых от алкоголя, симптоматика связана с самооценкой, а в группе нормы – с мотивацией социальной желательности, представленной шкалами «самообман», «произведение впечатления», «защитное отрицание» (BIDR, 1988).

Анализ субъективных оценок и установок в отношении лечения при помощи методики «Проверочный лист отношений к лечению и пребыванию в стационаре». По результатам методики выявлено следующее: у женщин, зависимых от алкоголя, 21,7 % случаев возникновения конфликтов с врачом случаются по той причине, что, по словам исследуемых, врач не понимает их проблем. При этом 19,53% считают, что врач симпатизирует им.

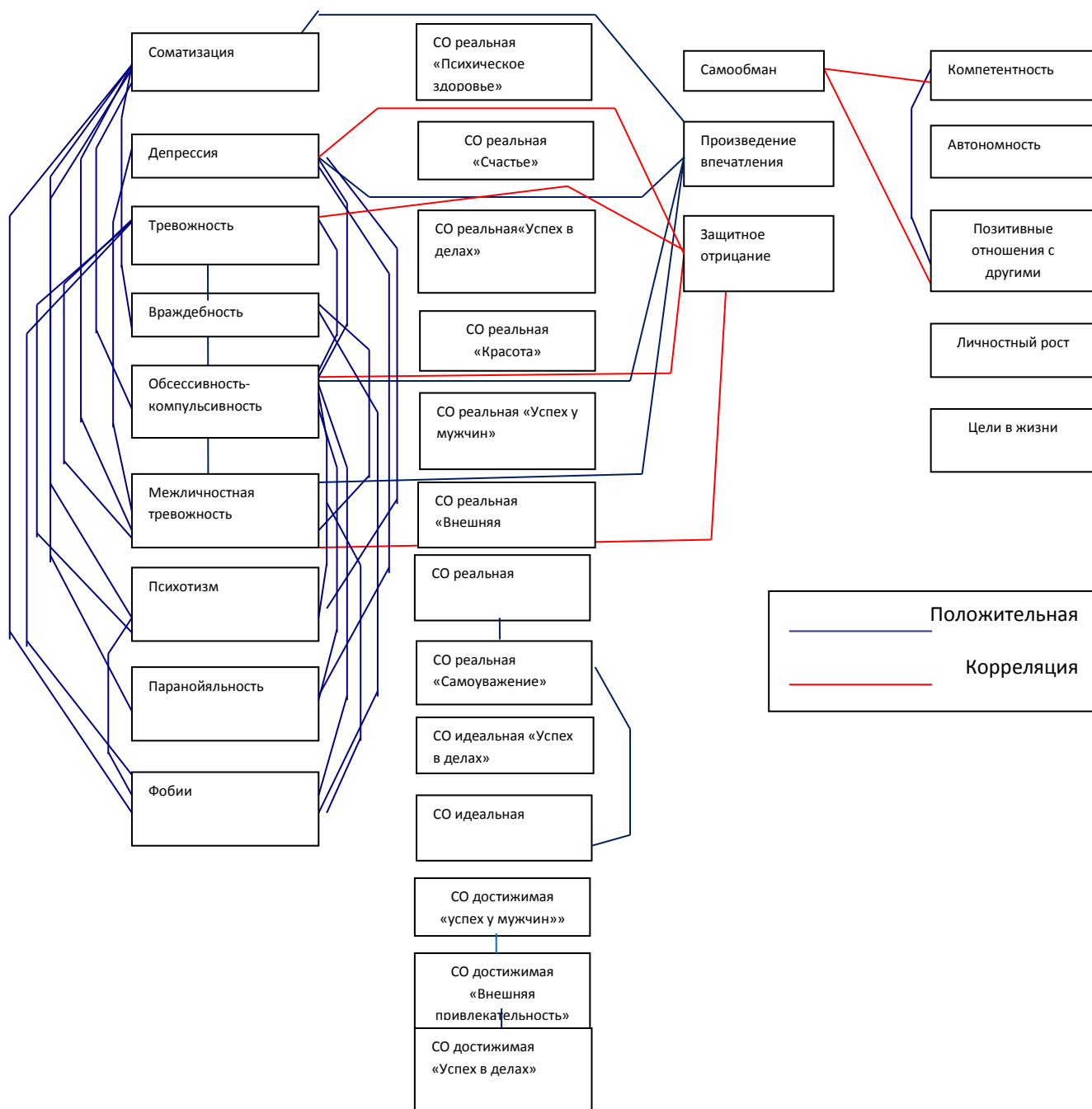

Рис. 6. Схема корреляционных связей между изучаемыми переменными в группе нормы

Ухудшение состояния первыми сами замечают 80,29% женщин, страдающих от алкоголизма и в 4,34% случаев – врач. Опрошенные, которые больше всего доверяют сами себе, составляют 47,74%, при этом, 45,57% доверяют врачу.

У женщин, находящихся в больнице, настроение улучшается в 41,23% случаев после новостей из дома, 21,7% опрошенных говорят, что у них настроение улучшается без всякой причины, в 19,53% случаев – после беседы с врачом. У 30,38% женщин настроение может ухудшиться из-за плохого самочувствия, у 26,04% – из-за отсутствия новостей из дома. 30,38% больных преодолевают страхи о том, что будет с

ними после выписки из больницы. 15,19% волнует, что их будут осуждать окружающие.

Больше 70% опрошенных заявили о том, что у них не возникают конфликты с соседями по палате. У 8,68% не складываются отношения из-за того, что они отстаивают справедливость. 28,21% отметили, что у них сложились отношения с соседями по палате в связи с тем, что они помогают соседям в случае просьб и что они хорошие люди.

49,91% женщин объяснили появление у них агрессии тем, что с ними грубо разговаривают и 8,68% – тем, что они плохо себя чувствуют. 52,08% пытаются справиться самостоятельно с приступами злости, 10,85% – ничего не делают.

Больше половины опрошенных довольны лечением поскольку улучшилось их самочувствие, 23,87% больных доверяют своему врачу. 17,36% считают, что пребывание в стационаре пошло им на пользу, так как они стали разбираться в своих проблемах и стали лучше понимать жизнь. И только 6,51% считают, что им не помогает лечение и 15,19% опрошенных боятся привыкания к препаратам.

В результате проведения регрессионного анализа было выявлено, что статистически значимый вклад в отнесение женщин в группу зависимых от алкоголя, вносят следующие переменные: низкий уровень самоуважения, повышенная тревожность, низкая реальная самооценка относительно успеха в делах, силы воли и психического здоровья, средний уровень идеальной самооценки относительно счастья и ума, средние показатели достижимой самооценки относительно счастья и внешней привлекательности, средний уровень базового компонента благополучия – личностного роста (рис. 7).

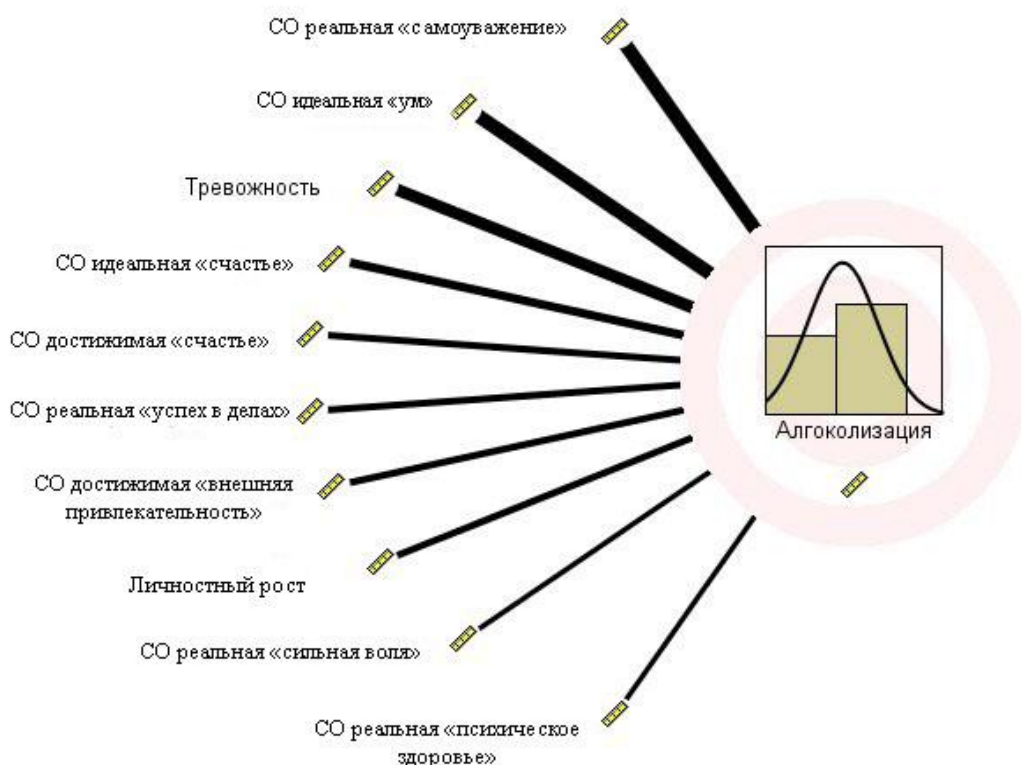

Рис. 7. Автоматизированная линейная модель вероятности возникновения алкоголизма у женщин в зависимости от субъективного психологического симптоматического статуса, психологического благополучия, социальной желательности и самооценки

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие *выводы*.

Универсальной характеристикой мотивации социальной желательности у лиц женского пола является представленность в равной степени защитного отрицания, самообмана и стремления произвести впечатление.

У женщин, зависимых от алкоголя, выявлен высокий уровень депрессии, для них характерно чувство беспокойства, трудности следования своим планам, одиночество, скука, посещение мест, где могут возникнуть проблемы, связь с дурной компанией, совершение поступков под влиянием момента, проблема употребления излишнего количества алкоголя.

Женщин с алкогольной зависимостью отличают следующие характеристики: низкий уровень самоуважения, повышенная тревожность, низкая реальная самооценка, средний уровень базового компонента благополучия – личностного роста, средний уровень достижимой и идеальной самооценки.

У женщин, зависимых от алкоголя, в актуальном психологическом симптоматическом статусе более выражена соматизация, тревожность, межличностная тревожность, обсессивность-компульсивность, депрессивность, враждебность, фобии, паранойяльность и психотизм.

Женщины, зависимые от алкоголя имеют более низкие показатели базовых компонентов благополучия, таких как автономность, контроль над окружением, личностный рост, цели в жизни, самопринятие.

Литература

1. *Березин С.В., Луецкий К.С.* Наркомания глазами семейного психолога: учеб. пособие для вузов. СПб.: Речь, 2005. 240 с.
2. *Ерышев О.Ф., Спринц А.М.* Психиатрия. СПб.: СпецЛит, 2008. 383 с.
3. *Prinz U., Nutzinger D.O, Schulz H.* Comparative psychometric analyses of the SCL-90-R and its short versions in patients with affective disorders // BMC Psychiatry. 2013. №3. С. 96–105.
4. *Wilsnack R.W., Wilsnack S.C.* Gender and alcohol: consumption and consequences // Alcohol: Science, Policy and Public Health. 2013. №3. С. 153–160.

Psychological risk factors of social maladjustment and protective factors in alcohol-dependent women

Pleshakova E.A., Student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (*jeni93@bk.ru*)

Ivashchuk N.V., Student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (*nina-iv-93@yandex.ru*)

Makurina A.P., Research Associate, laboratory of psychological problems of judicial psychiatric preventive treatment, Serbsky Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction of the Ministry (*anya-plyakina@yandex.ru*)

The paper analyzes the psychological characteristics of alcohol-dependent women, including the particularities of subjective psychological symptomatic status, psychological well-being, motivation, social desirability and self-esteem. We tested the hypothesis that: 1) alcohol-dependent women expressed less motivation of social desirability and expressed more subjectively perceived symptoms in comparison with normal; 2) alcohol-dependent women have lower levels of well-being, self-esteem and level of aspiration in comparison with the conventional norm. The experimental group consisted of 46 women (mean age 45 years) who are dependent on alcohol. The comparison group included 33 women with normal behavior who are not dependent on alcohol (the average age 33 years). We have found that a statistically significant contribution to the classification of women in a group of alcohol-dependent is made by low self-esteem, high levels of anxiety, low real self-evaluation of their success in business, willpower and mental health, low ideal self-evaluation in terms of the happiness and mind, achievable self-evaluation in terms of the happiness and visual attractiveness, the average level of the personal growth as basic component of well-being.

Keywords: female alcoholism, subjective evaluation, well-being, self-esteem, social desirability.

References

1. *Berezin S.V., Liseckij K.S.* Narkomanija glazami semejnogo psihologa: ucheb. posobie dlja vuzov. SPb.: Rech', 2005. 240 s.
2. *Eryshev O.F., Sprinc A.M.* Psihiatrija. SPb.: SpecLit, 2008. 383 s.
3. *Prinz U., Nutzinger D.O., Schulz H.* Comparative psychometric analyses of the SCL-90-R and its short versions in patients with affective disorders // BMC Psychiatry. 2013. №3. С. 96–105.

4. *Wilsnack R.W., Wilsnack S.C.* Gender and alcohol: consumption and consequences // *Alcohol: Science, Policy and Public Health*. 2013. №3. С. 153–160.

Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения

Гагина О.В., заведующая экспертным отделом, «федеральное бюджетное учреждение Брянская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (ФБУ Брянская ЛСЭ Минюста России) (brlse@yandex.ru)

Кузнецов В.О., кандидат филологических наук, заведующий экспертным отделом, «федеральное бюджетное учреждение Брянская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (ФБУ Брянская ЛСЭ Минюста России) (brlse@yandex.ru)

Секераж Т.Н., кандидат юридических наук, заведующая лабораторией судебной психологической и лингвистической экспертизы, федеральное бюджетное учреждение «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России) (sekerazh@sudexpert.ru)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с одним из актуальных направлений – исследованием видеозаписей следственных действий с целью установления достоверности показаний, индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого и его эмоционального состояния, психологического воздействия на допрашиваемого. Данные проблемы большей частью вызваны отсутствием единого научно обоснованного методического подхода и недостаточной разработанностью применяемых в настоящее время подходов. В статье предложен принципиально новый научно обоснованный психолого-лингвистический подход к исследованию видеозаписей следственных действий, включающий анализ голоса и звучащей речи, лингвистический анализ сказанного (со-держания речи и формы выражения) и психологический анализ. Рассмотрены уголовно-правовое значение экспертизы видеозаписи допроса с применением данного подхода (определяется большей частью необходимостью установления следствием допустимости доказательства), предмет, объект, задачи экспертизы. На основе лингвистической и психологической классификаций вопросов операционализировано экспертное понятие «наводящий вопрос».

Ключевые слова: исследование видеозаписей следственных действий, психолого-лингвистическая экспертиза, допустимость доказательств, наводящие вопросы.

Для цитаты:

Гагина О.В., Кузнецов В.О., Секераж Т.Н. Психолого-лингвистическое исследование

видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Gagina_et_al.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100207

For citation:

Gagina O.V., Kuznetsov O.V., Sekerazh T.N., Psycho-linguistic study of interrogation videos: problems and possible solutions [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Gagina_et_al.phtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100207

Одним из востребованных сегодня направлений экспертных исследований является исследование видеозаписей следственных действий (допроса, проверки показаний на месте и др.) с целью установления достоверности («правдивости») показаний, индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого (его склонности к фантазированию, повышенной внушаемости и др.) и его эмоционального состояния, психологического воздействия на допрашиваемого.

Анализ экспертной практики судебно-экспертных учреждений системы Минюста России, заключений негосударственных экспертов (попавших в наше поле зрения в связи с назначением повторных экспертиз либо обращением судей и представителей следственных органов за помощью в оценке заключений) по данному направлению показал, что в целях получения значимой информации по делу назначаются экспертизы разных видов: 1) видеовокалографическая или психолого-вокалографическая; 2) психологическая; 3) психолого-правовая и другие. На первый план выходят две проблемы: достоверность показаний и психологическое воздействие со стороны допрашивающего лица, для чего считается необходимым применение специальных знаний в области психологии.

Перед экспертами чаще других ставятся вопросы о наличии признаков: оказываемого на допрашиваемого психологического давления, внушения; заученности, фантазирования, которые могли бы свидетельствовать о недобровольности либо несамостоятельности дачи показаний; психологической достоверности показаний; скрываемых обстоятельств и конструирования ложных сообщений, а также вопросы об источнике информации, «характере припоминания информации» (естественном/неестественном) и др.

Желание разобраться в дискуссионном сегодня вопросе о том, имеет ли психологическое исследование видеозаписи допроса право на существование, может ли такое исследование быть проведено на строгой научной основе, вызвано сложившейся порочной практикой – исследованиями и судебными экспертизами, которые проводятся вразрез с действующим законодательством. Часто делаются неправомерные выводы, выходящие за пределы компетенции эксперта, его специальных знаний (нарушается как гносеологический, так и юридический пределы компетенции эксперта) [16]. Оценка показаний (с точки зрения относимости, допустимости, достоверности), согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, является преимущественным правом лиц, ведущих следствие (предварительное, судебное). В

компетенцию эксперта (любой специальности) не может входить установление достоверности показаний, а также мотивации дачи показаний, заведомой лжи, оговора, самооговора, добросовестного заблуждения [15].

Сегодня ситуация в области исследования содержания аудио- и видеозаписей оперативных и следственных действий характеризуется целым рядом теоретических и методологических проблем, связанных с пониманием предмета, объекта, задач и технологии их решения, критериев экспертной оценки, т.е. отсутствием единого научно обоснованного методического подхода и недостаточной разработанностью применяемых подходов.

Одной из проблем, решение которой имеет юридическое значение, является воздействие на лицо, дающее показания (допрашиваемого).

С точки зрения тактики следственных действий¹, психологии допроса², воздействие допрашивающего на допрашиваемого осуществляется всегда (оно является составной частью тактики допроса), четкое экспертное наполнение альтернативного понятия «негативное психологическое воздействие» отсутствует, а анализ деятельности допрашивающего (следователя) не входит в компетенцию эксперта. В связи с этим участниками процесса могут предъявляться обоснованные претензии к заключению эксперта при выполнении его в таком ключе [4].

Показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля являются доказательством по делу (ст. 74 УПК РФ). Те доказательства, которые получены с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми (ст. 75 УПК РФ). Получение показаний о любых обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию по делу, осуществляется в процессе допроса. Принуждение к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, в том числе соединенное с применением насилия, издевательств или пытки, запрещено (ст. 302 УК РФ). В соответствии со ст. 21 Конституции России никто не может подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Существуют законодательно закрепленные правила проведения допроса, согласно которым следователь свободен при выборе тактики допроса, но не имеет права задавать наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Показания, данные по поводу важных для дела обстоятельств, являются объектом следственного анализа и оценки. Основная цель такого анализа – установление достоверности/недостоверности показаний (в целом либо их части), исключение оговора или самооговора, установление факта сокрытия информации. Таким образом, уголовно-правовое значение экспертизы видеозаписи допроса определяется необходимостью установления следствием допустимости доказательства, в том числе с помощью исключения влияния допрашивающего лица

¹ См., например: [1].

² См., например: [5; 6; 11; 12; 13; 18; 21].

на содержание показаний; исключение у допрашиваемого эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на содержание показаний; исключение психологического воздействия, которое могло оказать существенное влияние на содержание показаний.

Потребность в применении специальных знаний, на наш взгляд, может возникнуть в следующих случаях.

1. Допрашиваемый заявляет, что показания даны им не самостоятельно, а под воздействием следователя (допрашивающего) («Подсказывали ответы, задавали наводящие вопросы, чтобы получить нужную следствию информацию, на самом деле он изначально показывал совершенно иное»).

2. Допрашиваемый заявляет, что показания даны им под давлением (принуждением), на самом деле он о случившемся ничего не знает либо знает совершенно иное.

3. У следствия имеются сомнения в достоверности показаний, причины предполагать оговор или самооговор (признаки несамостоятельности формирования показаний).

4. В деле имеются противоречащие друг другу показания допрашиваемого либо показания, допрашиваемого противоречат другим доказательствам по делу.

Основными внешними факторами, влияющими на содержание показаний, являются: 1) содержательное речевое воздействие допрашивающего: наводящий вопрос (вопрос, в котором как в прямой, так и в завуалированной, скрытой форме содержится конкретный, определенный ответ на поставленный вопрос или очерчен вариант такого ответа [10]); 2) психологическое воздействие (угроза, шантаж и др.); 3) физическое воздействие (насилие, истязания, пытки).

Психологическое и физическое воздействие может быть осуществлено как непосредственно во время допроса (иного следственного действия), зафиксированного на видеозаписи, так и предшествовать ему. При исследовании видеозаписи могут быть установлены признаки психологического воздействия, оказываемого непосредственно при допросе, и признаки, которые могут косвенно свидетельствовать об оказании воздействия ранее (например, необычное психофизиологическое, эмоциональное состояние, особенности речи – оговорки и др.).

Основные задачи заключаются в установлении наличия/отсутствия: 1) наводящих вопросов со стороны допрашивающего и 2) признаков психологического воздействия на допрашиваемого. В настоящее время оправдывает себя комплексный психолого-лингвистический подход к исследованию. Исследование должно включать анализ голоса и звучащей речи, лингвистический анализ сказанного (содержания речи и формы выражения), психологический анализ [4]. Такой подход позволяет установить:

- дословное содержание фонограммы допроса с отражением пауз, заполнения этих пауз, повторов слов, слогов или целых фраз, речевых сбоев, протяженностей гласных и других особенностей звучащей речи;
- степень подготовленности (в том числе заученности) речи допрашиваемого;
- наличие/отсутствие в показаниях признаков влияния извне на их содержание, в том числе с учетом невербальных характеристик поведения всех коммуникантов;
- особенности эмоционального состояния допрашиваемого в период проведения следственного (оперативного) действия как по видеозаписи (на основе оценки вербальных и невербальных показателей), так и с помощью ретроспективной оценки эмоционального состояния по материалам дела и по результатам очного обследования (при возможности такового);
- индивидуально-психологические особенности допрашиваемого.

Объектом исследования является коммуникативная деятельность участников оперативного или следственного действия, зафиксированного на аудио-, видеозаписи, эмоциональное состояние допрашиваемого (опрашиваемого) в процессе коммуникации, предметом – особенности коммуникативной деятельности участников оперативного или следственного действия, зафиксированного на аудио-, видеозаписи (в том числе особенности устной речи, вербального и невербального поведения), и особенности эмоционального состояния допрашиваемого (опрашиваемого) в процессе коммуникации.

Разработка экспертных понятий была нами начата с понятия «наводящие вопросы», которое используется в законе, в связи с чем требует своей операционализации. В лингвистике понятие «наводящие вопросы» соотносится с классификацией вопросов с точки зрения выражения в вопросе неизвестного (т.е. вводимого в вопрос объема информации о неизвестном) [2, с. 397–401]. Неизвестное в данном случае – это та информация, которая запрашивается в вопросе, ее варианты (альтернативы).

Существуют следующие типы вопросов с точки зрения выражения неизвестного в них:

1) вопрос, в котором все неизвестные одинаково вероятны – информация о неизвестном в самом вопросе отсутствует. В данном вопросе используются местоименные (вопросительные) слова: «когда», «куда», «где», «сколько» и т.п. (грамматически эти вопросы соотносятся с частными/специальными вопросами).

2) вопрос, в котором одинаково вероятно наличие/отсутствие действия, состояния, признака – в сам вопрос введена информация о неизвестном, однако в небольшом объеме. Данный вопрос представляет собой чаще всего предложение без местоименного слова, в котором неизвестное названо словом с взаимоисключающим противопоставлением и выделено центром ИК–3 (третьей

интонационной конструкции)³, в таком вопросе противопоставлены два неизвестных, из которых одно исключает другое: «Вы были там?» (были или не были?) (грамматически эти вопросы соотносятся с общими и альтернативными вопросами).

3) вопрос, в котором одно из неизвестных наиболее вероятно – в вопрос вводится большее количество информации о неизвестном по сравнению с предыдущим типом. Данный вопрос представляет собой чаще всего предложение без местоименного слова, в котором то, о чем спрашивается (и что наиболее вероятно), выражено словом с потенциальными тематическими связями и выделено интонационно: «Вы из Москвы?» В вопросе также может быть перечислен ряд неизвестных: «Вы из Москвы или Парижа, или Лондона?» (грамматически эти вопросы соотносятся с общими и альтернативными вопросами).

4) вопросы второго и третьего типов (грамматически общие и альтернативные вопросы), в которых объем информации о неизвестном увеличен с помощью дополнительных языковых средств:

- добавление различных утвердительных и отрицательных частиц (например: «да», «так», «так ведь», «не правда ли», «разве», «неужели», «значит» и т.д.);
- степень выраженности интонационного выделения (не соответствующая языковой норме) слова, указывающего на неизвестное в вопросе;
- совмещение вопроса с утверждением и др.

Наводящими в данном случае будут являться вопросы второго, третьего и четвертого типов, поскольку в них содержится ответ на поставленный вопрос разной степени конкретизации (от нескольких вариантов до единственного, в том числе с указанием на безальтернативность предлагаемого единственного варианта).

Психологически наводящий вопрос способен оказать влияние на ответ (содержание ответа) в зависимости от вводимого в вопрос объема информации о неизвестном. Чем меньшее количество информации о неизвестном присутствует в вопросе (представлено два и более варианта ответа), тем меньше степень его влияния на содержание ответной реплики. Большее количество информации о неизвестном в вопросе (представлен один ответ, в том числе с указанием на безальтернативность предлагаемого единственного варианта) потенциально обладает большей степенью такого влияния.

Психологическая классификация вопросов по степени выраженности влияния на содержание ответных реплик в соотнесении с лингвистической классификацией, приведенной выше, является следующей:

1) вопрос, свободный от влияния на ответ, поскольку не имеет никаких предписаний ни к форме, ни к содержанию – первый тип вопросов по лингвистической классификации;

³ Согласно типологии интонационных конструкций, разработанной Е.А. Брызгуновой [14].

2) вопрос, способный оказать влияние на ответ, поскольку предполагает выбор: а) одного из взаимоисключающих вариантов ответа при отсутствии навязывания (в том числе и невербального) того или иного варианта – второй тип вопросов по лингвистической классификации; б) одного наиболее вероятного ответа из множества, когда информация включена в вопрос, сужая и конкретизируя тем самым выбор варианта ответа – третий тип вопросов по лингвистической классификации.

3) вопрос, способный оказать максимальное влияние на ответ, поскольку выбор в нем максимально ограничен, вплоть до одного варианта из возможных – четвертый тип вопросов по лингвистической классификации.

Влияние на содержание ответа может достигаться как с помощью языковых средств, так и другими способами⁴, например:

- использованием в вопросе прямых или скрытых подсказок, например, использование вопросов, направленных на лицо, известное допрашиваемому, но имеющих в виду детали, т. е. направленных именно на выяснение этих деталей (например: «Как выглядел человек, севший за руль, на нем были перчатки?»);
- введением в вопрос в качестве очевидного того, о чем достоверно неизвестно (предположение подается как утверждение о факте);
- прерыванием уточняющими вопросами свободного рассказа и тем самым нарушением последовательности изложения, приданием рассказу иного направления, переключением внимания рассказчика;
- введением отрицательных конструкций, вызывающих негативные эмоции в отношении предмета речи и создающих определенную установку у допрашиваемого;
- употреблением частотных оценочных прилагательных типа белый–черный, молодой–старый, красивый–безобразный, вызывающих у дающего показания антонимическую ассоциацию, снижающую достоверность показаний;
- употреблением языковых средств (прежде всего частиц, показывающих желание говорящего найти подтверждение/опровержение своей мысли, получить положительный/отрицательный ответ и др.).

Исходя из этого, можно дать следующее экспертное определение понятия «наводящий вопрос». Это вопрос, в котором в том или ином объеме и виде (вербально/невербально) представлен вариант предполагаемого ответа, и который способен оказать влияние на содержание ответа в зависимости от объема введенной информации.

Результаты решения каждой задачи дают следователю, суду и другим участникам процесса информацию, на основе которой возможно оценить особенности проведения следственного действия, в том числе с точки зрения

⁴ См., например: [3; 9; 22].

применения неправомерного (недопустимого) воздействия на допрашиваемого, а также воздействия, которое существенно повлияло на содержание показаний; оценить способность допрашиваемого лица давать показания; оценить достоверность показаний. Предлагаемый подход к исследованию содержания аудио- и видеозаписей оперативных и следственных действий позволяет получать верифицируемые, воспроизводимые результаты и решать поставленные судебно-следственными органами задачи на научной основе, в пределах компетенции экспертов – лингвиста и психолога.

Эта работа не решает пока проблемы диагностики скрываемых обстоятельств по вербальным и невербальным особенностям речи и поведения, об актуальности и неразрешенности которой свидетельствует большое количество работ⁵ и которая, несомненно, требует своей судебно-психологической экспертной проработки.

Литература

1. *Белкин Р.С.* Тактика допроса // Е.М. Лившиц, Р.С. Белкин Тактика следственных действий. М.: «Новый Юрист», 1997.176 с.
2. *Брызгунова Е.А.* Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) // Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. Т. 2. С. 397–401.
3. *Гаврилова Н.И.* Влияние внушения на формирование свидетельских показаний. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1975. 12 с.
4. *Гагина О.В., Кузнецов В.О.* Исследование содержания аудио- и видеозаписей оперативных и следственных действий: современное состояние и перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 45–48.
5. *Глазырин Ф.В.* Психология следственных действий. Волгоград, 1983. 76 с.
6. *Гулевич О.А.* Психологические аспекты юриспруденции. М.: МПСИ, 2009. 512 с.
7. *Знаков В.В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9–16.
8. *Исследуем ложь: Теории, практика обнаружения / Под ред. М. Льюиса, К. Саарни.* СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 282 с.
9. *Леонтьев А.А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М.: Смысл, 2008. 272 с.

⁵ О психологических исследованиях см., например, обзор в [6], а также [7; 8; 17; 19 20].

-
10. Практика применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2013. 1069 с.
 11. Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М.: Юнити, 2001. 639 с.
 12. *Рашинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 1976. 352 с.
 13. *Рашинов А.Р., Адамов Ю.П.* Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний). М.: Юрлитинформ, 1976. 90 с.
 14. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005. 1496 с.
 15. *Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н.* Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) [Электронный ресурс] // Законность. 1992. № 2. С. 13–14.
 16. *Секераж Т.Н.* Экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 211–222.
 17. *Симоненко С.И.* Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 78–84.
 18. *Сорокотягин И.Н.* Правовая и юридическая психология (психология юриспруденции). Екатеринбург, УрГЮА, 2002. 356 с.
 19. *Фрай О.* Детекция лжи и обмана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 320 с.
 20. *Шаповалов В.А.* Методика определения психологических признаков достоверности/недостоверности показаний в юридической практике: метод. пособие. К.: Юрист, 2013. 178 с.
 21. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М.: Зерцало, 1998. 352 с.
 22. *Ямпольский А.Е.* Психология допроса подозреваемого. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978. 46 с.

Psycho-linguistic study of interrogation videos: problems and possible solutions

Gagina O.V., Head of the Expert Department, Federal Budget Institution Bryansk Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation (*brlse@yandex.ru*)

Kuznetsov V.O., PhD (Philology), Head of the Expert Department, Federal Budget Institution Bryansk Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation (*brlse@yandex.ru*)

Sekerazh T.N., PhD (Law), Head of the Laboratory of Forensic Psychological & Linguistic Expertise, Federal State Institution Russian Federal Forensic Center of the Ministry of Justice of the Russian Federation (*sekerazh@sudexpert.ru*)

The article examines the problems of studying the investigation video to establish credibility of the evidence, to specify emotional state, individual psychological characteristics and the psychological impact on the person being interrogated. These problems are mostly caused by the lack of a single scientifically-based methodological approach while currently used approaches are not developed sufficiently. We propose a fundamentally new scientifically-based psycho-linguistic approach to the study of investigation video, including the analysis of voice and sounding speech, linguistic analysis (the content and form of speech) and psychological analysis. We considered value, subject, object, and objectives of interrogation videos examination. Study of interrogation videos using the current approach is significant from the point of view of criminal law because of admissibility of evidence by the investigators. The expert concept of suggestive interrogate was operationalized on the basis of linguistic and psychological classifications.

Keywords: study of investigation videos, psycho-linguistic examination, admissibility of evidence, suggestive interrogate.

References

1. *Belkin R.S.* Taktika doprosa // E.M. Livshic, R.S. Belkin Taktika sledstvennyh dejstvij. M.: «Novyj Jurist», 1997.176 s.
2. *Bryzgunova E.A.* Sredstva vyrazhenija neizvestnogo v voprose (vzaimodejstvie leksiki, konteksta i intonacii) // Russkaja grammatika: nauchnye trudy: v 2 t. / Gl. red. N.Ju. Shvedova. M.: In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 2005. T. 2. S. 397–401.
3. *Gavrilova N.I.* Vlijanie vnushenija na formirovanie svidetel'skih pokazanij. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1975. 12 s.

4. *Gagina O.V., Kuznecov V.O.* Issledovanie soderzhaniya audio- i videozapisej operativnyh i sledstvennyh dejstvij: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya // *Teoriya i praktika sudebnoj jekspertizy*. 2014. № 1 (33). S. 45–48.
5. *Glazyrin F.V.* Psihologija sledstvennyh dejstvij. Volgograd, 1983. 76 s.
6. *Gulevich O.A.* Psihologicheskie aspekty jurisprudencii. M.: MPSI, 2009. 512 s.
7. *Znakov V.V.* Nepravda, lozh' i obman kak problemy psihologii ponimaniya // *Voprosy psihologii*. 1993. № 2. S. 9–16.
8. *Issleduem lozh': Teorii, praktika obnaruzhenija* / Pod red. M. L'juisa, K. Saarni. SPb.: Prajm-Evroznak, 2004. 282 s.
9. *Leontev A.A.* Prikladnaja psiholingvistika rechevogo obshhenija i massovoj kommunikacii / Pod red. A.S. Markosjan, D.A. Leont'eva, Ju.A. Sorokina. M.: Smysl, 2008. 272 s.
10. *Praktika primeneniya ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii. Aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki, rekomencii sudej Verhovnogo suda RF po primeneniju ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva na osnove novejshej sudebnoj praktiki* / Pod red. V.M. Lebedeva. M.: Jurajt, 2013. 1069 s.
11. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* / Pod red. A.M. Stoljarenko. M.: Juniti, 2001. 639 s.
12. *Ratinov A.R.* Sudebnaja psihologija dlja sledovatelej. M.: Jurlitinform, 1976. 352 s.
13. *Ratinov A.R., Adamov Ju.P.* Lzhesvidetel'stvo (proishozhdenie, predotvrashhenie i razoblachenie lozhnyh pokazanij). M.: Jurlitinform, 1976. 90 s.
14. *Russkaja grammatika: nauchnye trudy: v 2 t.* / Gl. red. N.Ju. Shvedova. M.: In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 2005. 1496 s.
15. *Safuanov F.S., Shishkov S.N.* Jekspertiza «pravdivosti» pokazanij (Vozmozhnosti psihologicheskoy jekspertizy) [Jelektronnyj resurs] // *Zakonnost'*. 1992. № 2. S. 13–14.
16. *Sekerazh T.N.* Jekspertnye oshibki pri proizvodstve sudebnoj psihologicheskoy jekspertizy // *Sudebnaja jekspertiza: tipichnye oshibki* / Pod red. E.R. Rossinskoj. M.: Prospekt, 2012. S. 211–222.
17. *Simonenko S.I.* Psihologicheskie osnovanija ocenki lozhnosti i pravdivosti soobshhenij // *Voprosy psihologii*. 1998. № 3. S. 78–84.
18. *Sorokotjagin I.N.* Pravovaja i juridicheskaja psihologija (psihologija jurisprudencii). Ekaterinburg, UrGJuA, 2002. 356 s.

19. *Fraj O.* Detekcija lzhi i obmana. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2005. 320 s.
20. *Shapovalov V.A.* Metodika opredelenija psihologicheskikh priznakov dostovernosti/nedostovernosti pokazanij v juridicheskoy praktike: metod. posobie. K.: Jurist, 2013. 178 s.
21. *Shihancov G.G.* Juridicheskaja psihologija. M.: Zercalo, 1998. 352 s.
22. *Jampolskij A.E.* Psihologija doprosa podozrevaemogo. Volgograd: VSSh MVD SSSR, 1978. 46 s.

Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых

Мельникова Д.В., студент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dashka1314@mail.ru)

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (mdebolsky@mail.ru)

В статье рассматривается сущность пенитенциарного стресса и особенности его проявления у подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Актуальность данной проблематики обусловлена недостаточной изученностью обсуждаемого вопроса; кроме того, необходимо выявить группы особенно остро нуждающихся в профилактике и коррекции такого состояния, также следует определить мишени воздействия. В статье представлен теоретический анализ понятий «биологический стресс» и «психологический стресс», основная часть нашей теоретической работы была посвящена такому феномену как «пенитенциарный стресс» и факторам, влияющим на формирование данного состояния. На основе проанализированной литературы было предложено определение понятия «пенитенциарный стресс». Выборку исследования составили 69 человек мужского пола (31 – СИЗО, 38 – ИК), в возрасте от 19 до 47 лет. Основной метод исследования – экспериментально-психологический. В практической части работы представлены результаты исследования распространенности пенитенциарного стресса в СИЗО и исправительной колонии. Кроме того, представлены результаты исследования взаимосвязи пенитенциарного стресса с этапом отбывания наказания, криминогенными особенностями обследуемых, индивидуально-психологическими характеристиками, актуальным состоянием. На основе проведенного исследования выявлены группы, в которых необходима профилактика и коррекция такого состояния, также выявлены некоторые мишени коррекционного воздействия.

Ключевые слова: биологический стресс, психологический стресс, пенитенциарный стресс, факторы пенитенциарного стресса, фрустрация.

Для цитаты:

Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Melnikova_Debolskiy.phtml (дата обращения: ...)

дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100208

For citation:

Melnikova D.V., Debolskiy M.G. Penal stress and its manifestations in the convicts, suspects and accused persons [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Melnikova_Debolskiy.phtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100208

Введение

Проблема стресса достаточно глубоко изучена в общей, экстремальной, организационной психологии. Однако в юридической и пенитенциарной психологии проблема проявления стресса не получила столь широкого освещения.

Нахождение в пенитенциарном учреждении предполагает жизнь в экстремальных условиях, т. е. на индивида действует большое количество фрустрирующих и стрессогенных факторов пенитенциарной среды. Пенитенциарный стресс, как правило, негативно влияет не только на здоровье человека, отбывающего наказание, но и способствует различным деструктивным проявлениям (конфликты, суицид [2, с. 1–2], противоправные действия). Целью нашей работы стало выявление степени распространенности пенитенциарного стресса и особенностей его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых в связи с необходимостью разработки рекомендаций по его учету в процессе содержания данных лиц в СИЗО и исправительных учреждениях. *Объектом исследования* стал пенитенциарный стресс у подозреваемых, обвиняемых, осужденных, *предметом исследования* стали факторы, влияющие на формирование пенитенциарного стресса и особенности его проявления. *Гипотезами исследования* стали следующие предположения: пенитенциарный стресс (дистресс) у подозреваемых и обвиняемых встречается чаще чем у осужденных; проявление пенитенциарного стресса взаимосвязано с этапом отбывания наказания; проявления пенитенциарного стресса связано с криминальным опытом осужденных, подозреваемых, обвиняемых; проявление пенитенциарного стресса связано с индивидуально-психологическими характеристиками осужденных, подозреваемых, обвиняемых; проявление пенитенциарного стресса взаимосвязано с актуальным состоянием субъекта (тревога, фрустрация).

Теоретические предпосылки исследования

Понятие «стресс» было введено в 30-е гг. XX в. Г. Селье [8]. Данный термин определяется как неспецифическая реакция организма в ответ на любое требование. Стресс рассматривался как особый тип приспособительной реакции на сверхсильный раздражитель – стрессор, данная реакция является интегральной. При этом неспецифическим данное состояние является, поскольку стрессором в данном случае может выступать любое требование к перестройке привычных вариантов реагирования. Исследователь разделил изучаемый феномен на физиологические и психофизиологические составляющие «неспецифического адаптационного потенциала», описал его проявления и динамику.

Подход Г. Селье и его последователей можно назвать биологическим. *Биологический стресс*, являясь реакцией на сверхсильный раздражитель (сильные физические и нервно-психические нагрузки), включает в себя три стадии реакции [11, с. 140]: стадия удивления или тревоги – мобилизация организма (защитных функций); стадия сопротивляемости – непосредственно адаптация – совладание с ситуацией; стадия истощаемости – упадок сил, дезадаптация (стадия не обязательна, соответствует понятию дистресс).

Р. Лазарус ввел понятие *психологический стресс*, автор определил данный феномен как специфическую реакцию организма, при которой активизируется познавательная деятельность, посредством которой индивид определяет для себя степень угрозы того или иного стимула и сопоставляет внешние условия с субъективной возможностью их преодоления [4, с.18]. Специфичность в данном случае заключается в том, что не любое требование может вызвать стрессовое состояние, а только лишь специфическое, т. е. воспринимающееся как угрожающее. Позиция данного автора является теоретической основой данного исследования.

В зависимости от стрессора выделяют различные виды стресса, среди которых *пенитенциарный стресс*. Лишение свободы – ситуационно-продолжительная психогенная травма, связанная с невозможностью удовлетворить актуальные потребности, поэтому заключение считается экстремальной ситуацией для личности со своими специфическими раздражителями (стрессоры и фрустрирующие факторы) [10, с.52–54]. В данном случае основным стрессором выступает социальная депривация, вынужденное изменение привычного образа жизни и пенитенциарная среда, в которую попадает личность. Аналогами данного термина в отечественной литературе являются: «психическая дезадаптация», «психопатизация», «тюремизация», «синдром тюремной социальной депривации» и др. В зарубежной литературе синонимом термина «пенитенциарный стресс» является феномен «тюремного стресса», который рассматривается как ситуационная стрессовая реакция. Е.В. Ермасов [3, с. 86], определяет тюремный стресс как комплекс психологических переживаний индивида в условиях изоляции. Данный феномен является интегральной характеристикой физиологических, социальных, социально-психологических механизмов адаптации осужденного. При этом отечественный термин «пенитенциарный стресс» – состояние, возникающее вследствие изоляции. При изоляции правонарушителя можно наблюдать большое количество видов депривации, основная из которых – социальная депривация, кроме того – сенсорная, двигательная, психологическая, информационная, сексуальная, эмоциональная и проч.. М.Е. Сандамирский описал реакцию на стресс в виде нарушения психической адаптации осужденных [7].

А.М. Чириков интегрируя различные взгляды на пенитенциарный и тюремный стресс дает следующее определение: пенитенциарный стресс – «это комплекс психологических переживаний личности, оказавшихся в условиях искусственной изоляции» [10, с. 53]. Такое определение, по мнению автора, позволяет рассматривать пенитенциарный стресс как психологический. С.Б. Пономарев и соавторы, в свою очередь, дают следующее определение пенитенциарному стрессу – это специфическое явление, спровоцированное, в первую очередь, социальными причинами – вынужденной изоляцией от привычного окружения [9, с.6].

В.И. Петров и соавторы определили пенитенциарный стресс как расстройство адаптации [5, с.2]. При этом особенное внимание уделялось бытовым условиям осужденных.

Проанализировав подходы к изучению пенитенциарного стресса (Бартол К., 2004 [1, с. 336–338]; Ермасов Е.В., 2009; Пирожков В.Ф., 2001 [6, с. 361–365]; Пономарев С.Б., 2008; Сандамирский М.Е., 2001; Чириков А.М., 2012), мы предлагаем определить данный феномен следующим образом: *пенитенциарный стресс* – это субъективная реакция, представляющая собой комплекс психологических переживаний личности, оказавшейся в условиях изоляции, на стрессоры в виде факторов пенитенциарной среды, вызванных социальной изоляцией (ограничением свободы).

Факторы, влияющие на формирование пенитенциарного стресса условно можно разделить на внешние и внутренние. Основными внешними факторами, влияющими на личность, являются стрессоры, связанные с воздействием пенитенциарной среды. Второстепенным внешним фактором можно считать криминогенные характеристики. Внутренними факторами могут стать индивидуально-психологические характеристики личности и ее актуальное состояние (фрустрация и тревога).

Организация исследования и характеристика выборки

Исследование проводилось на базе ФКУ ИК №6 УФСИН России по Московской области. Выборку составили 69 человек мужского пола, отбывающих наказание в данной колонии общего режима. Из них 44% (31 человек) находятся в СИЗО при ИК №6, 56% (38 человек) непосредственно отбывают наказание в ИУ. Возраст обследуемых колеблется от 19 до 47 лет. Из общего количества испытуемых 4% имеют неоконченное среднее образование, 49% – среднее образование, 36% – среднее специальное образование, 11% – неоконченное высшее образование. Среди всех участников исследования ранее отбывали наказание 33%, впервые являются подсудимыми или осужденными 67%.

Методы и методики

Для достижения поставленных целей были использованы следующие методики: авторская анкета; диагностика состояний стресса К. Шайнера; шкала тревоги Спилбергера–Ханина, экспресс диагностика фрустрации В.В. Бойко 16 PF опросник Р. Кеттелла – форма С. Все использованные методики были апробированы на соответствующем контингенте. Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 22. Для анализа корреляционных связей использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для выявления различий между двумя независимыми выборками использовался критерий Манна–Уитни. Для выявления различий между несколькими независимыми группами был использован критерий Краскала–Уоллиса для независимых выборок.

Обсуждение результатов исследования

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что пенитенциарный стресс одинаково часто встречается как в исправительном учреждении, так и в СИЗО. На уровне значимости $p=0,841>0,05$ значимых различий в группах СИЗО и ИК не обнаружено. Из выборки 69 испытуемых, признаки стресса обнаружены у 45 человек (65% обследованных). Хотя в пенитенциарной литературе (А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, А.И. Ушатиков, Б.Б. Козак, Ю.А. Дмитриев) отмечается, что лица, содержащиеся в следственном изоляторе, более подвержены стрессу, нежели в исправительной колонии, в нашем исследовании существенных различий в распространенности стресса не выявлено. Возможно, при увеличении выборки эти различия проявятся.

Пенитенциарный стресс наиболее часто проявляется на начальном этапе отбывания наказания и перед освобождением. Выявлены значимые различия распределений стрессового состояния (критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок) между группами «отбыли половину срока» и «отбыли меньше года»: $p=0,006<0,05$, также значимые различия были выявлены между группами «отбыли половину срока» и «осталось меньше года до освобождения»: $p=0,011<0,05$. Значимых различий в группах «отбыли меньше года» и «осталось меньше года до освобождения» не выявлено.

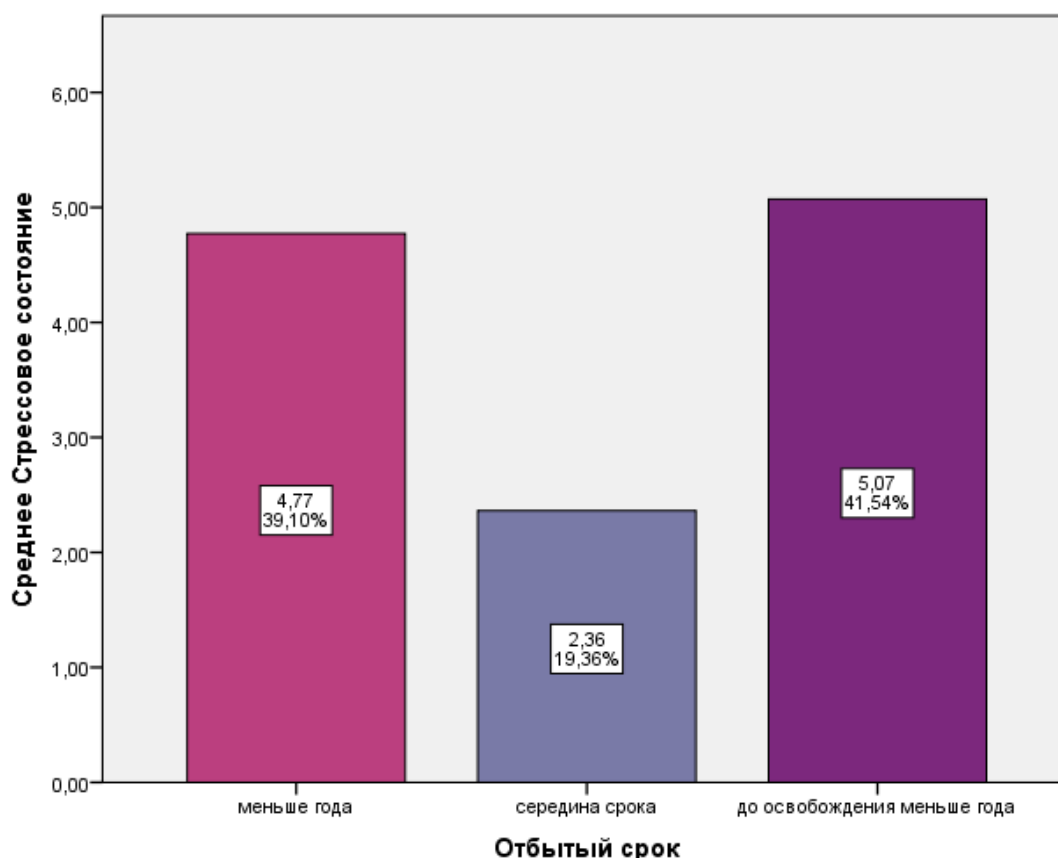

Рис. 1. Взаимосвязь стрессовой реакции и этапы отбывания наказания

Стрессовые реакции отмечаются чаще в начале отбывания наказания и перед освобождением (гистограмма 1). Однако причины таких пиков в первом и во втором случае разные. Можно предположить, что первый пик – «нахождение в местах лишения свободы меньше года» связан с периодом адаптации обвиняемого или осужденного к учреждению. В этот момент мы можем говорить о социальной депривации, изменении привычного образа жизни, влиянии новых стрессоров – факторов пенитенциарной среды, о неудовлетворенности актуальных потребностей и др. Второй пик, когда до освобождения осталось меньше года, может быть связан с волнением и тревогой вследствие необходимости подготовиться к новым условиям жизни. Этот момент сопровождается определенным кризисом деформировавшейся под влиянием пенитенциарного учреждения личности, которой вскоре необходимо будет приспособиться к новым условиям – жизни на свободе.

Пенитенциарный стресс отмечается чаще у тех, кто отбывает наказание впервые. На уровне значимости $p=0,003 < 0,05$ (критерий Манна–Уитни) выявлены значимые различия в группах, дифференцируемых по признаку наличия опыта отбывания наказания ранее.

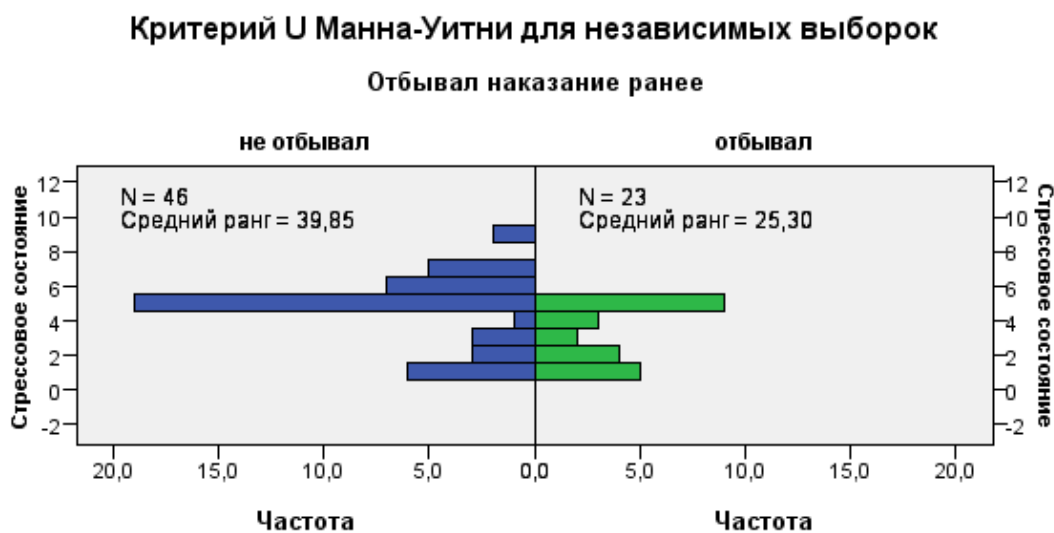

Рис. 2. Взаимосвязь стрессового состояния и криминального опыта

В группе впервые отбывающих наказание в местах лишения свободы стрессовые состояния встречаются чаще, чем у тех, кто отбывал наказание ранее (гистограмма 2). Такие результаты могут быть связаны с наличием у ранее судимых обследуемых опыта преодоления пенитенциарного стресса при отбывании наказания в местах лишения свободы ранее.

Предположение о взаимосвязи личностных свойств, определяемых по тесту Кеттелла, и стрессового состояния у осужденных, подозреваемых и обвиняемых не нашло своего подтверждения. При исследовании личности значимых взаимосвязей выявлено не было по факторам (коэффициент ранговой корреляции Спирмена – приложение 2 П: 2.7–2.23): «замкнутость–общительность» ($p=0,529$), «интеллект» ($p=0,159$), «эмоциональная неустойчивость–эмоциональная устойчивость» ($p=0,114$), «подчиняемость–доминантность» ($p=0,979$), «сдержанность–экспрессивность» ($p=0,889$), «подверженность чувствам–высокая нормативность»

поведения» ($p=0,853$), «робость–смелость» ($p=0,554$), «жестокость–чувствительность» ($p=0,976$), «доверчивость–подозрительность» ($p=0,393$), «практичность–развитое воображение» ($p=0,755$), «прямолинейность–дипломатичность» ($p=0,852$), «уверенность в себе–тревожность» ($p=0,071$), «консерватизм–радикализм» ($p=0,441$), «конформизм–нонконформизм» ($p=0,810$), «низкий самоконтроль–высокий самоконтроль» ($p=0,944$), «расслабленность–напряженность» ($p=0,282$), «адекватность самооценки» ($p=0,154$). Мы можем говорить лишь о некоторых личностных особенностях, оказывающих влияние на уровень тенденции, среди них: эмоциональная неустойчивость ($p=0,114$), личностная тревожность ($p=0,128$ – по методике «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина»; $p=0,071$ – по методике «16 РФопросник Р. Кеттелл»), адекватность самооценки ($p=0,154$). Представляется, что личностные особенности влияют скорее на вариативность проявлений стрессового состояния, нежели выступают в качестве детерминант стрессовой реакции. Другими словами, в силу существенной специфики исправительных учреждений на формирование стрессового состояния большее влияние оказывают не индивидуально-психологические характеристики, а внешние пенитенциарные стрессоры, которые в данной ситуации имеют более важное значение.

На основании проведенного исследования мы можем сделать вывод о взаимосвязи пенитенциарного стресса и актуального состояния субъекта. В рамках данного исследования среди актуальных состояний были выделены тревога и фрустрация. При уровне значимости $p=0,05$ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) мы можем сделать вывод о наличии средней корреляционной связи между состоянием стресса и уровнем ситуативной тревожности – состоянием тревоги (при коэффициенте корреляции 0,464). Связь стрессового состояния с состоянием тревоги у осужденных, подозреваемых, обвиняемых теоретически обосновывается тем, что тревога является атрибутом стрессовой реакции, что особенно выражено на первых этапах развития стрессового состояния. При уровне значимости $p=0,007$ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена – приложение 2, П 2.6) мы можем сделать вывод о наличии средней корреляционной связи между состоянием стресса и фрустрацией (при коэффициенте корреляции 0,407). Взаимосвязь стрессового состояния с состоянием фрустрации, может объясняться тем, что стрессовая реакция возникает там, где появляется определенное препятствие при достижении желаемой цели и удовлетворении актуальных потребностей. Кроме того, обследуемым предлагался обширный перечень состояний, среди которых необходимо было выделить те, которые осужденные наиболее часто испытывали. Преимущественно отмечались следующие состояния: усталость, эмоциональное и физическое истощение, постоянная напряженность, тревога, раздражение и агрессия, одиночество, подавленность.

В рамках данного исследования было выявлено, что психокоррекция стрессовых состояний необходима как во время нахождения в СИЗО, так и непосредственно в ИК. Однако для психологической работы такого плана в СИЗО пока не предоставляется возможностей, соответственно, внимание необходимо сконцентрировать на осужденных.

В ИК можно выделить следующие группы нуждающихся в профилактике и психокоррекции стрессовых состояний: осужденные на этапе адаптации (находятся в местах лишения свободы меньше года) и осужденные, которым до освобождения

осталось меньше года. При этом психологическая работа с каждой из категорий будет иметь различную направленность. В первой группе, целью психокоррекционной работы станет улучшение адаптации, необходимо помочь данным субъектам приспособиться к условиям ИУ с минимальным ущербом для личности. Во втором случае появляется необходимость подготовить осужденных к освобождению, проработать планы на будущее, снять тревогу и напряжение.

Также можно выделить группы по признаку отбывания наказания ранее. Здесь отдельно необходимо выделить впервые отбывающих наказание, у которых степень субъективной угрозы пенитенциарных стрессоров будет соответственно более высокой, чем у отбывавших наказание ранее.

Мишенями воздействия могут стать: состояние фрустрации и состояние тревоги.

Выводы

А. Концептуального характера.

1. Психологический стресс (Р. Лазарус) – специфическая реакция на внешние и внутренние раздражители, при которой активизируется познавательная деятельность, посредством которой индивид определяет для себя степень угрозы того или иного стимула и сопоставляет внешние условия с субъективной возможностью их преодоления. Соответственно, стрессором может выступать как объективно негативная ситуация, так и ситуация, субъективно воспринимая как стрессовая.

2. Проанализировав подходы к изучению пенитенциарного стресса К. Бартола, Ю.А. Дмитриева, Е. В. Ермакова, В.С. Мухиной, В.Ф. Пирожкова, С.Б. Пономарева, М.Е. Сандамирского, А.М. Чирикова, мы определяем данный феномен следующим образом: пенитенциарный стресс – это субъективная реакция, представляющая собой комплекс психологических переживаний личности, оказавшейся в условиях изоляции, на стрессоры в виде факторов пенитенциарной среды.

3. Основными внешними факторами, влияющими на формирование стрессового состояния, являются стрессоры, связанные с воздействием пенитенциарной среды. Второстепенным внешним фактором, влияющим на личность, является криминальный опыт обследуемого. Внутренними факторами, влияющими на формирование стрессового состояния, являются индивидуально-психологические характеристики и актуальное состояние.

Б. На основе результатов эмпирического исследования.

1. Стрессовые состояния одинаково часто встречаются как в исправительном учреждении, так и в СИЗО.

2. Пенитенциарный стресс наиболее часто проявляется на стадии адаптации к исправительному учреждению и перед освобождением. Первый пик вероятнее всего связан с периодом адаптации обвиняемого или осужденного к учреждению. В этот момент мы можем говорить о социальной депривации, изменении привычного образа жизни, влиянии новых стрессоров – факторов пенитенциарной среды,

неудовлетворенности актуальных потребностей и др. Второй пик может быть связан с волнением и тревогой вследствие необходимости подготовиться к новым условиям – жизни на свободе.

3. В группе впервые отбывающих наказание в местах лишения свободы стрессовые состояния встречаются чаще, чем у тех, кто отбывал наказание ранее. Такие результаты могут быть связаны с наличием у ранее судимых осужденных опыта преодоления пенитенциарного стресса при отбывании наказания в местах лишения свободы ранее.

4. Проявление пенитенциарного стресса не связано с индивидуально-психологическими характеристиками осужденных подозреваемых, обвиняемых. Однако соответствующие тенденции отмечаются по следующим характеристикам: высокий уровень личностной тревожности, эмоциональная неустойчивость, адекватность самооценки.

5. Проявление пенитенциарного стресса связано с состоянием тревоги у осужденных, подозреваемых, обвиняемых. Теоретически такая связь обосновывается тем, что тревога является атрибутом стрессовой реакции, что особенно выражено на первых этапах развития стрессового состояния.

6. Проявление пенитенциарного стресса связано с состоянием фрустрации у осужденных, подозреваемых, обвиняемых. Теоретически такая взаимосвязь обосновывается положением о том, что стрессовая реакция возникает там, где появляется определенное препятствие при достижении желаемой цели и удовлетворении актуальных потребностей.

7. Наиболее часто осужденные отмечают у себя следующие состояния:

- усталость, эмоциональное и физическое истощение;
- постоянная напряженность;
- тревога;
- раздраженность, агрессия;
- одиночество, тоска, подавленность;
- подавленное состояние;
- равнодушие ко всему.

Литература

1. *Бартол К.* Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.
2. *Дебольский М.Г., Матвеева, И.А.* Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. 2013. №3. С. 1–10.
3. *Ермасов Е.В.* Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. 2009. №2. С. 84–99.
4. *Карташева К.С.* Психология стресса: учеб. пособие. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 34 с.
5. *Петров В.И., Скугаревская Е.И., Чегерова Т.И.* Восприятие осужденными психотравмирующего действия тюремного быта как возможного фактора развития расстройств адаптации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bsmu.by/medicaljournal/c81ffeca407e331b742f34158fdb075/> (дата обращения 15.01.2015).
6. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001. 704 с.
7. *Сандомирский М.Е.* Психологическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных: монография. Уфа: Изд-во «Здравоохранение Башкартостана», 2001. 88 с.
8. *Селье Г.* Стресс жизни [Электронный ресурс] // URL: <http://www.google.ru/url?url=http://psybio.narod.ru/seminar/08/Selie.doc&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ei=h4gVZn6ElansAHgsoLwAw&ved=0CDUQFjAG&usg=AFQjCNF6dhnPvXL2rlnyOyI2mZtfbp3e8Q> (дата обращение 15.01.2015).
9. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте / С.Б. Пономарев, А.А. Половникова, С.И. Тоцкий, А.Л. Чубаров. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 148с.
10. *Чириков А.М.* Пенитенциарный стресс [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы психологии, педагогики, социальной работы. С. 47–55. URL: http://фсин.рф/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/09/13.pdf (дата обращения: 28.04.2015)
11. *Юнусова С.Г., Розенталь А.Н., Балтина Т.В.* Стресс. Биологический и психологический аспекты // Учебные записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн.3. С. 139–150.

Penal stress and its manifestations in the convicts, suspects and accused persons

Melnikova D.V., Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dashka1314@mail.ru)

Debolskiy M.G., PhD (Psychology), Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (mdebolsky@mail.ru)

The paper is devoted to penal stress and its manifestations at the convicts, suspects and accused persons. This topic has been poorly studied. It is necessary to identify the groups of people especially most in need of prevention and correction of stress state and to define the target effects. The paper presents a theoretical analysis of the concepts of biological and psychological stress. Our theoretical work is mainly devoted to phenomenon of penal stress and factors affecting its formation. We suggested the definition of penal stress concept on the basis of the analyzed literature.

The sample included 69 male persons (31 from pre-detention center, 38 from penal colony), aged 19 to 47 years old. Experimental psychological method of research was mainly used. In the practical part of the paper presents data on the prevalence of the penal stress in pre-detention centers and penal colonies. In addition, we have studied the relationship of penal stress with punishment stage, the crime characteristics of subjects, individual psychological characteristics, current state. The study allows us to reveal the groups of people in need of the prevention and correction of the penal stress state. We identified some target corrective action also.

Keywords: biological stress, psychological stress, penal stress, penal stress factors, frustration.

References

1. *Bartol K.* Psihologija kriminal'nogo povedenija. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2004. 352 s.
2. *Debolskij M.G., Matveeva, I.A.* Suicidal'noe povedenie osuzhdennyh, podozrevaemyh i obvinjaemyh v mestah lishenija svobody // Psihologija i pravo. 2013. №3. S. 1–10.
3. *Ermasov E.V.* Psihologicheskij stress v uslovijah izoljaccii // Razvitie lichnosti. 2009. №2. S. 84–99.

-
4. *Kartasheva K.S.* Psihologija stressa: ucheb. posobie. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2012. 34 s.
 5. *Petrov V.I., Skugarevskaja E.I., Chegerova T.I.* Vosprijatie osuzhdennymi psihotravmirujushhego dejstvija tjuremnogo byta kak vozmoznogo faktora razvitija rasstrojstv adaptacii [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.bsmu.by/medicaljournal/c81ffeca407e331b742f34158fdb075/> (data obrashhenija 15.01.2015).
 6. *Pirozhkov V.F.* Kriminal'naja psihologija. M.: Os'-89, 2001. 704 s.
 7. *Sandomirskij M.E.* Psihologicheskaja adaptacija v uslovijah penitencijnogo stressa i lichnostno-tipologicheskie osobennosti osuzhdennyh: monografija. Ufa: Izd-vo «Zdravooхранenie Bashkortostana», 2001. 88 s.
 8. *Selie G.* Stress zhizni [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.google.ru/url?url=http://psybio.narod.ru/seminar/08/Selie.doc&ct=j&q=&esrc=s&sa=U&ei=h4gVZn6ElansAHgsoLwAw&ved=0CDUQFjAG&usg=AFQjCNF6dhnPvXL2rlnyOyI2mZtfbp3e8Q> (data obrashhenie 15.01.2015).
 9. Sindrom tjuremnoj social'noj deprivacii v molodom vozraste / S.B. Ponomarev, A.A. Polovnikova, S.I. Tockij, A.L. Chubarov. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008. 148s.
 10. *Chirikov A.M.* Penitencijnyj stress [Jelektronnyj resurs] // Aktual'nye voprosy psihologii, pedagogiki, social'noj raboty. S. 47–55. URL: http://fsin.rf/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/09/13.pdf (data obrashhenija: 28.04.2015)
 11. *Junusova S.G., Rozental A.N., Baltina T.V.* Stress. Biologicheskij i psihologicheskij aspekty // Uchebnye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. T. 150. Kn.3. S. 139–150.

Психологическая компетентность руководителя полиции как основа профессионализма

Митракова Е. Н., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, майор полиции, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ростовский юридический институт МВД России» (m_helena_n@mail.ru)

Сегодня руководителю в органах и подразделениях полиции необходимо быть не только профессионалом своего дела, но также и квалифицированным психологом, способным разбираться в вопросах психологического характера и уметь решать их. Главный акцент в развитии профессионализма руководителя полиции ставится на формировании и развитии психологической компетентности как профессионально важной характеристики личности, проявляющейся в умении взаимодействовать с окружающими людьми, быстро ориентироваться в социальных ситуациях, правильно выявлять личностные особенности подчиненных и находить адекватные стратегии взаимодействия с ними. В связи с этим существует необходимость изучения психологической компетентности руководителей в теоретическом и прикладном аспектах. Современное общество диктует условия, при которых формируется образ эффективного руководителя. Руководители, стремящиеся к повышению своего профессионального мастерства, овладевающие определенными психологическими умениями и навыками, развивающие свой лидерский потенциал, способны обеспечить высокий уровень управленческой продуктивности, повысить не только качество профессиональной составляющей, но и авторитет правоохранительных органов в целом.

Ключевые слова: психологическая компетентность, компетенция, профессионализм, коммуникативная компетентность, портрет современного руководителя полиции, социально-психологический тренинг, эффективность психологической подготовки руководителей.

Для цитаты:

Митракова Е.Н. Психологическая компетентность руководителя полиции как основа профессионализма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Mitrakova.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100209

For citation:

Mitrakova E.N. Psychological competence of the police head as the foundation of professionalism [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Mitrakova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100209

То, что вы получаете, достигая своих целей, не так важно, как то, кем вы становитесь, достигая своих целей.

З. Зиглар

Темп жизни и смещающиеся аспекты приоритетных направлений деятельности современного человека побуждают его стремиться к самосовершенствованию и использованию новых технологий в профессии. Не составляют исключение и сотрудники правоохранительных органов, к ним особенно пристально, зачастую и критично относятся не только население, но и средства массовой информации. Сегодня руководителю в органах и подразделениях важно быть не только первоклассным специалистом, профессионалом своего дела, но и высококвалифицированным психологом, способным грамотно решать проблемы межличностного, внутриличностного характера и при этом обладать беспристрастностью и гибкостью, стрессоустойчивостью, ораторским искусством и многими другими качествами.

Поэтому остро стоит вопрос о психологическом обеспечении служебной деятельности эффективными руководителями органов внутренних дел. Достаточно сложно определить такие аспекты в организации и деятельности сотрудников полиции, в которых бы не могли быть использованы знания современной психологической науки – психологии управления, социальной и юридической психологии.

Неоднократно учеными в области психологии предпринимались попытки создания некоего универсального «портрета эффективного руководителя». Эта проблема актуальна и для органов внутренних дел, поскольку вопрос, какими именно качествами должен обладать руководитель полицейского подразделения, остается нерешенным до сих пор.

Руководитель, не стремящийся к саморазвитию, повышению своего профессионального уровня, не знающий личностных особенностей своих подчиненных, не склонный к взаимодействию и взаимопониманию с ними, может ли быть эффективным, а деятельность вверенного ему подразделения может ли быть успешной? На этот основополагающий вопрос мы попытаемся ответить в данной работе.

Рассматривая анализ результатов социально-психологического исследования, которое проводилось на базе Академии управления МВД России [9], выяснилось, что при изменении стиля руководства, происходящего в результате повышения по должности, изменяется и компетентность руководителя, прежде всего его коммуникативная компетентность. Авторами исследования отмечено, что повышение по должности ведет к изменению и круга общения руководителя. Он сам становится социально более значимым, как становятся более значимыми и задачи, стоящие перед ним. По замечанию А.М. Столяренко, чем выше должность, тем ближе она к должности государственного значения, а раз так, то от руководителя требуется как в деятельности, так и в мышлении демонстрировать общенародный, государственный подход. Руководитель становится ориентированным на решение государственных задач и является представителем государства в группе, нежели представителем группы в государстве, т.е. сфера его деятельности

переориентируется с внутригрупповой среды на внешнюю по отношению к группе, а компетентность из познавательно-развивающей переходит в коммуникативную.

Кроме того, исследователями было замечено, что чем выше должность, тем меньше руководитель получает адекватной обратной связи от подчиненных. Поэтому коммуникативная компетентность руководителя, если рассматривать ее как некоторую способность человека понимать, соответственно оценивать другого и строить с ним благоприятные взаимоотношения, с повышением по должности по отношению к подчиненным снижается, однако по отношению к внешнему социально значимому для него окружению, она возрастает [4].

Исходя из сказанного, можно предположить, что руководитель в системе органов внутренних дел должен обладать развитыми коммуникативными способностями, так как их отсутствие или несформированность отрицательно влияют на эффективность руководства.

Но было бы однобоко ставить во главу угла коммуникативную компетентность руководителя как наиболее важную или значимую. Рассмотрим проблему подготовки универсального эффективного руководителя более многогранно.

Компетентность есть интегральная характеристика конкурентноспособной личности, тем более личности руководителя.

Интенсивный темп современного общества диктует условия, способствующие формированию некоего универсального «портрета эффективного руководителя» полиции. Именно те руководители, которые освоили современные методы управления, обладают определенными психологическими умениями и навыками, стремятся к повышению своего профессионального мастерства, развитию своего лидерского потенциала и организаторских способностей, могут обеспечить высокий уровень управленческой продуктивности, повысить не только качество профессиональной составляющей, но и авторитет правоохранительных органов в целом.

Действительно, основу социально-психологической компетентности руководителя составляют не столько знание личностных особенностей подчиненных, сколько специфика его общения с ними, установление благоприятного психологического контакта и доверительных отношений с подчиненными. Эти умения руководителя основываются на развитии таких качеств, которые позволяют поставить себя на место другого человека, понять его переживания, а также глубинные причины поступков и на этой основе так выстраивать отношения с подчиненными, чтобы каждому из них хотелось и поговорить, и попросить совета, и с высокой отдачей работать в такой доброжелательной и в тоже время рабочей атмосфере. Именно при таком подходе руководителя возможна и конструктивная критика, способная побуждать подчиненного меняться в лучшую сторону, а не захлебываться в обидах и собственной неполноценности [7].

Таким образом, компетентность сегодня изучается в контексте профессионализма, подчеркивается ее роль в продвижении человека в процессе

профессиогенеза к «акме»; компетентность рассматривается как показатель личностной, социальной и профессиональной зрелости руководителя[8].

Важно отметить, что успешность управленческой работы в целом зависит от наличия у руководителя ОВД определенного набора личностных и деловых качеств, психологического потенциала, управленческой и социально-психологической компетентности. Например, таких профессиональных характеристик, как социально-психологическая и организаторская компетентность, техническая, экономическая, правовая культура, владение современными технологиями управленческой деятельности, а также определенных личностных качеств (например, честность, порядочность, скромность, чуткость к подчиненным и др.) [1].

Опираясь на многочисленные исследования проблемы психологической компетентности (А.К. Маркова, Л.Н. Митина, Б.И. Хасан, Т.Н. Щербакова, Л.А. Петровская, В.Н. Казанцева и др.), мы предлагаем остановиться на следующей формулировке данного понятия: психологическая компетентность – это свойство человека, заключающееся в обладании системой психологических знаний в области человеческих взаимоотношений, во владении навыками и умениями организации продуктивного взаимодействия с людьми, а также в наличии системы личностных качеств, позволяющих управлять своим психическим состоянием и осваивать приемы психической саморегуляции в критических и стрессовых ситуациях.

Исходя из данного понимания содержания понятия, можно предложить следующий взгляд на структуру психологической компетентности сотрудника правоохранительных органов. Значимыми в психологической компетентности специалиста правоохранительной системы являются следующие ее компоненты.

1. Подструктура знаний: система психологических знаний, включающая сведения из области общей психологии, психологии личности, индивидуальных различий, психодиагностики, межличностных отношений, конфликтологии.

2. Подструктура психологических умений и навыков, включающая:

- навыки установления психологического контакта с разными категориями людей;
- навыки диагностики индивидуально-психологических особенностей лиц, вступающих во взаимодействие с целью выработки оптимального стиля взаимодействия;
- навыки адаптации в социальных группах разного уровня развития;
- умение понимать человека по его вербальным и невербальным проявлениям;
- навыки распознавания лжи по поведению собеседника;
- навыки установления бесконфликтных отношений и конструктивного разрешения конфликтов.

3. Подструктура аутокомпетентности, включающая навыки стрессоустойчивого поведения, навыки постановки целей и мотивации своей

деятельности, умение осознавать и контролировать свое психическое состояние, контролировать свое социальное поведение, владеть механизмами психической саморегуляции.

4. Подструктура психологически важных для деятельности сотрудника правоохранительной системы личностных качеств, включающая высокий уровень развития аналитического мышления, развитый социальный интеллект, рефлексивные и интуитивные качества, нервно-психическую устойчивость, развитую волевую регуляцию, организаторские способности, отсутствие тревожности [3].

Подводя итоги вышеизложенного приходим к выводу, что сверхидеальный портрет компетентного руководителя – это, прежде всего, гармонично-развитая личность, обладающая комплексом уже сформированных или формирующихся компетенций.

Следующий важный вопрос, который необходимо прояснить, – какие приемы и методы будут способствовать формированию эффективного руководителя.

Описанная нами ранее структура значимых компонентов психологической компетентности специалиста правоохранительной системы предполагает следующие направления формирования его психологической компетентности.

Во-первых, необходимо более широко использовать психологические знания в рассмотрении проблем юридической науки и практики. С этой целью необходимо расширение общетеоретической психологической подготовки сотрудников ОВД, а также вооружение их прикладными психологическими знаниями, необходимыми для осмысленных действий в психологически насыщенных условиях правоохранительной деятельности.

Во-вторых, в целях подготовки к назначению на вышестоящую должность руководителю необходимо пройти курсы повышения квалификации, посвященные психологическим основам управления.

В-третьих, для повышения практической психологической подготовки сотрудникам предлагается программа социально-психологического тренинга, направленная на выработку указанных навыков и умений. Эффективность социально-психологического тренинга определяется тем, что он позволяет обеспечить индивидуальную направленность подготовки сотрудников к практической деятельности, а также способствует выработке навыков и умений в области управления.

Так, например, Л.А. Петровская предлагает развивать в процессе тренинга перцептивную, коммуникативную и интерактивную составляющие психологической компетентности [6].

М.И. Марьин, Ю.Г. Касперович, В.Е. Петров, М.В. Смирнова, В.В. Вахнина, Л.Г. Носкова, Н.В. Сердюк, В.П. Трубочкин коммуникативную компетентность выделяют как составляющую профессионального мастерства сотрудника органов внутренних дел. Коммуникативные способности необходимы руководителю для реализации управляющего воздействия на ситуацию общения с различными категориями

граждан, для построения успешных взаимоотношений со средствами массовой информации, общественными организациями [5].

Тренинги, разработанные в русле современных управленческих концепций, направлены на формирование нового образа руководителей органов и подразделений внутренних дел. Именно руководители, владеющие современными методами управления человеческими ресурсами, обладающие соответствующими социально-психологическими умениями и навыками, способны обеспечить высокий уровень управленческой продуктивности [2].

Методы с использованием психотренинговых упражнений в системе подготовки управленцев органов внутренних дел являются наиболее эффективными в связи с тем, что подготовка в целом представляет собой процесс, имеющий две стороны, и охватывает как сферу внешних правоохранительных отношений с гражданами, большими и малыми социальными группами, организациями, так и сферу внутриведомственных отношений с коллегами, коллективами правоохранительных органов. Отметим, что суть тренинговой деятельности состоит в том, что микрогруппа представляет собой общество в миниатюре. Именно на таких занятиях происходит моделирование системы взаимоотношений и взаимосвязей, характерных для каждого участника в реальной жизни. Это помогает участникам тренинга увидеть, осознать и проанализировать психологические закономерности собственного общения и поведения других людей; в тренинговой среде человек формирует и закрепляет новые паттерны поведения, благоприятный стиль отношений среди равных партнеров; учится по-новому относиться к собственной личности и к личности другого человека; идентифицировать себя с другими, «проигрывать» иную роль, когда-то казавшуюся недоступной; сделать выводы и определить арсенал наиболее действенных стратегий поведения и др.

Руководителям предлагается принять участие, например, в тренинге «Эффективное руководство», целью которого является практическое освоение основ психологии управления, формирование высокой управленческой культуры и социально-психологической компетентности в процессе управления людьми, развитие лидерских качеств и навыков инновационного менеджмента в полиции.

Действительно, формирование социально-психологической компетентности руководителя основывается не столько на особенностях личности, сколько на эффективности его взаимодействия с подчиненными. Только такой комплексный подход, предполагающий воздействие на все выделенные компоненты психологической компетентности руководителя, позволит повысить уровень его профессионального мастерства и будет способствовать формированию исследуемого нами «портрета эффективного руководителя».

Успешный руководитель понимает, что без всестороннего и глубокого изучения психологии людей невозможно по-настоящему познать богатство их природных дарований, увидеть перспективу работы с ними, проникнуться верой в неисчерпаемость их духовного и физического потенциала. Только знание и учет в служебной деятельности особенностей психологии общения, индивидуально-психологических характеристик сотрудников, использование соответствующих

психотехник и приемов создадут условия для рационального и эффективного управления сотрудниками ОВД.

Литература

1. Баранов П.П., Жуков И.А., Кикоть В.Я., Мещерякова А.В. Вопросы психологического обеспечения работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: монография. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2005. 230 с.
2. Бесчастный В.Н., Лефтеров В.А., Литвинова Г.А. Трениговые методы подготовки руководителей органов внутренних дел: теория и практика: учеб.-метод. Пособие: пер. с укр. Донецк: ДЮИ ЛГУВД, 2007. 332 с.
3. Буткова Т.А., Митракова Е.Н., Полтавцева Л.И., Помаз Г.С., Упорникова-Пивоварова И.В. Формирование психологической компетентности сотрудников органов внутренних дел: метод. рекомендации. М.: ДГСК МВД России, 2011. 64 с.
4. Гузева Т.В. Психологическая подготовка руководителей как фактор эффективности в управленческой деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.RU. 2011. №1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39943.shtml (дата обращения: 19.03.2015).
5. Марьин М.И., Касперович Ю.Г., Петров В.Е., Смирнова М.В., Вахнина В.В., Носкова Л.Г., Сердюк Н.В., Трубочкин В.П. Психологическое обеспечение формирования и развития культуры общения и коммуникативной компетентности у сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. Пособие / Под общ. ред. В.Л. Кубышко. – М.: ЦОКР МВД России, 2007. 192 с.
6. Петровская Л.А. Компетентность в общении. М.: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.
7. Щекин Г.В. Организация и психология управления персоналом: учеб.-метод. пособие. – К.: МАУП, 2002. 832 с.
8. Щербакова Т.Н., Ганиева Р.Х. Психологическая компетентность педагога: транслирование личностных характеристик в общении с учеником. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 160 с.
9. Энциклопедия юридической психологии / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.

Psychological competence of the police head as the foundation of professionalism

Mitrakova E. N., PhD in Law, the Lecturer of Department of Criminal Law and Criminology, major of police, Federal Public State Educational Institution of Higher Education «Rostov Law Institute of the Russian Interior Ministry» (m_helena_n@mail.ru)

Nowadays the leader in the police organs and units must be not only professional, but also a qualified psychologist, capable to understand and solve problems of a psychological nature. The main emphasis in the development of professionalism of the police head is placed on the formation and development of psychological competence as professionally important characteristics of the individual, showed in the ability to interact with others, to orient in social situations, to identify the personal characteristics of subordinates and to find adequate strategies of interaction with them. In this regard, there is a need to study the psychological competence of leader in the theoretical and applied aspects. Modern society dictates the conditions under which the image is formed of an effective leader. Managers seeking to improve their professional skills, possess certain psychological skills, develop their leadership potential is able to provide a high level of managerial productivity, improve not only the quality of the professional component, but also the authority of law enforcement agencies in General.

Keywords: psychological competence, competence, professionalism, communicative competence, portrait of the modern head of police, social and psychological training, efficiency of psychological training of leaders.

References

1. *Baranov P.P., Zhukov I.A., Kikot V.Ja., Meshherjakova A.V.* Voprosy psihologicheskogo obespechenija raboty s rukovodjashhimi kadrami organov vnutrennih del: monografija. Rostov n/D.: RJuI MVD Rossii, 2005. 230 s.
2. *Beschastnyj V.N., Lefterov V.A., Litvinova G.A.* Trenigovye metody podgotovki rukovoditelej organov vnutrennih del: teorija i praktika: ucheb.- metod. Posobie: per. s ukr. Doneck: DJuI LGUVD, 2007. 332 s.
3. *Butkova T.A., Mitrakova E.N., Poltavceva L.I., Pomaz G.S., Upornikova-Pivovarova I.V.* Formirovanie psihologicheskoy kompetentnosti sotrudnikov organov vnutrennih del: metod. rekomendacii. M.: DGSK MVD Rossii, 2011. 64 s.
4. *Guzeva T.V.* Psihologicheskaja podgotovka rukovoditelej kak faktor jeffektivnosti v upravlencheskoj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs] //

Psihologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.RU. 2011. №1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39943.shtml (data obrashhenija: 19.03.2015).

5. *Marin M.I., Kasperovich Ju.G., Petrov V.E., Smirnova M.V., Vahnina V.V., Noskova L.G., Serdjuk N.V., Trubochkin V.P.* Psihologicheskoe obespechenie formirovanija i razvitija kul'tury obshhenija i kommunikativnoj kompetentnosti u sotrudnikov organov vnutrennih del: ucheb.-metod. Posobie / Pod obshh. red. V.L. Kubyshko. – M.: COKR MVD Rossii, 2007. 192 s.
6. *Petrovskaja L.A.* Kompetentnost' v obshhenii. M.: Izd-vo MGU, 1989. – 216 s.
7. *Shhekin G.V.* Organizacija i psihologija upravlenija peronalom: ucheb.- metod. posobie. – K.: MAUP, 2002. 832 s.
8. *Shherbakova T.N., Ganieva R.H.* Psihologicheskaja kompetentnost' pedagoga: translirovanie lichnostnyh harakteristik v obshhenii s uchenikom. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 2003. 160 s.
9. Jenciklopedija juridicheskoi psihologii / Pod red. A.M. Stoljarenko. M.: JuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003. 607 s.

Забыть нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний¹

Нуркова В.В., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии ФБОУ ВО «МГУ имени М.В.Ломоносова», профессор кафедры общей психологии Московского городского психолого-педагогического университета (nourkova@mail.ru)

В статье обсуждается актуальная для юридической психологии проблема выявления закономерностей влияния намеренной лжи на отсроченную уверенность в достоверности автобиографических воспоминаний. В обзорной части рассматриваются данные о пластичности автобиографических воспоминаний в контексте юридической практики. Излагаются результаты экспериментального полевого исследования динамики оценок субъективной достоверности воспоминаний после правдивого подтверждения и ложного опровержения достоверных эпизодов прошлого, а также после правдивого опровержения и ложного подтверждения недостоверных эпизодов прошлого. Установлено, что во всех условиях наблюдаются закономерные изменения оценок субъективной достоверности воспоминаний. Впервые описаны мнемические последствия «эффекта отречения», которые состоят в том, что ложное отрицание достоверного события ведет к активизации процессов его забывания, а правдивое отрицание недостоверного события ведет к ошибочному включению его содержания в автобиографическую память.

Ключевые слова: автобиографическая память, ложь, субъективная достоверность, пластичность автобиографических воспоминаний.

Для цитаты:

Нуркова В.В. Забыть нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Nourkova.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100210

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти» (№15-36-01045).

For citation:

Nourkova V.V. To forget or not to forget: mnemonic “renunciation” effect and the subjective evaluation of the truth of autobiographical memories [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Nourkova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100210

Вопрос об адекватности мнемической продукции имевшим место в реальности событиям постоянно возникает в юридической практике, в первую очередь в связи с оценкой истинности показаний участников судебного процесса – свидетелей, обвиняемых, потерпевших [1]. При этом на протяжении последних десятилетий в психологии накоплено и теоретически осмыслено множество фактов неточности памяти, которые отнюдь не всегда интерпретируются как ошибки, а, напротив, могут отражать стратегии преодоления неизбежных ограничений когнитивного аппарата человека (например, малой емкости и производительности системы рабочей памяти) или даже представляют собой продуктивные адаптации [5].

В большинстве случаев требованием «фотографической» точности к продукции памяти можно пренебречь. Например, нет необходимости разоблачать человека, утверждающего, что в школьные годы он был отличником, поскольку подобная «улучшенная» версия прошлого повышает его самооценку. В юридической практике, напротив, мельчайшая деталь показаний может иметь судьбоносное значение. В связи с этим в юридической психологии наблюдается поворот от не критичного доверия к автобиографическим воспоминаниям практически к презумпции ложности любого из них. Так, Олсон и Чарман обнаружили, что в ситуации имитации судебного процесса, даже при подтверждении алиби подозреваемого видеозаписью события и свидетельством незаинтересованного незнакомца, испытуемые – студенты юридических ВУЗов оценивают свое доверие к нему лишь на 7 баллов из возможных 10 [10]. Особый скептицизм вызывает неконсистентная во времени мнемическая продукция. По данным Калхейна и Хоша, как студенты юридических вузов, так и практикующие сотрудники правоохранительных органов склоняются к мнению о виновности подозреваемого, если его показания меняются от допроса к допросу [7].

Странж с коллегами попытались выявить наиболее подверженные искажениям аспекты автобиографических воспоминаний, выполняющих функцию алиби, и установить, существуют ли феноменологические характеристики, пригодные для их верификации [15]. Испытуемым предлагалось представить себя в роли необоснованно подозреваемых в совершении преступления и предоставить алиби на момент его совершения (около полудня три недели назад). Требовалось записать воспоминание и оценить его феноменологические характеристики. Повторный опрос проводился через неделю. Независимые эксперты судили о согласованности первого и второго варианта алиби по ряду характеристик. Главный результат данного исследования заключается в том, что более 50% алиби претерпевали значительные изменения за недельный период, при этом особенно часто менялась конкретная локализация во времени отдельных фрагментов события. Таким образом, наиболее распространенная формулировка вопроса к

подозреваемому («Что вы делали вечером 13 марта?») крайне уязвима с точки зрения адекватного доступа к мнемическому материалу.

Суммируя приведенные выше данные, можно утверждать, что изменение показаний участников судебного процесса представляет собой частный случай обычной конструктивности автобиографической памяти и скорее, наоборот, является аргументом в пользу того, что человек действительно пытается точнее вспомнить прошлое, а не повторяет заученный заранее рассказ.

В целом парадокс высокой спонтанной пластичности автобиографических воспоминаний при сохранении их несомненной субъективной достоверности зафиксирован во многих исследованиях [см.: 3; 8]. Преимущественно речь идет о мотивационно обусловленном изменении воспоминаний в сторону более индивидуально и социально желательной, согласованной и вероятной версии события прошлого.

При этом процесс трансформации автобиографических воспоминаний протекает преимущественно произвольно, вне контроля вспоминающего, а сам факт трансформации остается неосознанным. Многократно подтверждено, что максимальный эффект модификации воспоминаний вплоть до «имплантации», т.е. включения в содержание личной памяти воспоминаний об абсолютно ложных событиях, наблюдается при подробном воображении эпизода в условиях, провоцирующих забывание самого факта наличия ситуации его искусственного конструирования. Подобный разрыв связи между мета-маркером источника содержания, появившегося в сознании («я это вообразил», «мне это рассказали», «я видел это в фильме» и т.п.), и описанием эпизода происходит за счет ряда факторов: временной отсрочки, диссоциации контекста кодирования и воспроизведения, нарастания субъективной вероятности новой версии события, пребывания в измененном состоянии сознания и др. [9; 4].

Однако практически не исследованными остаются специфические и крайне релевантные юридической психологии ситуации намеренной лжи в двух вариантах: во-первых, речь может идти об отрицании произошедшего события и, во-вторых, о декларации реальности ложного события. По данным ряда источников, до 25% обвиняемых в преднамеренных убийствах и убийствах по неосторожности заявляют об амнезировании события преступления [6]. Помимо прочего, отрицание воспоминаний о совершенном преступлении избавляет от необходимости объяснять свои действия, демонстрировать раскаяние и вызывает сочувствие у присяжных. Создание алиби в виде автобиографического рассказа о том, что якобы происходило с подозреваемым в момент совершения преступления, – рутинная адвокатская практика. Вполне обосновано предположение, что в ряде случаев как «амнезия», так и предлагаемая следствию история алиби носят вымышленный характер и направлены на смягчение приговора. С точки зрения психологии памяти, крайне важным видится вопрос о том, становится ли результатом подобных произвольных действий аналогичная произвольной пластичность автобиографической памяти? Иными словами, может ли случиться так, что участники следственных действий и судебного процесса после умышленного обмана действительно начнут помнить то, чего на самом деле не было и забудут то, что было?

Исследуя динамику точности воспоминаний после намеренной лжи, Даниэль Полэж [12; 13] просила испытуемых убедить ее в том, что предложенные ложные события на самом деле произошли в их детстве. Затем испытуемых повторно опрашивали о реальности описанных событий. Большинство испытуемых после акта лжи в еще большей степени настаивали на отсутствии данных событий в своем прошлом, в то время как меньшинство (16%), наоборот, демонстрировали убежденность в их реальности. Отчасти симметричный эффект был получен Полэж и для противоположной ситуации: после попытки убедить экспериментатора в том, что высоко вероятных в их личном прошлом событий из «писки жизненных событий» (Life events inventory – LEI) не было, испытуемые значимо понижали оценки реальности этих событий [14]. Неоднозначность полученных результатов Полэж интерпретирует, исходя из индивидуальных различий испытуемых в чувствительности к когнитивному диссонансу. Она полагает, что меньшинство, испытывающее сильный когнитивный диссонанс от акта лжи, редуцирует его за счет присвоения ложных воспоминаний и/или ограничения доступа к следам реального опыта, в то время как большинство, наоборот, жестко маркируют сконструированный образ как продукт воображения (эффект «fabrication deflation»), четко разделяя правду и вымысел.

Наиболее близкую контексту юридической психологии работу в данной области провели голландские психологи Оорсоу и Меркедбах [11]. Испытуемые должны были выполнить имитирующую совершение преступления последовательность действий: зайти в комнату, найти там рюкзак, достать из него веревку, выйти на улицу и зайти в бар, взять у входа метлу, ударить ей манекен, который изображал бармена, связать его веревкой, забрать деньги из кассы и вернуться в комнату. Затем испытуемых делили на две группы – контрольную и экспериментальную. От представителей контрольной группы требовалось максимально честно описать событие «преступления», а от представителей экспериментальной группы – сочинить ложную историю для обеспечения алиби на момент «преступления». Через неделю было проведено повторное тестирование памяти испытуемых с инструкцией правдиво описать исходное событие. Согласно результатам экспертных оценок рассказов, представители группы «лгунов» значимо хуже справлялись с задачей, воспроизводя меньше правильных элементов и включая больше ложных дополнительных элементов.

По нашему мнению, необходимо дальнейшее прояснение механизмов влияния намеренной лжи на содержание автобиографических воспоминаний, что требует проведения исследования с симметричным дизайном (декларирование истинности/ложности субъективно истинного/ложного события) на материале хорошо задокументированного личного опыта испытуемых из достаточно отдаленного во времени прошлого.

Методика²

В исследовании приняло участие 47 испытуемых, средний возраст – 20.3 (3.8), из них 20 юношей и 27 девушек. Все испытуемые во второй раз участвовали в Летней школе 2014 г. журнала «Русский репортер»

² Планирование эксперимента и сбор данных осуществлялся в сотрудничестве с А.А.Ивановой и А.И.Кожевниковым.

(<http://letnyayashkola.org/about/>), которая организуется ежегодно в полевых условиях на расстоянии около 100 км от Москвы. С каждым из испытуемых работа проводилась индивидуально. Экспериментатор представлялся «историком», который собирает воспоминания участников школ предыдущих лет. Испытуемым предлагался список наиболее ярких, зафиксированных на видеозаписи событий Школы 2013 г. («Новый год», «Закрытие», «Концерт Псоя Короленко»), из которых требовалось выбрать и описать три наиболее запомнившихся ключевых эпизода, в истинности которых они абсолютно уверены. Затем испытуемым зачитывались описания двух ложных эпизодов, относящихся к тем же событиям («А другие участники рассказали нам, что на самом деле...»). После того как испытуемые однозначно подтверждали ложность этих историй, их просили принять участие в исследовательском проекте, якобы посвященном коммуникативным приемам убеждения. Для этого от них требовалось пересказать все эпизоды за исключением одного реального (контрольный) таким образом, чтобы убедить собеседника, что они истинны, или таким образом, чтобы убедить собеседника, что они ложны. Через 3-4 дня испытуемым предъявлялись краткие описания всех эпизодов и предлагалось оценить их по шкале от 1 до 7 баллов относительно степени своей уверенности в том, что конкретный эпизод имел место в действительности.

Таким образом, от каждого испытуемого было получено по пять оценок степени уверенности в истинности эпизодов, относящихся к периоду 11-12 месяцев до проведения исследования: 1) исходно субъективно истинный эпизод, рассказанный с целью убедить слушателя в его истинности; 2) исходно субъективно истинный эпизод, рассказанный с целью убедить в его ложности; 3) исходно субъективно истинный эпизод без повторного воспроизведения; 4) исходно субъективно ложный эпизод, рассказанный с целью убедить в его истинности; 5) исходно субъективно ложный эпизод, рассказанный с целью убедить в его ложности.

Поскольку испытуемые были абсолютно убеждены в адекватности своей памяти до того, как их просили солгать или сказать правду, в качестве точки отсчета для субъективно истинных воспоминаний был взят максимальный уровень уверенности в 7 баллов, а для субъективно ложных воспоминаний – минимальный уровень уверенности в 1 балл. Для каждого из экспериментально варьируемых нами условий вычислялись отклонения от исходного балла при отсроченной оценке истинности воспоминания.

Результаты

При повторном опросе существенное меньшинство испытуемых во всех условиях (в том числе и в контрольных) изменили исходные суждения об истинности своих воспоминаний, что еще раз фиксирует факт динамичности функционирования автобиографической памяти.

В контрольном условии (однократный рассказ об эпизоде реального события с первоначально абсолютной уверенностью в точности воспоминания) после трехдневного интервала 12 участников из 47 (25.5%) снизили степень своей уверенности в том, что их воспоминание соответствует действительности. Снижение субъективной достоверности воспоминания составило в среднем 0.77 (1.55) балла по семибалльной шкале. Важно отметить, что диапазон снижения

балльных оценок был достаточно широк и варьировал в пределах от -1 до -6, при этом 4 человека (8.5%) полностью отрицали наличие данного эпизода в своем опыте (получены оценки в интервале 1–3 балла).

В условии «реальный эпизод – рассказывается правда» случаи снижения оценок были так же часты и наблюдались у 11 человек из 47 (23.4%). Однако величина снижения была значимо ниже: в среднем -0.34 (0.7), диапазон изменения – от -1 до -3. Другими словами, никто из участников исследования при данном экспериментальном условии не отрицал реальности эпизода, они скорее демонстрировали сомнение в точности своего воспоминания.

Наиболее яркую картину мы получили для условия, когда испытуемый пытался максимально использовать свои коммуникативные способности, убеждая интервьюера в ложности исходно субъективно истинного воспоминания. В этом случае уже 16 испытуемых (34%) впоследствии ошибочно сомневались в достоверности целевого эпизода, причем абсолютная величина «эффекта отречения» была максимальной по сравнению со всеми другими экспериментальными условиями и составила в среднем -1.32 (2.15). Оценка достоверности воспоминания снижалась в диапазоне от -1 до -6 баллов так, что 8 человек (17%) пришли к убеждению, что прежде несомненный эпизод никогда не имел места в реальности.

Различия в абсолютных значениях снижения достоверности воспоминаний о первоначально субъективно достоверных эпизодах статистически значимы между всеми экспериментальными условиями (по критерию знаков Уилкоксона: для условия «правда о правде» и «правда без повторения» $Z=2.372$, $p=0.018$; для условия «ложь о правде» и «правда без повторения» $Z=2.136$, $p=0.03$; для условия «правда о правде» и «ложь о правде» $Z=4.11$, $p=0.00$).

Стоит обратить внимание на то, что ложное подтверждение реальности субъективно нереального эпизода («ложь о лжи») дало эффект противоположный, но симметричный по выраженности условию декларации правдивости субъективно истинного воспоминания («правда о правде»). В том случае, когда от испытуемых требовалось рассказать ложный, с их точки зрения, эпизод события прошлого, как если бы это была правда, они также в 23.4% случаев изменяли свои оценки его реальности, но в сторону повышения со средним абсолютным значением +0.45 (0.95). В данном условии также не наблюдалось случаев полярных сдвигов оценок уверенности в истинности эпизодов, т.е. диапазон полученных оценок составил 1–4 балла. Различия между указанными условиями по критерию Уилкоксона отсутствуют ($Z=0.854$, $p=0.393$).

Парадоксальный результат, полученный в нашем исследовании, состоит в том, что после правдивого отрицания реальности субъективно ложного эпизода испытуемые в 14 случаях (29.8%) повысили свою уверенность в том, что данный эпизод имел место в действительности при среднем повышении в +0.72 (1.4) балла, что сходно со значениями однократного воспроизведения субъективно истинного эпизода ($Z=0.017$, $p=0.987$). Отметим, что при этом различия в сдвиге оценок между условиями лжи и правды о первоначально ложном событии не являются значимыми ($Z=1.582$, $p=0.1$).

В наглядной форме результаты представлены на рис. 1 и 2.

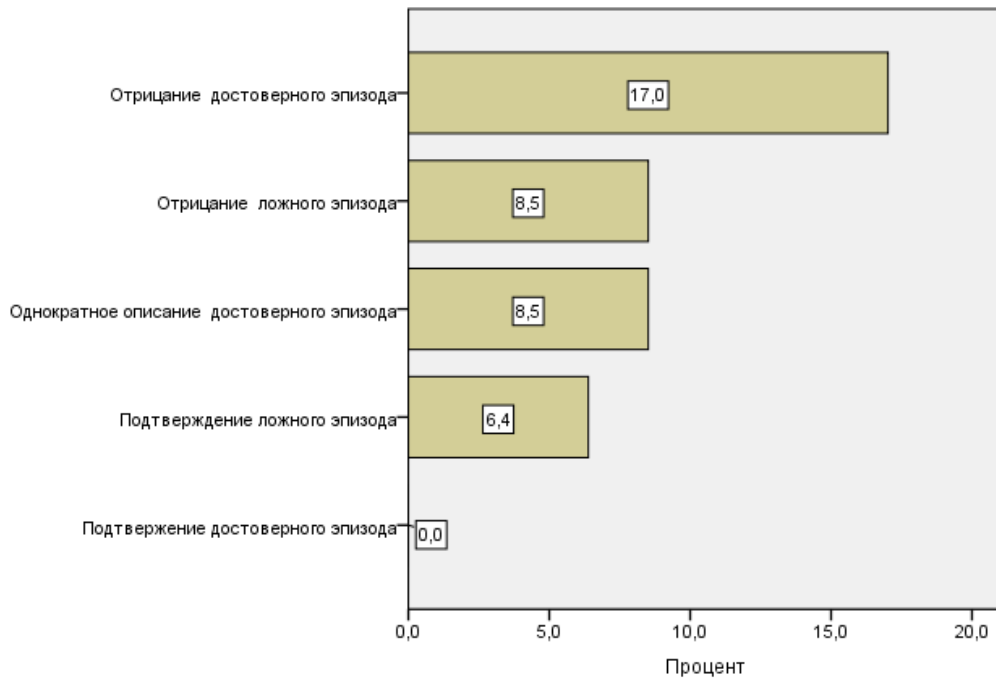
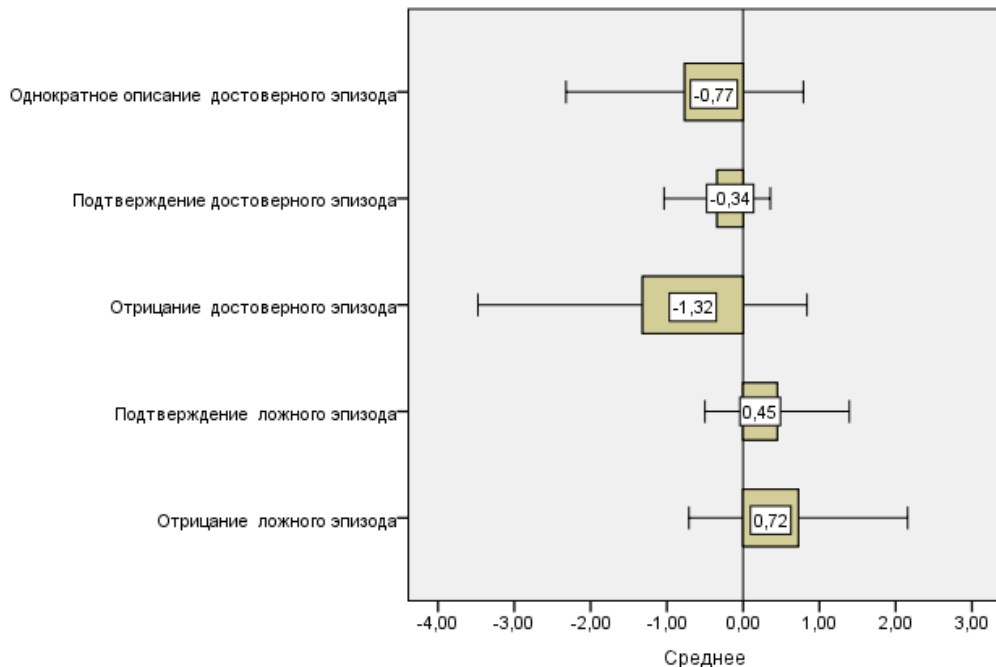

Рис. 1. Процент испытуемых, изменивших оценки субъективной достоверности автобиографического эпизода на противоположные (помню – не помню; не помню – помню)

Столбики ошибок: +/- 1 Стд. откл.

Рис. 2. Среднее изменение оценки субъективной достоверности автобиографического эпизода по семибалльной шкале

Обсуждение результатов

Таким образом, результаты проведенного нами полевого исследования поддерживают положение о высокой пластичности автобиографических воспоминаний и наличии закономерностей, определяющих разнонаправленные тенденции в динамике субъективной уверенности в истинности событий прошлого в зависимости от условий последующих воспроизведений этих событий.

Однократное воспроизведение субъективно правдивого эпизода прошлого без дополнительного обращения к нему в рамках экспериментальной процедуры, тем не менее, связано с отсроченным сомнением в его истинности в среднем у четверти наших испытуемых с полным отказом признавать его реальным у некоторых из них (8.5%). Можно объяснить полученный факт тем, что сама ситуация верификации истинности воспоминания повышает критичность к нему – первоначально совершенно убежденный в достоверности своей мнемической продукции человек начинает сомневаться после попытки точно оценить истинность стоящего за воспоминанием опыта, что должно учитываться при анализе показаний свидетелей и потерпевших.

Декларирование истинности субъективно правдивого воспоминания в коммуникативной ситуации связано с более высокой отсроченной убежденностью в его истинности. Хотя процент испытуемых, выразивших сомнение в достоверности воспоминания в данном условии аналогичен условию однократной актуализации, никто из них не отвергает свои воспоминания как полностью ложные.

В том случае, когда испытуемые пытались выдать за правду ложные эпизоды, наблюдалось лишь небольшое повышение их субъективной достоверности. Таким образом, нам удалось реплицировать результаты Л. Полэж в части подтверждения повышения критичности к содержанию своей памяти после умышленной лжи о реальности нереального события (эффект «fabrication deflation»). Испытуемые, пытавшиеся выдать за правду события, которые им самим представлялись ложными, никогда не достигали полной убежденности в том, что эти события происходили на самом деле. Отметим, что противоположное и многократно описанное явление «инфляции воображением» («imagination inflation»), т.е. атрибуция воображаемого события реальности прошлого имеет место, только если описание вымышленного события запоминается произвольно и человек не способен восстановить его источник [2].

В нашем исследовании получен новый для психологии памяти феномен «мнемического эффекта отречения», который, как мы считаем, связан с тем, что отказ от субъективно достоверного автобиографического опыта имеет большую «психологическую стоимость» по сравнению с принятием нового содержания. Испытуемые, вынужденные при выполнении инструкции убеждать интервьюера в ложности исходно субъективно истинного воспоминания, демонстрировали самые сильные изменения памяти. Более трети испытуемых (34%) после отречения от эпизода прошлого снижали его субъективную достоверность, причем 17% вовсе отказывали прежде несомненному эпизоду в реальности. В данном условии наблюдался и самый большой абсолютный негативный сдвиг в оценках. Аналогичный феномен может в определенной степени проявляться и у лиц, совершивших преступления после генерации ложного алиби.

Крайне интересно, что «мнемический эффект отречения» действует и относительно правдивого отрицания ложного эпизода. Иными словами, когда человек говорит правду о том, что целевого эпизода не было, он начинает верить в то, что он в действительности был.

Выводы

В заключение формулируем выводы экспериментального исследования, которые, по-нашему мнению, релевантны проблематике экспертизы истинности показаний.

- Неконсистентность во времени показаний участников следственных действий и судебного процесса сама по себе не может служить доказательством их ложности.
- Основным результатом проведенного исследования стало выявление закономерностей действия мнемического «эффекта отречения» в автобиографической памяти.
- Относительно субъективно истинных событий мнемический «эффект отречения» проявляется в том, что намеренное ложное отрицание события (отрицание правды) провоцирует процессы его забывания (через механизм активизации сомнения создается «частичная иллюзорность» события).
- Относительно субъективно ложных событий мнемический «эффект отречения» проявляется в том, что намеренное правдивое отрицание такого события (отрицание лжи) ведет к нарастанию его представленности в сознании в качестве реального. В результате отрицающий ложь все больше верит в то, что ложное событие имело место в действительности.

Литература

1. *Нуркова В.В.* Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Т. 19. №5. С. 15–30.
2. *Нуркова В., Бернштейн Д.* Корреспондентный подход в изучении памяти и проблема истинности воспоминаний // Ученые записки кафедры общей психологии Московского университета. Вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 160–177.
3. *Нуркова В.В.* Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сб. научных трудов. Т. 2 / Под ред. В.Д. Соловьева и Т.В. Черниговской. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 87–102.
4. *Нуркова В.В., Василенко Д.А.* Формирование вариативного репертуара самоопределяющих воспоминаний как средство развития самоидентичности // Вестник Российского государственного

- гуманитарного университета. Серия Психологические науки. 2013. № 18(119). С. 11–30.
5. *Нуркова В.В.* Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти // Мир психологии [в печ.].
 6. *Cima M., Nijman H., Meckelbach H., Kremer K. & Hollnack S.* Claims of crime-related amnesia in forensic patients // International Journal of Law and Psychiatry. 2004. Vol. 27. P. 215–221.
 7. *Culhane S. E., Hosch H. M.* Changed alibis: Current law enforcement, future law enforcement and layperson reactions // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol.39. P. 958–977 doi: 10.1177/0093854812438185
 8. *Frenda S.J., Nichols R.M. & Loftus E.F.* Current issues and advances in misinformation research // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. P.20–23.
 9. *Lindsay D.S., Johnson M.K.* False memories and the source monitoring framework: Reply to Reyna and Lloyd (1997) // Learning and Individual Differences. 2000. Vol. 12(2). P.145–161.
 10. *Olson E.A., Charman S.D.* «But can you prove it?» Examining the quality of innocent suspects' alibis // Psychology, Crime, and Law. 2012. Vol. 18. P. 453–471. doi:10.1080/1068316X.2010.505567
 11. *Oorsouw K.V., Merckelbach H.* Simulating amnesia and memories of a mock crime // Psychology, Crime & Law. 2006. Vol. 12:3. P. 261–271.
 12. *Polage D.C.* Fabrication deflation? The mixed effects of lying on subsequent memory // Applied Cognitive Psychology. 2004. Vol. 18. P. 455–465.
 13. *Polage D.C.* Liar, Liar, Memory on Fire // Symposium of University Research and Creative Expression (SOURCE). 2013, May 16. Paper 93. URL: <http://digitalcommons.cwu.edu/source/2013/oral presentations/93>.
 14. *Polage D.* Fabrication inflation increases as source monitoring ability decreases // Acta Psychologica. 2012. Vol. 139(2). P. 335–342. doi:10.1016/j.actpsy.2011.12.007
 15. *Strange D., Dysart J., Loftus E.F.* Why errors in alibies are not necessarily evidence of guilt // Zeitschrift fur Psychologie. 2014. Vol. 222(2). P.82–89.

To forget or to remember: denial deflation effect and subjective confidence of autobiographical memories

Nourkova V. V., Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (Nourkova@mail.ru)

The paper focuses on the problem of the long-lasting effect of deliberate lie on autobiographical memories, which seems to be of extreme importance for forensic psychology. Firstly, the literature on autobiographical memory's malleability is reviewed in the context of legal issues. Then we present the empirical field study carried out to examine dynamics of confidence toward episodes of personal past after participants had been instructed a) to retell a false episode as true; b) to retell a false episode as false; c) to deny the reality of a true episode. We coined the main finding as "Denial deflation". This effect exists in two forms. The first is forgetting of falsely denied true episode. The second is mistaken acceptance of truthfully denied false episode. Our findings indicate that the act of lying produces specific effect on memory performance both for intentional creation of false story and for intentional denial of true experience.

Keywords: autobiographical memory, lie, subjective confidence, autobiographical memory's malleability.

References

1. *Nourkova V.V.* Problema istinnosti avtobiograficheskikh vospominanij v processe sudoproizvodstva // *Psihologicheskij zhurnal*. 1998. T. 19. №5. S. 15–30.
2. *Nourkova V., Bernshtejn D.* Korrespondentnyj podhod v izuchenii pamjati i problema istinnosti vospominanij // *Uchenye zapiski kafedry obshhej psihologii Moskovskogo universiteta*. Vyp. 2 / Pod red. B.S. Bratusja, E.E. Sokolovoj. M.: Smysl, 2006. S. 160–177.
3. *Nourkova V.V.* Doverchivaja pamjat': Kak informacija vključaetsja v sistemu avtobiograficheskikh znanij // *Kognitivnye issledovanija: sb. nauchnyh trudov*. T. 2 / Pod red. V.D. Solov'eva i T.V. Chernigovskoj. M.: Institut psihologii RAN, 2008. S. 87–102.

4. *Nourkova V.V., Vasilenko D.A.* Formirovanie variativnogo repertuara samoopredelajushhih vospominanij kak sredstvo razvitija samoidentichnosti // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Serija Psihologicheskie nauki. 2013. № 18(119). S. 11–30.
5. *Nourkova V.V.* Problema netochnosti vospominanij v perspektive mnogokomponentnoj modeli pamjati // Mir psihologii [v pech.].
6. *Cima M., Nijman H., Meckelbach H., Kremer K. & Hollnack S.* Claims of crime-related amnesia in forensic patients // International Journal of Law and Psychiatry. 2004. Vol. 27. P. 215–221.
7. *Culhane S. E., Hosch H. M.* Changed alibis: Current law enforcement, future law enforcement and layperson reactions // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol.39. P. 958–977. doi: 10.1177/0093854812438185
8. *Frenda S.J., Nichols R.M. & Loftus E.F.* Current issues and advances in misinformation research // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. P.20–23.
9. *Lindsay D.S., Johnson M.K.* False memories and the source monitoring framework: Reply to Reyna and Lloyd (1997) // Learning and Individual Differences. 2000. Vol. 12(2). P.145–161.
10. *Olson E.A., Charman S.D.* «But can you prove it?» Examining the quality of innocent suspects' alibis // Psychology, Crime, and Law. 2012. Vol. 18. P. 453–471. doi:10.1080/1068316X.2010.505567
11. *Oorsouw K.V., Merckelbach H.* Simulating amnesia and memories of a mock crime // Psychology, Crime & Law. 2006. Vol. 12:3. P. 261–271.
12. *Polage D.C.* Fabrication deflation? The mixed effects of lying on subsequent memory // Applied Cognitive Psychology. 2004. Vol. 18. P. 455–465.
13. *Polage D.C.* Liar, Liar, Memory on Fire // Symposium of University Research and Creative Expression (SOURCE). 2013, May 16. Paper 93. URL: <http://digitalcommons.cwu.edu/source/2013/oral presentations/93>.
14. *Polage D.* Fabrication inflation increases as source monitoring ability decreases // Acta Psychologica. 2012. Vol. 139(2). P. 335–342. doi:10.1016/j.actpsy.2011.12.007
15. *Strange D., Dysart J., Loftus E.F.* Why errors in alibies are not necessarily evidence of guilt // Zeitschrift fur Psychologie. 2014. Vol. 222(2). P.82–89.

Динамика моральных суждений у юношей-военнослужащих в период прохождения действительной службы

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права ГОУ ВПО МГППУ, старший научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (oshevsky@serbsky.ru).

Фролова М.С., магистрант кафедры юридической психологии и права ГОУ ВПО МГППУ (mari_fr@mail.ru).

В статье представлены результаты эмпирического исследования динамики развития уровня моральных суждений у военнослужащих. На базе 614 ВКО ПВО – ПРО обследованы две группы солдат на разных этапах службы: готовящиеся к демобилизации (n=30) и новобранцы (n=25). В качестве методик использовалось специально разработанное полуструктурированное интервью, моделирующее ситуации морального выбора, и анкета, включающая ряд параметров, описывающих социально-психологические особенности военнослужащих и их отношение к службе. У юношей-военнослужащих выявлена положительная динамика в развитии моральных суждений и большая дифференцированность в оценках. Показано, что старослужащих от новобранцев отличает интенсивное развитие более высоких уровней моральных суждений – группоцентрического и просоциального. Их сформированность позволяет предполагать успешную адаптацию военнослужащего к условиям действительной воинской службы, соблюдение требований устава, умение справляться с агрессивными побуждениями, гибкость и адекватность оценок при принятии решений. Отмечено, что при проведении воспитательной работы с юношами-новобранцами усилия должны быть направлены на повышение группового сплочения в армейской среде.

Ключевые слова: военная психология, военнослужащие, моральные суждения, моральное сознание, развитие.

Для цитаты:

Ошевский Д.С., Фролова М.С. Динамика моральных суждений у юношей-военнослужащих в период прохождения действительной службы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Oshevskiy_Frolova.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/psylaw.2015100211

For citation:

Oshevskiy D.S., Frolova M.S. Dynamics of moral judgments in young soldiers during the period of military service [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2. Available at: URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Oshevskiy_Frolova.phtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/psylaw.2015100211

В соответствии со «Стратегией Социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года» планируется реализация комплекса мер, направленных на поддержание боевой готовности армии. Среди наиболее важных задач, стоящих перед командным составом – высококачественная профессиональная подготовка военнослужащих. Поэтому вопрос комплектования частей является, пожалуй, центральным в военно-социальной сфере. Его решение требует углубленной диагностики личностной зрелости и развития морально-нравственного сознания военнослужащих.

В русле военной психологии было показано, что для комплексного решения проблем Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ) психологическим аспектам воинской службы необходимо уделять внимание не меньше, чем обучению и развитию профессиональных знаний, умений и навыков солдата [7; 8; 11]. Психологическая оценка вновь прибывшего личного состава, направленная на своевременное выявление адаптационных проблем, позволяет своевременно планировать и проводить коррекционную работу с призывниками. Среди широкого круга вопросов, которые касаются включения новобранца в воинский коллектив, одним из наиболее важных является усвоение им норм и правил действительной воинской службы. Это требует не только определенного интеллектуального, но и морально-нравственного потенциала.

Изучению морального сознания, как высшего уровня регуляции социально значимого поведения, посвящен достаточно большой массив психологических работ [1-5; 10]. Однако на контингенте военнослужащих такие исследования практически не проводились. Между тем они позволили бы выделить важные аспекты психологической работы с военнослужащими и при необходимости проводить профилактические и коррекционные мероприятия. Перечисленными обстоятельствами обусловлена актуальность проведенного исследования. Его **целью** стало – выявление динамики моральных суждений у юношей-военнослужащих в период прохождения действительной службы.

Материал и методы и организация исследования

Исследование проведено на базе 614 ГВАРДЕЙСКОГО НЕВСКОГО КРАСНОЗНАМЕННОГО ОРДЕНА КУТУЗОВА III СТЕПЕНИ И АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ЗЕНИТНОГО РАКЕТНОГО ПОЛКА, ВОЙСКА ВОЗДУШНО – КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ И ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ (ВКО ПВО - ПРО). Для определения динамики уровня развития моральных суждений обследовались солдаты на разных этапах действительной воинской службы: военнослужащие, готовящиеся к демобилизации (n=30) – **гр. №1**, и новобранцы, только поступившие на воинскую службу (n=25) – **гр. №2**. Обе группы испытуемых принадлежали к одной возрастной категории – юношескому возрасту (средний возраст в **гр. №1**=

19,6 ±0,8 лет; средний возраст в гр. №2= 18,6 ±0,5 лет). Выборки были уравнены по социальному статусу испытуемых, материалом анализа послужили личные дела военнослужащих.

Особенностью несения воинской службы в ВКО ПВО – ПРО является высокий уровень ответственности, т.к. личный состав несет постоянное боевое дежурство. Поэтому на призывных комиссиях при наборе в данный род войск проводится первичный отбор новобранцев с учетом их интеллектуальных способностей и приобретенных социальных навыков (образование не ниже среднего специального, наличие водительского удостоверения и т.п.). В связи с этим полученные данные и выявленные на их основе закономерности не могут распространяться на более широкий контингент военнослужащих.

Первично были проанализированы учетно-послужные карты военнослужащих с характеризующим их материалом. На основании этих документов был выделен ряд параметров, описывающих социально-психологические особенности военнослужащих и их отношение к службе. Они использовались для создания специальной анкеты, включающей наиболее значимые из них. Анкету было предложено заполнить непосредственному командиру, который имеет наиболее тесный контакт с военнослужащими (сержанты, старшины, занимающиеся воспитательной работой с солдатами). По каждому параметру выставлялась оценка в баллах от «0» до «10», где – «10» соответствовала максимальной степени влияния признака на формирование моральных суждений. По завершению заполнения анкеты командиру необходимо было оценить общую успешность военнослужащего по 100-балльной системе значимости. Для снижения субъективизма в оценках командира была проанализирована информация о взысканиях, наложенных на военнослужащего (нарушение распорядка дня; опоздание в строй, снятие с наряда и т.п.) и сопоставлена с данными анкеты. Проведенный корреляционный анализ показал хорошую сходимость этих оценок, $r=0,44$ при $p<0,01$.

Для определения уровня развития моральных суждений у военнослужащих было разработано специальное полуструктурированное интервью. Методологической основой послужили концепции Колберга Л. о трехуровневом развитии моральных суждений (преконвенциональный, конвенциональный, постконвенциональный) и Братуся Б.С. о стадиях формирования морального сознания [1; 3; 14]. Подобный метод анализа использовался в ряде психологических работ для качественной и количественной оценки уровня развития моральных суждений на разных группах испытуемых [4; 5; 10]. Для интервью были смоделированы 3 ситуации, касающиеся морально-правовых аспектов воинской службы, которые приводятся ниже.

Ситуация 1. При каких обстоятельствах военнослужащему возможно нарушить правила несения караульной службы?

Ситуация 2. При каких обстоятельствах военнослужащему возможно допустить нарушение запрета о выходе за пределы части («уйти в самоволку»)?

Ситуация 3. В военное время возможно ли отказаться от участия в боевых действиях? По каким причинам это было бы допустимо?

Ситуации подобраны с учетом возможности оценить дифференцированность моральных суждений военнослужащих, т.к. ситуация 1 предполагает более серьезные негативные последствия, чем ситуация 2. Ситуация 3 моделировала гипотетическую возможность и была обращена к абстрактному уровню суждений.

Интервью проводилось в индивидуальном порядке. Испытуемый должен был как можно полнее обосновать при каких обстоятельствах допустимы/недопустимы подобные действия. Кроме того, по каждой ситуации фиксировались ответы, при которых военнослужащие находили субъективные оправдания порицаемым поступкам. Для оценки уровня развития моральных суждений, с возможностью отнесения их к той или иной категории, была выбрана систематика Братуся Б.С.

Высказывания формализовались следующим образом. Если ответ обосновывался исходя из собственных желаний и потребностей – он относился к *эгоцентрическому* уровню. В случае ориентации на мнение ближайшего окружения (референтную группу) – соответствовал *группоцентрическому* уровню. При обосновании ответа с опорой на общечеловеческие ценности констатировался более высокий уровень развития моральных суждений – *просоциальный*. Количество ответов в индивидуальном протоколе интервью подсчитывалось и заносилось в электронную карту обследования. Для оценки общего уровня развития моральных суждений подсчитывался интегративный показатель. Он получался путем суммирования количественных результатов по всем трем ситуациям.

Статистическая обработка результатов проводилась в программной среде Statistica 6.0 rus. Определение связей между параметрами анкеты и уровнем моральных суждений осуществлялся с помощью корреляционного анализа, использовался непараметрический критерий Спирмена (r). Сравнительное исследование в группах проводилось с применением непараметрического критерия Манна-Уитни (U). Кроме того, обобщенные данные верифицировались с помощью регрессионного анализа Regression Summary for Dependent Variable.

Результаты исследования

Сравнительный анализ количественных показателей полуструктурированного интервью выявил ряд значимых различий в исследуемых группах (табл. 1).

Таблица 1.

Сравнительное исследование уровня моральных суждений у военнослужащих в зависимости от срока службы*

Уровень моральных суждений развития	Средние показатели у старослужащих	Средние показатели у новобранцев	р
Эгоцентрический 2 **	1,17	1,96	0,03
Эгоцентрический 3	0,24	0,96	0,01
Эгоцентрический интегративный	2,66	3,80	0,03
Группоцентрический 1	1,17	0,52	0,04
Группоцентрический 2	2,14	0,60	0,01
Группоцентрический й 3	2,28	1,08	0,01
Группоцентрический интегративный	5,59	2,20	0,01
Просоциальный 2	0,24	0,04	0,05
Просоциальный 3	1,48	0,40	0,01
Просоциальный интегративный	1,76	0,44	0,01

Обнаружено, что военнослужащие, которые готовятся к демобилизации, в большинстве своем демонстрируют способность обосновывать ситуации, касающиеся правил несения воинской службы, исходя из более высокого – группоцентрического уровня развития моральных суждений. Это значимо ($p < 0,01$)

* В таблице приведены только достоверные различия.

** Цифрой указан номер ситуации полуструктурированного интервью.

отличает их от солдат-новобранцев, для которых характерно преобладание эгоцентрического уровня. Не исключено, что такая тенденция у последних обусловлена адаптационными процессами к условиям прохождения службы, которые существенно отличаются от привычного образа жизни до призыва, и связанным с этим некоторым регрессом в поведении и оценках. У старослужащих преобладание группоцентрического уровня, возможно, связано с теми социально-психологическими процессами, которые происходят в армейском коллективе, в частности – групповым сплочением.

Сравнительное количественное исследование по ситуации нарушения караульной службы (ситуация 1) выявило значимые различия в уровнях моральных суждений. Если в группе новобранцев преобладает эгоцентрический уровень развития моральных суждений, то для солдат, готовящихся к демобилизации, характерны более высокие уровни (группоцентрический и просоциальный). Из этого можно заключить, что старослужащие не только хорошо осведомлены о наступлении возможных дисциплинарных санкций, но и хорошо ориентированы в правовой составляющей этого вопроса. Они нередко указывают конкретные статьи из Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, старослужащие понимают, что подобное поведение может негативно сказаться на всем коллективе в целом. Для иллюстрации данного положения мы приводим данные качественного анализа отдельных протоколов: *«Никогда не совершу этого, так как это попадает под действия ст. 337 Уголовного Кодекса. Если хорошо знать законы и устав, то можно жить без проблем, особенно в армии».*

Особенно наглядно эта тенденция проявляется при анализе данных по ситуации 2. Новобранцы рассуждают преимущественно исходя из эгоцентрического уровня. Примером может служить следующее высказывание: *«Я могу покинуть подразделение, если меня не будут кормить. Я пойду на все, чтобы это исправить!».* Это значимо ($p < 0,03$) отличает их от солдат, которые готовятся к демобилизации. К концу воинской службы солдаты достигают более высокого уровня морального развития – группоцентрического. Следует подчеркнуть, что в условиях прохождения действительной службы существует норма коллективной ответственности за нарушение дисциплины. Так, при самовольном оставлении части наказанию подвергается не только сам нарушитель, но и весь его взвод, а также командный состав. Поэтому в своих суждениях старослужащие ориентируется не только на возможность негативных для себя последствий (эгоцентрический уровень), но и на нормы референтной группы (группоцентрический уровень). Качественный анализ их высказываний подтверждает это положение: *«Я никогда не сбегу, потому что неприятности будут у моих товарищей по службе и офицерского состава. Любую проблему можно решить, командиры тоже люди!».* Наряду с этим наблюдается формирование еще более высокого уровня развития моральных суждений, просоциального: *«Это недостойный поступок для солдата российской армии, который принял присягу!»*

Наиболее интересные результаты были получены при анализе ситуации № 3, которая, по сути, затрагивала нравственные аспекты воинской деятельности. Распределение ответов по всем без исключения уровням развития моральных суждений выявило различия в исследуемых группах. При обосновании возможности/невозможности прохождения действительной воинской службы в

военное время новобранцы ориентируются в большей степени на эгоцентрические смыслы. Примером такого высказывания может служить такая фраза: «Я не хочу быть убитым, у меня вся жизнь впереди!». Эти тенденции в некоторой степени характерны для старослужащих. Однако они достоверно менее выражены. Необходимость защиты своей страны, как минимум исходя из интересов референтной группы, отмечают большинство старослужащих солдат. Для иллюстрации приводим следующее высказывание из протоколов: «Я должен защищать свою семью, родных людей. Если все будут отказываться от участия в боях, то в каком положении могут оказаться наши семьи?». К концу воинской службы достоверно большее количество ($p < 0,01$) военнослужащих рассуждают о необходимости несения воинской службы в военное время исходя из просоциальных мотивов.

Выявленные тенденции позволяет заключить, что при проведении воспитательной работы с юношами-новобранцами усилия должны быть направлены на повышение группового сплочения армейской среды, повышение ответственности не только за собственные действия, но и коллектива в целом.

Для проверки описанных закономерностей был проведен регрессионный анализ интегративных показателей, характеризующих уровни развития моральных суждений (табл. 2).

С увеличением срока службы повышается количество ответов, относящихся к группоцентрическому и просоциальному уровням моральных суждений, число эгоцентрических высказываний – снижается.

Таким образом, на развитие моральных суждений юношей, проходящих действительную службу, указывают значимые различия в количественных показателях по уровням развития моральных суждений. Кроме того, происходит дифференциация в моральных суждениях в зависимости от уровня негативных социальных последствий.

Таблица 2.

Регрессионный анализ параметров, характеризующих динамику развития моральных суждений у военнослужащих в период прохождения действительной службы

Уровень развития моральных суждений	B	P
Эгоцентрический уровень развития моральных суждений	0,291	0,03
Группоцентрический уровень развития моральных суждений	-0,651	0,01

Просоциальный уровень развития моральных суждений	-0,569	0,01
---	--------	------

Корреляционное исследование между данными полуструктурированного интервью и анкеты выявило ряд достоверных ($p < 0,01$) корреляций (табл. 3). Так, у военнослужащих из полных семей выявляется прямая корреляционная связь с группоцентрическим и, во многом, с просоциальными уровнями развития моральных суждений ($r = 0,36$ и $r = 0,49$ соответственно). Наряду с этим отмечены значимые ($p < 0,05$) отрицательные корреляционные связи между параметрами анкеты, характеризующими негативный семейный контекст и уровнем развития моральных суждений – $r = -0,27$. В частности обнаружены обратные корреляции между стилем воспитанием («Тип семейного воспитания гиперопека») и формированием просоциальных установок. Возможно, излишняя опека со стороны родителей приводит к меньшей самостоятельности, невысокому собственному контролю, поэтому моральные нормы воспринимаются в виде клише и не наполняются собственным внутренним содержанием.

Таблица 3.

Корреляционные показатели между данными анкеты и полуструктурированного интервью

Категории	R	p
Состав семьи полная семья & группоцентрический уровень развития моральных суждений	0,36	0,01
Состав семьи полная семья & просоциальный уровень развития моральных суждений	0,49	0,00
Сильная семейная привязанность & группоцентрический уровень развития моральных суждений	-0,28	0,04
Сильная семейная привязанность & просоциальный уровень развития моральных суждений	-0,32	0,02
Тип семейного воспитания гиперопека & просоциальный уровень развития моральных суждений	-0,27	0,05

Криминальность родителей и ближайшего окружения & эгоцентрический уровень развития моральных суждений	0,28	0,04
Адаптационные особенности & просоциальный уровень развития моральных суждений	0,37	0,01
Поведенческие особенности & просоциальный уровень развития моральных суждений	0,32	0,02
Способность справляться с агрессией & группоцентрический уровень развития моральных суждений	0,46	0,00
Способность справляться с агрессией & просоциальный уровень развития моральных суждений	0,39	0,00
Склонность к риску & группоцентрический уровень развития моральных суждений	-0,31	0,02
Склонность к риску & просоциальный уровень развития моральных суждений	-0,45	0,00
Гибкость, адекватность оценок при принятии решений & эгоцентрический уровень развития моральных суждений	-0,36	0,01
Мобильность мышления & группоцентрический уровень развития моральных суждений	0,65	0,00
Мобильность мышления & просоциальный уровень развития моральных суждений	0,40	0,00
СМИ & группоцентрический уровень развития моральных суждений	0,27	0,05

Компьютерные игры & эгоцентрический уровень развития моральных суждений	0,44	0,00
Компьютерные игры & группоцентрический уровень развития моральных суждений	-0,53	0,00
Компьютерные игры & просоциальный уровень развития моральных суждений	-0,59	0,00
Плохие взаимоотношения с другими молодыми людьми, проходящими службу & эгоцентрический уровень развития моральных суждений	0,27	0,05
Плохие взаимоотношения с другими молодыми людьми, проходящими службу & группоцентрический уровень развития моральных суждений	-0,47	0,00
Плохие взаимоотношения с другими молодыми людьми, проходящими службу & просоциальный уровень развития моральных суждений	-0,46	0,00
Общая оценка успешности командиром & группоцентрический уровень развития моральных суждений	0,43	0,00
Общая оценка успешности командиром & просоциальный уровень развития моральных суждений	0,42	0,00

Были получены достоверные ($p < 0,05$) корреляционные связи между показателем анкеты «Криминальность родителей и ближайшего окружения» и преобладанием эгоцентрического уровня – $r = 0,28$. В исследованиях противоправного поведения [6; 9; 10] показано, что вместе с присвоением норм определенной субкультуры нередко происходит социализация в рамках этой субкультуры. Не исключено, что вследствие воспитания в подобной среде, молодой человек – будущий солдат, в большей мере ориентирован на личные, эгоцентрические интересы, и в меньшей – на групповые и просоциальные ценности. Получена достоверная ($p < 0,05$) обратная корреляционная связь между данными анкеты по параметру «Сильная семейная привязанность» и количеством ответов по группоцентрическому и просоциальному уровням развития моральных суждений –

$r=-0,28$ и $r=-0,32$ соответственно. Возможно, что сильная семейная привязанность создает трудности для военнослужащих при адаптации к новым условиям. Не исключено, что разлука с родителями и ближайшим окружением приводит к некоторому регрессу, о котором говорилось ранее. Поэтому одним из важных направлений работы с юношами – военнослужащими, проходящими действительную воинскую службу, является помощь в интеграции в армейский коллектив, а также организация возможности регулярной связи с семьей и близким окружением. Кроме того, это необходимо не только для юноши – военнослужащего, но и для членов его семьи.

Корреляционный анализ, описывающий возможные связи между рядом индивидуально-психологических особенностей и уровнем развития моральных суждений, также выявил некоторые достоверные корреляции.

При анализе шкал «Поведенческие особенности» и «Адаптационные особенности», были отмечены значимые положительные корреляции ($p<0,05$) с формированием просоциального уровня развития моральных суждений ($r=0,32$ и $r=0,37$ соответственно). Таким образом, сформированность более высокого уровня развития моральных суждений позволяет предполагать более успешную адаптацию военнослужащего к условиям действительной воинской службы.

Прослежены достоверные ($p<0,05$) корреляции между параметром анкеты «Способность справляться с агрессией» и уровнем развития моральных суждений. Так военнослужащие со сформированными группоцентрическим и просоциальным уровнями развития моральных суждений, в меньшей степени склонны к агрессивным проявлениям, а при возникновении конфликтных ситуаций лучше справляются с агрессивными побуждениями. Такие военнослужащие в мирное время в меньшей степени склонны к рискованному поведению (соответствующий параметр анкеты). Не исключено, что при принятии решений, связанных с ситуациями риска, солдаты с более высоким уровнем развития моральных суждений имеют тенденцию к принятию более взвешенных решений, поскольку ориентируются на мнение референтной группы и просоциальные ценности.

Несмотря на то, что не проводились специального исследования когнитивной сферы военнослужащих, гибкость и адекватность оценок при принятии решений (соответствующий параметр анкеты, оцениваемый командиром), положительно коррелирует с уровнем развития моральных суждений. Эти важные свойства связаны с развитием более высоких уровней развития моральных суждений – группоцентрическим и просоциальным. Следует подчеркнуть, что служба в ВКО ПВО-ПРО предполагает способность быстрого принятия ответственных решений. Возможно, использование предложенных ситуаций в рамках первичного отбора военнослужащих в эти подразделения даст первичные представления об их профессионально важных качествах.

Общая ориентированность юношей-военнослужащих в социальных проблемах, о которых говорится в средствах массовой информации (параметр «СМИ»), имеет достоверную ($p<0,05$) положительную корреляцию с формированием более высокого уровня развития моральных суждений. Возможно, что это связано с изменившимися в последнее время тенденциями и включением в телетрансляции и

публикации информации, связанной с идеологией и патриотическим воспитанием молодежи.

Вместе с тем обнаружена достоверная ($p < 0,05$) отрицательная корреляция между временем, проведенным за компьютерными играми, иными гаджетами и уровнем развития моральных суждений военнослужащих. Однако отмеченная тенденция требует более глубокого исследования с использованием профильных психодиагностических средств.

Выявлены достоверные ($p < 0,05$) корреляционные связи между параметрами анкеты, относящимися к взаимодействию военнослужащего с другими членами армейского коллектива и уровнем развития моральных суждений. Так по параметру «Плохие взаимоотношения с другими молодыми людьми, проходящими службу» отмечена прямая корреляция с эгоцентрическим уровнем развития моральных суждений. Низкая способность к кооперации, трудности установления межличностных контактов, неспособность военнослужащего соотносить свои желания и потребности с нормами и правилами, в том числе референтной группы, могут являться источником конфликтов и приводить к нарушению дисциплины в воинском коллективе. Напротив, те солдаты, которые демонстрируют более высокий уровень моральных суждений, имеют меньше проблем взаимоотношения с сослуживцами.

Прослежены значимые ($p < 0,05$) прямые корреляционные связи между уровнем развития моральных суждений и успешностью военнослужащего при несении службы в мирное время, которая оценивалась его непосредственным командиром («Общая оценка успешности командиром»). Обнаружено, что более высокие уровни тесно связаны с соблюдением солдатом воинской дисциплины и успешностью овладения военной профессией.

Заключение

В процессе прохождения действительной воинской службы у юношей-военнослужащих выявлена положительная динамика в развитии моральных суждений. Отмечается большая дифференцированность в оценках в зависимости от возможных последствий проблемных ситуаций.

У старослужащих, при обосновании своих поступков в проблемных ситуациях, связанных с действительной воинской службой, выявляется преобладание группоцентрического уровня развития моральных суждений, при котором акцент делается на интересы референтной группы. Возможно, это связано не только с нормами коллективной ответственности, принятыми в воинской среде, но и рядом социально-психологических процессов, которые происходят в армейском коллективе, в частности, групповым сплочением. Старослужащих от вновь прибывших отличает интенсивное формирование более высокого – просоциального уровня развития моральных суждений. Эта тенденция проявляется не только в отношении ситуаций, связанных с правилами несения действительной воинской службы и выполнением норм устава, но и их рассуждений относительно готовности участия в боевых действиях.

Выявлены значимые корреляционные связи между уровнем развития моральных суждений и рядом социально-психологических характеристик военнослужащих. Военнослужащие, которые воспитывались в полных семьях, с использованием адекватных моделей воспитания, демонстрируют более высокие уровни развития моральных суждений. В то время как у солдат из неблагополучных семей, в том числе, где родители и ближайшие родственники имеют криминальный опыт, при обосновании своего поведения отмечена склонность ориентироваться на собственные желания и потребности и, в меньшей степени, на групповые и просоциальные ценности.

Сформированность высоких уровней развития моральных суждений позволяет предполагать более успешную адаптацию военнослужащего к условиям действительной воинской службы, умение справляться с агрессивными побуждениями, гибкость и адекватность оценок, принятие более взвешенных решений. Военнослужащие с невысоким уровнем моральных суждений, прежде всего эгоцентрическим, как правило, имеют низкую способность к кооперации, трудности установления межличностных контактов. Показано, что более высокие уровни развития моральных суждений тесно связаны с соблюдением солдатом воинской дисциплины, соответствием требованиям воинского устава, а также успешностью овладения военной профессией.

Выявленные особенности развития моральных суждений могут быть использованы при разработке коррекционных программ для повышения эффективности для прохождения действительной службы. Одним из важных направлений работы с юношами – военнослужащими, проходящими действительную воинскую службу, является помощь в интеграции в армейский коллектив, а также организация возможности регулярной связи с семьей и близким окружением. При проведении воспитательной работы с юношами-новобранцами усилия должны быть направлены на повышение группового сплочения армейской среды, повышение ответственности не только за собственные действия, но и коллектива в целом.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. № 3. С.5-17.
2. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. М.: НПО МОДЭК, 1997. 352 с.
3. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. – 1997. №5. С. 3-19.
4. *Бочкарева Г.Г.* Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 259-350.

-
5. *Дозорцева Е.Г.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая несовершеннолетних обвиняемых (психологический аспект). Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988. 239 с.
 6. *Дозорцева Е.Г.* Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. 352 с.
 7. *Караяни А.Г.* Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.
 8. *Караяни А.Г.* Введение в профессию военного психолога: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: «Академия», 2007. 208 с.
 9. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
 10. *Ошевский Д.С.* Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект): автореф. ... дисс. канд. психол. наук: 19.00.04. М.: Московский научно-исследовательский институт психиатрии, 2006. 23 с.
 11. *Сыромятников И.В.* Организация психологической работы в воинской части в мирное время: учеб. пособие. М.: ВУ, 2000. 152 с.
 12. *Фельдштейн Д.И.* Психология развивающейся личности: избранные психологические труды. — М.; Воронеж: Институт практической психологии: НПО «Модек», 1996. — 512 с.
 13. *Gibbs J.* Moral Maturity // Measuring the Development of Sociomoral Reflection. / Ed. Gibbs J., Basinger K., Fuller D. London: Lawrence Erlbaum associates, publishers, 1992. P. 20-31.
 14. *Kohlberg L.* Moral Stages and Moralization // Moral development and behavior. Theory, research, and social issues. / Ed. T. Lickona. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. P. 31-53.

Dynamics of moral judgments in young soldiers during the period of military service

Oshevskiy D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Senior Research Associate, Laboratory of child and adolescent psychology, Serbsky Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health (oshevsky@serbsky.ru)

Frolova M.S., Master Student, Chair of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (mari_fr@mail.ru)

We have conducted an empirical study of the dynamics of the level of moral judgments in the military. Two groups of Missile Defense Force soldiers present the sample: preparing for demobilization (n=30) and new recruits (n=25). As the methods we used specially developed semi-structured interview modeling the situation of moral choice, and the questionnaire in order to assess the socio-psychological characteristics of the military and their attitude to service. The young soldiers have a positive trend in the development of moral judgments and a greater differentiation in the estimates. It is shown that the old-timers in comparison with newcomers have intensive development of group-oriented and prosocial moral reasoning. It presumably connected with successful adaptation to military service, following the manual, the ability to cope with aggressive impulses, flexibility and value assessments in decision-making. It is noted that educational work with young recruits should include measures to increase group cohesion in the army.

Keywords: military psychology, soldiers, moral judgments, moral consciousness, development.

References

1. *Ancyferova L.I.* Svjaz' moral'nogo soznaniya s nравstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovaniy Lourensa Kolberga i ego shkoly) // Psihologicheskij zhurnal. 1999. № 3. S.5-17.
2. *Bozhovich L.I.* Problemy formirovaniya lichnosti. M.: NPO MODJeK, 1997. 352 s.
3. *Bratus B.S.* K probleme cheloveka v psihologii // Voprosy psihologii. – 1997. №5. S. 3-19.
4. *Bochkareva G.G.* Psihologicheskaja harakteristika motivacionnoj sfery podrostkov-pravonarushitelej // Izuchenie motivacii povedeniya detej i podrostkov / Pod red. L. I. Bozhovich i L. V. Blagonadezhinoy. M.: Pedagogika, 1972. S. 259-350.

-
5. *Dozorceva E.G.* Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja nesovershennoletnih obvinjaemyh (psihologicheskij aspekt). Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1988. 239 s.
 6. *Dozorceva E.G.* Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem. M.: GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 2004. 352 s.
 7. *Karajani A.G.* Prikladnaja voennaja psihologija. SPb.: Piter, 2006. 480 s.
 8. *Karajani A.G.* Vvedenie v professiju voennogo psihologa: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. M.: «Akademija», 2007. 208 s.
 9. *Kon I.S.* Psihologija rannej junosti. M.: Prosveshhenie, 1989. 255 s.
 10. *Oshevskij D.S.* Psihicheskoe razvitie u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih agressivno-nasil'stvennye pravonarushenija (psihologicheskij aspekt): avtoref. ... diss. kand. psihol. nauk: 19.00.04 . M.: Moskovskij nauchno-issledovatel'skij institut psihiatrii, 2006. 23 s.
 11. *Syromjatnikov I.V.* Organizacija psihologicheskoy raboty v voinskoj chastja v mirnoe vremja: ucheb. posobie. M.: VU, 2000. 152 s.
 12. *Feldshtejn D.I.* Psihologija razvivajushhejsja lichnosti : izbrannye psihologicheskie trudy. — M.; Voronezh: Institut prakticheskoy psihologii : NPO «Modek», 1996. — 512 s.
 13. *Gibbs J.* Moral Maturity // Measuring the Development of Sociomoral Reflection. / Ed. Gibbs J., Basinger K., Fuller D. London: Lawrence Erlbaum associates, publishers, 1992. P. 20-31.
 14. *Kohlberg L.* Moral Stages and Moralization // Moral development and behavior. Theory, research, and social issues. / Ed. T. Lickona. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. P. 31-53.